

А 153 802-11 212
СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА,

не копировать

Ж У Р Н А Л Ъ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ

И

СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИИ;

ИЗДАВАЕМЫЙ

Николаемъ Гречемъ

И

Евдеемъ Булгаринымъ.

ЧАСТЬ СТО ПЕРВАЯ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

въ типографіи Н. Греча.

1825.

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1825. № IX. — XII

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ГОЛЛАНДСКІЙ КУПЕЦЪ.

(*Истинная Повесть.*)

Политическія обстоятельства лишили Совѣтника Бурдаха мѣста по службѣ, и принудили его выѣхать изъ отечества. Въ чужой землѣ искалъ онъ крова и пропитанія; писалъ опшуда къ роднымъ, друзьямъ и покровителямъ — все понапрасну. Друзья и покровители сожалѣли, желали много, но ни мало не помогали бѣдному человѣку, хотя все признавали въ опшличныхъ его достоинствахъ. Такъ прожилъ онъ два года на чужбинѣ въ надеждахъ и обольщеніяхъ. Какъ внезапно такое положеніе, можетъ чувствовашь одинъ только несчастный. Последний скарбъ, остававшійся у Бурдаха и жены его, доброй и любезной, былъ распроданъ; платье, бѣлье перешло мало по малу въ мелочныя идиовскія лавки. Пришлось опсправить шу-

Печатать дозволяется,

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлены были семь экземпляровъ въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Апрѣля 21 дня 1825 года.

*Цензоръ Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ
Александръ Красовскій.*

1825/VI/36

да же и постели. Каждый из супругов хотѣлъ опдѣлать напередъ свою, и спать на соломѣ.

Къ спору прислушалась Аннеша, осмилѣвшая, единственная дочь несчастныхъ родителей. Опирая слезы, ласкалась она къ отцу и говорила: „Возьми мою постельку, папенька; я буду спать на полу.“

— „До чего мы дожили!“ вскричала опецъ, поднявъ къ небу взоры.

Аннеша спала попеременно то у отца, то у матери; хорошенькая постелька ей продали еще на три мѣсяца плачевную жизнь семейства.

Бурдахъ былъ человекъ дѣловой, опытный, но другихъ талантовъ у него не было: онъ не умѣлъ чешко писать, вовсе не имѣлъ рекомендацій.

Когда бъ знали его прилежаніе, усердіе къ службѣ, основательныя свѣдѣнія, зоркій умъ, кротость, доходившую почти до излишества — тогда нашель бы онъ конечно кусокъ хлѣба; но гдѣ ни искалъ онъ мѣста секретаря, учителя, бухгалтера, вездѣ пожимали только плечами, вида скудную наружность искашеля.

Жена его желала бы учить женскимъ работамъ, но въ кварширь ихъ, бѣдной и тѣсной, одна комната вмѣщала въ себя спаль-

ню, споловую и гостиную: никто не хотѣлъ посылать къ нимъ дѣшей своихъ. Она работала кое-что на продажу для слугъ, а Бурдаху наконецъ удалось найти два, при дома, въ кошорыхъ училъ онъ маленькихъ дѣшей грамотѣ.

Такъ перебивались они со дня на день; не ѣли мяса, пили одну воду; дома ходили босикомъ, сберегая обувь.

Бурдахъ прежде того любилъ курить табакъ. Трубки, со всеми принадлежностями, давно были проданы. Однажды говорилъ онъ уныло: „хоть бы одинъ разъ въ недѣлю выкуривать мнѣ по трубочкѣ. Спранная сила привычки! Когда вхожу къ человекѣ за жилищному, и повѣшь на меня табачнымъ дымкомъ — ахъ, мои милыя! вы не повѣрите, какую вдругъ получаю охоту курить. Хоть бы по Воскресеньямъ курить по одной только трубочкѣ! только по одной!“

Жена его выхваляла кофе: „Боже мой!“ говорила она: „какое прежде было житье! По Воскресеньямъ, рано поутру, ты сидишь бывало за своей трубочкой; начнушь побрякивать чашками; принесутъ темный, ароматный кофе, густыи съ пѣнкою сливки. Ахъ, одну только чашечку хотѣла бы я выпить, только одну!“

— „И маменька“ — подхватила шутя Аннеша, опложивъ сухую, обглоданную краюху хлѣба: „маменька приказывала принеши булокъ. То-шо были булки! Сверху посыпаны сахаромъ и мелкими, мелкими кусочками миндаля. Какъ вкусны! Маменька, нельзя ли хоть одинъ разочекъ вѣльшь принесли такихъ булокъ — одинъ шолько разочекъ?“

Каждое слово раздирало душу отца. Ньсколькo уже дѣль жена и дочь голодали вѣльшь съ нимъ; всѣ упѣхи жизни приносили онѣ на жертву горькой его участи — и все еще не имѣлъ онъ надежды на лучшую долю. Имъ овладѣло уныніе; изъ глазъ пробилась слеза; онъ опвернулся. Тутъ подбѣжала Аннеша, поцѣловала ему руку, и сказала съ ангельскимъ просиодушіемъ: „Не плачь, папенька; не хочу я булокъ; я пошутила. Эшопѣ хлѣбъ мнѣ также вкусенъ. Не плачь, папенька; мы вѣдь всѣ вмѣстѣ!“

Бурдахъ приподнял малюпку, и прижалъ въ умилени къ сердцу. Распроганная мать обняла обоихъ. „Нѣтъ!“ вскричалъ Бурдахъ: „не могу назваться несчастнымъ. Милая жена, милая дочь! Элиза! ты, моя несравненная Элиза, въ моихъ объятіяхъ! Боже, Боже мой! Дай мнѣ швердосни!“

Когда Бурдахъ съ женою оспались одни, послѣдняя припала къ груди супруга, и сказала умильно: „Завтра день рожденія нашей Аннешы.“

— „Завтра, въ Воскресенье!“

„Да, завтра, другъ мой; ей минешъ уже восемь дѣль. Знаешъ что? мнѣ хорошо заплашили за послѣднюю работу мою: не купишь ли Аннешѣ передничка? Вѣдненькая уже два года ничего не получала ни въ день рожденія, ни на праздникъ Рождества Христова (*).“

— „Да, Элиза, ушѣшь швое дѣля, ушѣшь самую себя; купи ей пожалуйста и миндальную булку.“

„Милый, добрый мужъ!“

— „Да сдѣлай и себя ширь: свари хорошаго кофе.“

„Нѣтъ, другъ мой, я шушила. Послушай: мы оба не будемъ сегодня ужинашъ, шакъ и сбережешся на булку.“

— „Добрая, добрая душа! Зачѣмъ дѣла шны шерпѣшь вмѣстѣ со мною!“

„Что жъ я шерплю, мой милый! Ты и Аннеша, вы оба живы и здоровы. Чего жъ мнѣ боать!“

(*) Weisphaften. Извѣстень обычай у Нѣмцевъ, дѣлать подарки дѣтямъ наканунѣ праздника Р. Х.

Бурдахъ обнялъ жену. Въ эпошъ день былъ онъ болѣе расстроганъ, нежели когда-либо. „У меня есть еще серебряная пуговка отъ камзола покойнаго отца моего:“ — сказала онъ: „пойду и продамъ ее. Надобно порадовашь Аннешу. Можешь быть, я поздно приду: не шревожся обо мнѣ, другъ мой!“
Добрая жена обняла его съ чувствивомъ благодарности.

Вблизи отъ города лежить мѣстечко ***, извѣстное минеральными водами. Въ лѣтнее время шуда привѣзжалъ Жидъ, мелочной торговецъ. Туда пошелъ Бурдахъ, и хотѣлъ продать Жиду серебряную пуговку, чпобъ сдать подарокъ Аннешъ.

Со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ водамъ посѣщители. Особенно въ эпошъ годъ общество было многолюдно. Гульбища наполнились знанью. Въ эпошъ кругу Бурдаху не полюбилось. Бѣднякъ, у котораго дома шерпящъ голодъ жена и ребенокъ, не можешь быть равнодушень посреди людей богатыхъ и роскошныхъ. „Тысячной доли шого, чпо вы, избалованные“ — говорилъ онъ въ самомъ себѣ: — „расшочаете сегодня на пустыя прихоти, было бы достаточпо, чпобъ прокормить меня и домашнихъ моихъ въ шеченіе цѣлаго года.“ Уныніе овладѣло его душою. Но когда посмолрѣлъ онъ поириснать-

нѣе на распухшія ноги богатыхъ подагриковъ, на пощія лица чахоточныхъ знаныхъ дамъ, на блѣдныя щеки ихъ вялыхъ дѣшей, и вспомнилъ о своей здоровой женѣ, о своей цвѣтущей Аннешъ — ему спало гораздо веселье.

Онъ удалился въ Англійскій паркъ вблизи минеральныхъ банъ: шамъ было не шакъ шумно; шамъ было ему легче. У озера, подъ развѣсисшымъ каштановымъ деревомъ, спояла дерновая скамья; онъ сълъ шамъ, и наслаждался привлекательнымъ видомъ окрестностей. Прощивъ него, на оспровкѣ, посреди озера, сидѣли на шравѣ двое, — казалось, мужъ и жена. Синь ихъ, мальчикъ лѣтъ семи, споялъ въ лодкѣ, на которой подѣхали они къ оспровку, и качался.

Бурдахъ былъ погружень въ размышленіе, но спокоень. На другой день думалъ онъ привесити сюда жену и дочь, переѣхавъ съ ними на оспровокъ, и шамъ насладитесь прилпною прогулкою съ полудня до вечера.

Вдругъ ужасный крикъ несчастныхъ родителей съ оспрова поразилъ слухъ его. Онъ взглянулъ на озеро. Поверхъ воды, видна одна головка дышати. Родители, ломая руки въ отчаяніи, спояшъ на берегу. Дитя пропшгиваетъ изъ воды руки, и наконецъ исче-

заспѣ. Бурдахъ прыгнулъ въ озеро—попаялъ, какъ щука.

„Даю половину моего имѣнія, если спасете дѣтя!“ кричалъ отецъ съ берега. Бурдахъ не слыхалъ обѣщаній отца, не видалъ опчаянїя матери — боролся только съ волнами. Онъ доплылъ до дѣтяши, вынесъ его на островъ и положилъ на цѣвущій дернъ. Мальчикъ былъ живъ, и вскорѣ открылъ глаза. Отецъ и мать обнимали по сына, по его избавителя. Прекрасная, молоденькая женщина цѣловала руки Бурдахъ, цѣловала его въ уста. Отецъ становился передъ нимъ на колѣна. Мальчикъ заговорилъ. Румянецъ снова появился на его щекахъ, и онъ съ улыбкою смотрѣлъ на слезы упоенной радости матери. Бурдахъ былъ сильно пропущенъ. И у него выступили на глазахъ слезы радости. Родители въ безмолвіи поцѣловались. Они приподняли на руки дѣтя свое, — чуждаго имъ Бурдахъ присоединили къ своему священному кругу.

Наконецъ уста, окованныя ужасомъ и радостію, оживились словами. „Избавитель, посланный Небомъ!“ воскликнулъ счастливый отецъ: „Скажише, какъ возблагодарить васъ! Говорите, избавьте меня отъ бремени, которое лежитъ у меня на сердцѣ.“

Бурдахъ увидѣлъ трубку, прислоненную къ ближайшему дереву. „Позвольте мнѣ выкурить одну трубочку табаку,“ — сказалъ онъ: „только одну!“

— „Тысячу вмѣсто одной!“ отвѣчалъ воспорженный родитель, и спалъ самъ набивать прекрасную пѣнковую трубку, въ серебряной оправѣ. Мать доспала огня. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ перѣбнїя, въ первый разъ голубой дымокъ вылетѣлъ изъ рту благополучнаго Бурдахъ. „Наспоудій Голландскій княсперь!“ сказалъ онъ въ неописанномъ восхищенїи. Фейерверкъ въ милліонъ палеровъ ста тысячамъ зрителей не доставилъ бы радости болѣе той, какую доставляли ему круглыя игривыя колечки дыму съ запахомъ наспоудящаго княспера.

„Ахъ, если бы Элиза моя была здѣсь, и видѣла, что я курю трубку!“ думалъ онъ, и смотрѣлъ вдаль черезъ озеро, не придетъ ли она съ Аннешою; однако нѣтъ — она не приходила.

Онъ былъ опимѣнно веселъ, опимѣнно счастливъ.

Когда пообушилось плашье на немъ и на спасенномъ мальчикѣ, начали собираться къ ошъезду. Но прежде, нежели оставили островъ, мужъ обилъ еще разъ ми-

лую жену свою, и оба, въ сердечномъ умиленіи, съ малюшкою, подошли къ Бурдаху.

„Замѣшь себя“ — сказали съ глубокимъ чувствомъ отецъ: „замѣшь себя этого добраго человѣка! И дѣшамъ его, и внукамъ будь всегда искреннимъ, благодарнымъ другомъ. Государь мой! вы сдѣлали больше, нежели сколько можемъ мы воздать вамъ. Примите, на память этого случая, хопя шрубку. Ее подарила мнѣ моя Сарра, когда у насъ родился сынъ.“

Благополучный отецъ не смѣлъ еще предложить бѣльшаго. Бурдахъ бросился обнимать его, какъ будто получилъ цѣлое Королевство. Поѣхали съ оспрова. Бурдахъ долженъ былъ посвятить благополучныхъ родителей. Хотя и были они здѣсь прѣзбіе, но жилище ихъ показывало людей съ хорошимъ доспанкомъ. Теперь только узналъ Бурдахъ, что хозяинъ его Голландскій купецъ. Узналъ Бурдахъ и то, что хозяинъ его оспавилъ торговля дѣла, и, по подлическимъ обстоятельствомъ, потерялъ все свое имѣніе, а теперь — какъ онъ самъ сказалъ, бросивъ съ улыбкою бѣглый взглядъ на Сарру — живетъ небольшими предпріятіями. За ужиномъ пили самый старый рейнвейнъ. Потомъ фандеръ-Гуссенъ, сказавъ, что ему надобно посѣнить одно общество, пригласилъ съ собою

и новаго знакома. Бурдахъ извинился своимъ нарядомъ. Его плащъ было слишкомъ бѣдно, а припомъ и не совсемъ высохло. „Этому пособишь можно!“ — сказалъ фандеръ-Гуссенъ, и повелъ его въ боковую комнату, гдѣ онъ долженъ былъ переодѣться. Бурдахъ былъ почти такого же роста, какъ и Голландецъ. Въ нѣсколько минутъ, спалъ онъ совсемъ не шопъ: пончайшее Голландское бѣлье, пончайшее Голландское сукно сдѣлали изъ него человѣка по послѣдней модѣ. Ласковая Голландка дала ему въ запасъ прекрасно вышитый кисеть съ знаменитымъ кнасперомъ. Бурдахъ и Голландецъ пошли. —

Гдѣ былъ Бурдахъ, еще не смѣю сказать. Вечеромъ, въ десять часовъ, не шелъ, а бѣжалъ онъ домой. Жена и малюшка уже спали. Онъ не смыкалъ глазъ до упра. Онъ всталъ рано, и когда жена его съ Аннетой проснулись, для нихъ приготовленъ уже былъ хорошій завтракъ. Служанка принесла прекрасный чайный приборъ: фарфоровыя чашки бренчали, маленькій серебряный кофейникъ дымился, въ молочникъ были самыя густыя сливки. На фарфоровомъ подносѣ лежалъ

сладкій миндальный тортиль, съ везелемъ Аннеты, изъ сахару.

Аннета и мать не вѣрили глазамъ своимъ. Бурдахъ, въ новомъ серпукѣ, тонкаго сукна, съ блестящею прубкою во рту, среди благовоннаго дыма Голландскаго кнашера, былъ живое подобіе счастія. Онъ налилъ вкуснаго Левантскаго кофе, бросилъ въ свѣтлыя чашки, изъ красивой, серебряной сахарницы, чистаго, кристальнаго сахару; разрывалъ сочный, ароматный тортиль; онъ поцѣловалъ жену и малюшку — и слезы показались изъ глазъ счастливица.

„Другъ мой!“ вскричала жена: „Что это значить? Ты не могъ достать всего этого за серебряную пуговку.“ Бурдахъ показал пуговку: она лежала въ его карманѣ.

„Откуда же это? Я шакъ смущена; не знаю право, радоваться ли мнѣ? Ты“ — она обняла мужа и прошептала ему поскливно на ухо: „Другъ, милый другъ, не сдѣлалъ ли ты какой глупости, или — чего нибудь еще хуже?“

Бурдахъ рассказалъ о своемъ вчерашнемъ приключеніи; сказалъ и о просьбѣ Голландки, привести къ ней жену и Аннету. Но какъ достался ему прекрасный кофейный приборъ, о томъ онъ умолчалъ. Элиза сочла его подаркомъ Голландца. Она знала опкровенность

своего мужа; полагала, что въ минуточку искренности предъ человѣкомъ благороднымъ, онъ открылъ ему свое положеніе, рассказалъ о желаніяхъ супруги своей и Аннеты; а для богатаго Голландца не много значило фарфоровымъ сервизомъ и сладкимъ тортилемъ порадовать добраго человѣка, котораго спасъ жизнь его сына.

Но когда, черезъ часъ времени, явилась модная шорговка и, по заказу чужаго господина, принесла два плашья со всемъ приборомъ и съ превосходною опѣдкою, для Господи Бурдахъ и для Аннеты; когда въ слѣдъ за нею, башмачникъ, по заказу чужаго господина, принесъ нѣсколько дюжинъ башмаковъ на выборъ; когда потомъ Жидъ, шоргующій мелочами, прислалъ, также по заказу чужаго господина, Аннетику постельку — тогда обѣ, и самъ Бурдахъ, пришли въ какое-то очарованіе.

Кофейный приборъ и шорги были дѣломъ Бурдахъ: о прочемъ позабышился благородный купецъ. Въ это же утро онъ обстоятельно справился въ городъ о положеніи Бурдахъ. — Наканунѣ ничего не могъ онъ предложить избавителю своего сына, кромѣ прубки, кисета и плашья; и по послѣднѣму не намѣренъ онъ былъ дарить ему, но когда Бурдахъ одѣлся, и оно пришлось впору, то

просиль, для шутки осматреться въ немъ, чтобы дома его не вдругъ узнали.

Теперь повѣдалъ онъ о плачевной участи честнаго Бурдаха; услышалъ о вѣрной любви его къ женѣ и дочери. Имъ-то напередъ, имъ прежде всего поспѣшала онъ сдѣлать радость.

Въ полдень велѣлъ Бурдахъ принести изъ лучшей рестораціи хорошей обѣды; явилась и буылка Бургонскаго, любимаго вина Элизы. И лишь только встали они изъ за стола, порядочная наемная карета заслучала передъ крыльцемъ, чтобы везти счастливыхъ къ водамъ на прогулку. Элиза сочла обѣду и карету распоряженіемъ Голландца, и мысленно благодарила его.

Бурдахъ оставилъ ее въ тѣхъ мысляхъ. Аннета вспрыгнула въ экипажъ, и стала цѣловать сафьянныя подушки. Слишкомъ два года не ѣздила она. Новое платье было какъ по ней вышито. Элизы никто не узнавалъ: такъ прелестно пылало отъ радости лице молодой, прекрасной женщины, подъ тонкимъ, кисейнымъ покрываломъ. И его принесла модистка вмѣстѣ съ платьемъ, по заказу Голландца.

Пріемъ у фанъ-дерь-Гуссена былъ опличный. Элиза хотѣла благодарить Голландца, но остановилъ ее. „Мы должники ваши“ —

сказала эмотъ честный человекъ: „мы вѣчно останемся у васъ въ долгу, никогда не говорите о благодарности! Вы спыдите, вы огорчаете меня. Безъ вашего супруга единственное дѣло мое лежало бы въ гробу, мой Веніаминъ въ гробу! Величайшее счастье, доставленное намъ вашимъ супругомъ, не можетъ быть взвѣшено пылечкою радостей, изъ которыхъ малѣйшія позволили я себѣ вамъ сдѣлать.“

Объ дамы скоро ознакомились. Одна была достойна другой. Онъ душою прильпился другъ къ другу. Веніаминъ такъ искренно игралъ съ Аннетой, какъ будто бы они всегда росли вмѣстѣ.

Вмѣстѣ поѣхали они къ извѣстному островку. Спасенный малюшка схватилъ невольно руку Бурдаха, прижалъ ее молча къ уснамъ своимъ, и потомъ спряпала лице свое на груди матери. И эта прекрасная черпа чувствительнаго сердца дѣланы распротала весь небольшой кругъ друзей до того, что долго не могли они опять развеселиться.

Запасъ кофе со всемъ приборомъ былъ взять на островокъ. Развели огонь, и сварили Элизинъ любимый напитокъ сами. Довольно было шутокъ на ея долю, но эмотъ не помѣшало ей пить съ неописаннымъ наслажденіемъ.

За то и она посмѣялась не мало на счетъ охопы мужчинъ до шабаку.

Еще на островкѣ Голландка навязала Элизѣ (въ прямомъ и переносномъ значеніи слова) драгоценное брилліаншовое ожерелье; Веніаминъ подарилъ Аннетѣ свои маленькіе, алмазами осыпанные часики. Подъ вечеръ возвратились къ фанъ-дербъ-Гуссену. Послѣ ужина Голландецъ съ Бурдахомъ на часокъ уходили.

Когда Бурдахъ съ женою вѣхалъ домой, она спросила у мужа, гдѣ онъ былъ. „Въ гостяхъ!“ — отвѣчалъ Совѣтникъ съ нѣкопрымъ смущеніемъ. У Г-жи фанъ-дербъ-Гуссенъ она также спрашивала, куда ушли мужья ихъ; и ша отвѣчала: „въ гости“ — и пошупила глаза. Элизѣ казалось это страннымъ; она посковала, что мужъ ея, который ни шагу не дѣлалъ прежде безъ ея вѣдома, и всегда любилъ рассказывать ей, гдѣ былъ и что видѣлъ, вдругъ сдѣлался молчаливымъ. Она же допытывалась, замѣшивъ, что мужъ нарочно замаялъ о шомъ разговоръ.

На другой день, Бурдахъ рано ушелъ изъ дому, и возвратился въ полдень съ радостнымъ извѣстіемъ, что нанялъ лучше кварширу на площади, и что шеперь же намѣренъ шуда перебраться. Наняли носильщи-

ковъ, и небольшой скарбъ въ полчаса очутился на новомъ мѣстѣ.

Элиза удивлялась шакоей перемѣнѣ своего положенія. Присутствіе носильщиковъ мѣшало ей говорить съ мужемъ. Она въ слѣдъ за ними пришла въ новую кварширу, численькую, покойную. Въ двухъ комнашкахъ шлола новая мебель. Внезапное превращеніе жилища было для нее очарованіемъ. Спарую служанку, которая за малую плату приходила по ушрамъ для самыхъ шрудныхъ домашнихъ работъ, опнустили. Кухарка и горничная, наняныя Бурдахомъ, явились для услугъ.

Элиза ошль просила разгадки у мужа. Онъ отвѣчалъ смѣючисъ: „Разгадка — фанъ-дербъ-Гуссенъ. Онъ ошль звалъ меня сегодня; я скоро приду.“ И пришелъ къ полуночи — шакъ веселье, какъ почти никогда не видала его жена.

На слѣдующее утро, по заказу Бурдаха, принесли фортепiano для Аннеты. Онъ взялъ для нее учителя музыки, рисованья, Французскаго языка и разныхъ наукъ; закупилъ себѣ припасовъ для кухни и погреба; завелся бѣльемъ и одеждою; и шакъ мѣнѣ нежелъ въ шрое сушокъ зажилъ ошль по прежнему, какъ на своей родинѣ, откуда, шлишкомъ за два года, изгнала его жестокая судьба. „Другъ

мой“ — сказала жена, и бросилась въ поскѣ къ нему на шею: „опивчай мнѣ. Съ чего все это? откуда взялъ ты деньги для такихъ превращеній? Мы сползи на краю пропасти, а теперь... Скажи, можешь ли ты на перемѣну нашей участи сморгнуть — — — честными глазами?“

— „Что ты думаешь обо мнѣ, Элиза?“ спросилъ Бурдахъ нешвердымъ голосомъ. „Ты все узнаешь, милая! Все расскажу тебѣ, только не теперь: — Голландецъ ждетъ меня; уже пять часовъ. Если хочешь ѣхать со мною, Элиза, я пошлю за каретой; а не то, пойду пешкомъ.“

„Спулай одинъ, другъ мой! но завтра, не правда ли? завтра ты скажешь мнѣ все?“

— „Все, все!“ отвѣчалъ онъ и ушелъ. Опять возвратился онъ поздно; былъ опять опивчиво веселъ. Жена лежала уже въ постель, но еще не спала.

„Ты наводишь на меня страхъ!“ — говорила она: „я не могу радоваться своему счастью. Буду желать прежней своей покойной бѣдности, если ты не разгадаешь мнѣ мучительной загадки. Скажи, прошу тебя, скажи, что у васъ за дѣла съ Голландцемъ?“

— „Не превожься, Элиза!“ отвѣчалъ онъ: „Не перай ко мнѣ довѣренности. Те-

перь я не могу сказать тебѣ. Теперь еще не могу. Но въ свое время ты все узнаешь.“ Онъ поцѣловалъ вспревоженную, и пожелалъ ей покойной ночи.

Элиза не могла сомкнуть глазъ. Ей непременно хотѣлось узнать истину. Никогда, въ самыя опчаянныя минуты прежней своей нищеты, не чувствовала она такой поски, какъ теперь. Избытокъ сдѣлался для нее бременемъ. Она не смѣла мыслить о томъ, чего опасалась во глубинѣ души. Недавно слышала она о человѣкѣ, котораго дѣланіемъ фальшивыхъ ассигнацій приобрьлъ несмысленное имѣніе. Ей казалось, что и мужъ ея запушанъ въ чемъ нибудь подобномъ. Сонъ бѣжалъ ея ложа. Поступала горѣла подъ нею. На тѣ издержки, которыя сдѣлалъ онъ въ послѣдніе при дни, должно было имѣть наличныя деньги, много наличныхъ денегъ; на кредитъ никто бы въ городѣ не далъ человѣку незнакомому и шряпя, не только зеркалъ и другихъ прекрасныхъ вещей, какими наполнилась ихъ кваршира. Она пошхоньку всчала, пошла въ другую комнату, выскла себѣ огня и спала пересмапривавъ карманы шого плашья, въ котормъ былъ въ зпощъ вечеръ мужъ ея. Трелешъ объялъ ее при зпощѣ непривычномъ дѣлѣ. Едва устояла она на ногахъ, когда по-

пался ей въ руки изящный кошелекъ съ деньгами. Всѣ карманы, даже носовой платокъ, были наполнены червонцами. Такъ много денегъ она и не видывала! Опять шкапа, въ кошоромъ хранились бумаги, счесть и ея рукодѣлье, были ключи и у мужа, и у нея. Она бросилась посмотрѣть, не найдется ли въ бумагахъ чего нибудь, что бы могло вразумить ее — спрашная мысль! — Можешь быть, фальшивыя ассигнаціи. Но нѣтъ — напрасно искала. Только въ углу полки стоялъ мѣшокъ съ деньгами, кошораго не могла она поднять одною рукою. — Неужели Голландецъ дѣлалъ фальшивой монеты? — Однако на червонцахъ былъ различный штемпель, и если бѣ они только что вышли изъ подъ фальшивой чеканки, то были бы новы и свѣжы. Не было ни того, ни другаго. Въ подарокъ не могъ надавать Голландецъ такъ много. А припомъ, опъ чего же замѣшательство Бурдаха, когда его спрашиваютъ о причинѣ внезапной переменѣ судьбы его? опъ чего прикрываешь опъ это завѣсою тайны? опъ чего такая скрытность на счетъ того, гдѣ бываешь опъ съ Голландцемъ? Бурдахъ, одинъ Бурдахъ могъ дать ей опъшесть. Она пошла разбудить его. Но опъ спалъ шакъ покойно; на лицѣ его изображалась улыбка счастливейшихъ мечтаній. Бурдахъ былъ

всегда чистъ душею. Честность его извѣдна. Неужели шакъ человекъ можетъ переменитья шакъ легко и скоро? Даже фань-дерь-Гуссенъ, суди о немъ безпристрастно, а не по сдѣланнымъ опъ него подаркамъ, копорые въ эту минушу не имѣли никакой цѣны — даже самъ фань-дерь-Гуссенъ казался человекомъ честнымъ и ограниченнымъ и невозможно было предполагать въ немъ способности на промыселъ nepвозмншительными вещами, и на обольщеніе къ тому другихъ. Она не разбудила Бурдаха. Кучу золотыа оставила шамъ, гдѣ нашла. Погасила свѣчу и заснула къ ушпру, не прежде — въ швердомъ намѣреніи не опстанъ опъ Бурдаха, пока во всемъ не признается.

Бурдахъ еще спалъ, когда она встала. Опъ Голландца принесли записку. Адресъ былъ на имя Бурдаха, но — да проспявъ любопытнштво женщины, перевозимой ужаснымъ подозрѣніемъ — она распечатала; фань-дерь-Гуссенъ писалъ:

„Наши господа разсердились на меня и на васъ. Вчера мы уже слишкомъ имъ насолили. Чтобъ не обратиться на себя болѣе, шаго вниманія, я счелъ за лучшее опсюда, уѣхать. Теперь ѣду пока въ Сицилію. Одна, ко шамъ не буду имѣть никакого дѣла. Къ

„осени прїѣду я въ Лейпцигъ, и дождусь шамъ
 „арманки. Если будете имѣть во мнѣ нуж-
 „ду, шо я подожду васъ шамъ. Если же по-
 „надоблюсь вамъ позже, шо братьш мой въ
 „Гагъ можеть во всякое время дашь вамъ
 „мой адресъ. Лучше, если и вы здѣсь не ос-
 „панешесь. Нѣкоторые видѣли васъ, и узна-
 „ли. Могутъ выйши для васъ непрїятности.
 „Жена моя, мой Веніаминъ, и я, всѣ мы оупъ
 „души кланяемся вашимъ. Да сохранишь васъ
 „Богъ, добрый, честный человекъ! Мы
 „никогда не забудемъ васъ и вашей почтен-
 „ной супруги. Я спокоенъ, полагаясь вполнѣ
 „на вашу кляпву.“

Моисей фанъ-дерь-Гуссенъ.

Записка пронзела еще болѣе запутан-
 ности въ мысляхъ Элизы. Кто такіе эти
господа? для чего Бурдахъ не долженъ оста-
 ваться здѣсь? И при всемъ томъ, *добрый,*
честный человекъ? И почему спокойствіе
 фанъ-дерь-Гуссена зависить оупъ кляпвы
 Бурдаха? — — — Посланный оупъ Гол-
 ландца не дожидался отвѣта, а ушелъ безъ
 него. Между тѣмъ Бурдахъ проснулся. Она
 дала ему одѣться и позавтракать. Потомъ
 уже вручила записку, сказавъ тихо: „Я рас-
 печатала и прочитала.“ Бурдахъ пробѣжалъ
 глазами записку безъ всякаго смущенія. „Хо-
 рошо“ — сказалъ онъ — „что фанъ-дерь-

Гуссену не пришлось раньше уѣхать. А я и
 безъ того не хотѣлъ здѣсь оставаться.“

— „Ты обѣщала мнѣ сказать все, мой
 милый: можешь ли теперь?“ — Бурдахъ по-
 казалъ Элизѣ послѣднія слова записки: „Я
 спокоенъ, полагаясь вполнѣ на вашу кляпву.“

„Не смѣю,“ — сказала онъ съ веселымъ
 лицомъ: „но не превожься, другъ мой! Ты
 видишь, я совершенно спокоенъ. Неужели
 ты думаешь, что я могъ бы бытъ спокоенъ,
 если бъ связь съ фанъ-дерь-Гуссеномъ хотя
 малѣйше лежала у меня на совѣсти? У насъ
 нѣтъ ничего дурнаго. Просто, мнѣ повалило
 чрезмѣрное счастье. Теперь я сдѣлался бо-
 гатъ, при нашихъ обстоятельствевахъ очень
 богатъ.“

— „Такъ счастье, одно только счастье?
 — Бурдахъ, добрый, честный мой Бурдахъ,
 ничего больше какъ счастье?“

„Клянусь тебѣ любовью къ нашей Ан-
 нетѣ! я считаю это не чѣмъ инымъ, какъ
 счастьемъ.“

— „Ты считаешь? Ради Бога, говори
 мнѣ ясно!“

„Милая жена! не смѣю. Со временемъ —
 довольно скоро, ты все узнаешь. Ты сама
 читала. Меня связываетъ кляпва — кляпва,
 данная почтенному, честному человекъ. Не
 мучь себя понапрасну. Наслаждайся съ ве-

селямъ духомъ, чѣмъ благословилъ насъ Госнодь! Поди сюда — вопшь, что ты должна знать, того ошь себя не скрою.“

Онъ вынулъ всѣ свои сокровища. Тутъ было съ небольшимъ восемь тысячъ червонцевъ.

„Эшимъ благословилъ Господь?“ спросила Элиза, качая въ шокъ голову. „Ахъ, Бурдахъ, эти деньги вѣрно не изъ числныхъ рукъ!“

— „Добрая, крошкая душа! — Ахъ, Боже! если бѣ только я смѣлъ говорить! — Послушай: всего лучше плашила тебѣ за работу мадамъ Борманъ. Она плашила за шитье иногда и выше цѣны. Мы знали оба, что она ишь денегъ на заплашу; мы знали, что она добывала деньги не честнымъ образомъ: но развѣ ея грѣхи приспавали къ швоимъ рукамъ, когда ты брала деньги? Конечно ишь! Часо въ шитьиѣ молились мы и благодарили Всевышняго за шо, что мадамъ Борманъ шакъ щедро плашила; безъ этого пришлось бы намъ шертивъ голодь и холодь. — Но не ошь ея ли грѣховъ была наша польза? — Такъ, или почти шакъ было и съ нашими червонцами. Они мнѣ совѣмъ не дѣлають безчестья, какъ и тебѣ полученные шобою ошь Госпожи Борманъ шалеры. Да и какія деньги не съ грѣхомъ пополамъ! Мо-

жетъ бышь, ишь гроша въ свѣшѣ, къ копорому бы не прилипъ ядь обмана, оболещенія и мошенничества. Но шѣ же деньги облагороживаються, когда употребимъ ихъ на доброе. Мы купимъ себѣ въ южной Германіи маленькое имѣннице, и будемъ жить тихо и скромно. Просная жизнь дѣлаа насъ счастливыми, когда боролись мы съ жестокимъ врагомъ человечества — съ нуждою; во сколько же разъ будетъ намъ она пріятнѣе, когда не спанемъ нуждашься ни въ чемъ!“

На глазахъ честнаго Бурдахъ навернулись слезы; онъ обнялъ жену.

„Буду вѣрнѣе тебѣ, другъ мой!“

Въ эшопъ день Госпожа Бурдахъ была приглашена на кофе къ булочницѣ Фешшъ, у кошорой Бурдахъ обучалъ маленькихъ дѣшей. До сихъ поръ старая булочница, слыша иногда ошь слугъ о нуждѣ бѣдныхъ людей, посылала имъ хлѣба; случалось, что посылала и свѣжую булку для Аннеты, въ какой нибудь шоржешвенный праздникъ. О пособіи другаго рода эшой богатой, но слишкомъ бережливой женщинѣ, и въ мысль не приходило. Теперь — она горъла нешертивнѣмъ узнать, какимъ образомъ удалось Бурдаху завести шакое порядочное хозяйство. Теперь казались они ей не недоспойными и

знакомства — не то, что прежде, когда одъ-
вались они слишкомъ, слишкомъ бѣдно. Те-
перь ей очень хотѣлось, чтобы Бурдахъ не
оспаивалъ, какъ въ другихъ домахъ, училъ
дѣшей ея, даже съ пѣмъ, чтобы не онъ къ
нимъ, а они къ нему ходили на домъ. — Эли-
за получила въ формѣ приглашеніе и, до-
брая, скромная не отказалась, помня хотя
и скудное пособіе въ нуждѣ опъ честной бу-
лочницы. Она слыхала о надменности бога-
той своей благотворительницы, но слыхала
объ ней и хорошее; впрочемъ сама никогда
ея не видала.

Домъ булочной мастерицы представлялъ
маленькій черпогъ, не великолѣпнѣмъ, а из-
быткомъ и возможнѣею чистотою. Ко-
нечно слышенъ былъ запахъ печенаго пѣ-
спа, видны были кучи хлѣбовъ, красиво раз-
ложенныхъ по полкамъ, но это не мѣшало,
имѣло даже нѣкошорую свою прелесть. Г-жа
Фешъ была такъ шолеса, что едва двига-
лась. Опъ жиру и гордосни она привѣш-
ствовала Элизу шолько половиннымъ по-
клономъ при встрѣчѣ; но когда благодар-
ная Бурдахъ, съ милотиднымъ своимъ личи-
комъ, предшала предъ нею и сказала,
какъ много обязана за оказанныя милоспи,
шогда у шолстой спарушки навернулись на
глазахъ слезы; она отвѣчала: „И, и, Г-жа

Совѣшница! Не стыдите меня. Чтб я сдѣ-
лаа—малосп; вамъ было нужно, мнѣ излиш-
нее. Прошу не вспоминать о томъ. Ну, са-
дшесь-ка! Безъ церемоній! Каково же вамъ
нравшся въ новой вашей кварширѣ? Тутъ нѣ-
когда живаль жены моего дѣвери правнучаш-
ный братъ. Позади дома въ садикъ, еспъ лу-
жайка. На ней часто игрывала я въ ребя-
чесвѣ. Но скажите мнѣ, Г-жа Совѣшница,
опъ чего же прежде жили вы такъ бѣдно? Ахъ,
Боже мой, ужъ какъ вы жили пѣсно и бѣдно!“

— „Лучше живъ нельзя намъ было.“

„Ну, а шеперь? Мы всѣ подвнлись.
У васъ, какъ говорять, все милехонько.“

Элиза смушлась. Она совсѣмъ не при-
готовилась рассказывать о перемѣнѣ судьбы
своей, да и сама ничего о томъ не знала.

„Мы понемногу сберегали“ — сказала
нешвердымъ голосомъ невольная лгунья: „и
когда скопили довольно, шо начали и живъ
порядочнѣ.“

— „Видишь ли, Тереза“ — воскликну-
ла старуха старшей своей дочери: „вошь,
что значить бережливосп! Да, да, береж-
ливосп еспъ одна изъ лучшихъ добродѣ-
лей. Вошь шевъ живой примѣръ Г-жа Со-
вѣшница. Женщина еще молодая, а такъ дол-
го шериѣла изъ бережливоспи. Да вамъ, мо-

лодымъ дѣвкамъ, что говори что нѣтъ, все равно.“

Тереза, одѣвая щегольски по новой модѣ, бросила почти презрительный взглядъ на Господу Бурдахъ. Бѣдная Элиза не заслуживала ни того, ни другаго — ни похвалы хозяйки, ни хулы ея дочери. Такъ-то все идешь въ свѣтъ!

Она должна была выпить чашку ли не семь чашекъ кофе. Тутъ подѣхалъ экипажъ старухи: пара выкормленныхъ, шучныхъ коней, коляска прошедшаго вѣка. Вѣроятно, Г-жа Фешъ хотѣла показать себя въ свѣтъ съ Совѣтницей. Онѣ поѣхали, съ Аннешой и съ молодымъ Фешомъ — къ минеральнымъ водамъ.

Элиза считала эти воды могилкою своего спокойствія. Она была очень печальна, очень разстроена.

Голосная булочница вошла въ публичный садъ, и шамъ, поселясь въ одной бесѣдкѣ, вѣдьма принесши себѣ пиныя и закусокъ. Потомъ предложила пойти прогуливаться, но какъ Элизѣ было не до прогулки, шо она осталась, а ша пошла съ сыномъ и съ Аннешой прохаживаться по саду.

У бесѣдки, гдѣ была Элиза, сидѣли на скамьѣ офицеръ и гражданскій чиновникъ, и

разговаривали между собою. Въшь что Элиза услышала изъ ихъ разговора :

Офицеръ. Не понимаю, какъ это дѣлалось, только, на какую бы каршу ни поспавила онъ, всякая выигрывала.

Чиновникъ. Также и мой сосѣдъ въ синемъ кафшанѣ. По спу червонцевъ спавилъ на одну каршу, и всегда выигрывалъ.

Оф. Весь банкъ подорвали. Въ немъ, говорить, было слишкомъ 20,000 палеровъ.

Чин. И почти никто не выигралъ, кромѣ Голландца и челоувѣка въ синемъ кафшанѣ.

Оф. Ошкуда этошъ взялся?

Чин. Богъ вѣсть! Онъ служилъ, какъ сказываюшъ, прежде въ ***. Здѣсь никто его хорошенько не знаетъ. Онъ только и началъ играть съ вечера Субботы. И въ короткое время шакое счастье!

Оф. Чоршъ возьми! счастье! Нѣтъ мой милый, шушь кроется что нибудь другое, а не счастье.

Чин. Нѣтъ, Капшанъ, это невозможно. Вѣдь нельзя же знать каршы по крапу у публичныхъ банкировъ. Еще бы, если бы самъ банкиръ имѣлъ шакое счастье — не диво! а шо поншеръ. Никакъ невозможно! Сняго кафшана я не знаю; а Голландецъ, хошъ и похожъ на Жида, но челоувѣкъ прекрасный: я гошовъ голову прозакладывашъ, что онъ не

обманщикъ. Понптеры не могутъ обманывать, и если эти господа выигрывали, то конечно однимъ только счастьемъ.“

Болье Элиза не слыхала. Болье и не нужно было ей слышать. И такъ мужъ ел — конечно, не иной кто былъ человекъ въ синемъ каштанѣ — обязанъ скорымъ приобретениемъ своихъ богатствъ только счастью. Тотъ, отъ кого онъ приобреталъ ихъ, былъ публичный игрокъ, признаваемый всеми за негоднаго человека. Во всякомъ случаѣ, деньги находились теперь въ лучшихъ рукахъ. Она забыла о головной своей боли, сдѣлалась весела, и когда, съ семействомъ булочницы, возвратилась въ городъ, то поспѣшила домой, и съ радостнымъ крикомъ бросилась на шею своего мужа: „Бурдахъ!“ сказала она: „просни мнѣ! я не то о тебѣ думала — я виновата. Но расскажи мнѣ, какъ все это случилось?“ Тутъ она сообщила ему все, слышанное на водахъ.

„Ты все знаешь“ — отвѣчалъ Бурдахъ: „Какъ это было, я самъ не могу тебѣ сказать — самъ не знаю.“

Вскорѣ потомъ Бурдахъ съ семействомъ своимъ уѣхалъ въ Ф....., и въ окрестностяхъ этого города, купилъ себѣ землю. Тамъ на-

шелъ онъ себѣ и мѣсто, хотя съ небольшимъ жалованьемъ, но и не затруднительное по занятіямъ. Этого жалованья и дохода отъ земли его доставало ему на то, чтобы вести жизнь самую пріятную.

Я познакомился съ нимъ страннымъ случаемъ.

Бывши въ Ф..... на послѣдней ярманкѣ; я прогуливался однажды поутру, въ опдаленныхъ аллеяхъ прекраснаго поманшиаго сада.

Я шелъ, задумавшись позади одного, щегольски одѣшаго человека, котораго считалъ богатымъ кущемъ.

Вдругъ раздался выстрѣлъ. Мы оба остановились, взглянули на дымящійся невдалекъ кустъ, и нѣволью направили шуда шаги свои.

„Это поединнокъ или самоубійство!“ закричалъ незнакомецъ, когда мы сполкнулись, спѣша на выстрѣлъ.

Въ то мгновеніе, какъ мы приближались къ кусту, выскочилъ опшуда молодой человекъ безъ шляпы, и побѣжалъ въ сторону:

„Это убійца!“ вскричалъ незнакомецъ; а я бросился за нимъ, и схватилъ его.

Молодой человекъ дрожалъ, какъ въ сильнѣйшей лихорадкѣ. Ребенокъ могъ бы овладѣть имъ въ эту минушу. Онъ просширалъ

къ небу руки свои — хопѣлъ плакать, но не могъ.

Мы спрашивали, кто онъ, зачѣмъ побѣжалъ и проч., но онъ не отвѣчалъ ни слова.

Мы привели его назадъ въ кушарникъ. Тамъ лежалъ на землѣ писмолаешъ, изъ кошораго только что было выспрѣлено.

„Въ кого вы спрѣлали?“ спросилъ незнакомецъ.

Молодой человѣкъ молчалъ, смотря въ землю.

„Былъ ли еще кто нибудь здѣсь?“

Молодой человѣкъ покачалъ головою.

„Такъ вы на себя подняли руки? Хопѣли взять у себя то, что не вамъ однимъ принадлежитъ? Развѣ нѣтъ у васъ отца и матери? нѣтъ брата, нѣтъ сестры? ни одной души, кошора бы принимала участіе въ вашей жизни?“

— „Мать моя! бѣдная мать!“ вскричалъ самоубійца дрожащими устами, и закрылъ руками лице.

Незнакомецъ былъ пронупъ. Я, до глубины души умиленный, старался утѣшать несчастнаго.

„Молодой человѣкъ!“ — сказалъ незнакомецъ, взявъ съ большимъ участіемъ его за руку. „У васъ есть мать, кошорую вы любите. Добрый сынъ не можетъ быть дур-

нымъ человѣкомъ. Не хочу болѣе выговаривать вамъ. Вы чувствуете сами, что намѣревались сдѣлать. — Мы все шрое чужіе — не знали другъ друга. Но Томъ познакомилъ насъ, Кто сошворилъ и горе и радости. Мы обязаны пособить вамъ совѣтомъ и дѣломъ. Скажите, что вамъ нужно, и можемъ ли мы подать вамъ помощь?

Молодой человѣкъ молча покачалъ головою.

„Имѣйте ко мнѣ довѣренность! Говорите! Можете быть, несчастная любовь довела васъ до этого ужаснаго дѣла — я уважу тайну вашу, не потребую, чтобы вы назвали мнѣ по имени предметъ вашей спраши. Но, можете быть, удастся мнѣ, посредство моихъ знакомыхъ употребить въ пользу вашу, или по крайней мѣрѣ, васъ успокоить. Если оскорблена честь ваша, и вы не кромя нашей другаго для себя опмщенія, того ужаснаго, на кошоромъ мы васъ заспали, то мы возьмемъ опмщенье за васъ. Если вамъ нужна въ деньгахъ, то берусь я, сколько достанешь моихъ способонъ, надѣлать васъ. Ваша дѣтская любовь подкупила меня. И у меня есть сынъ. Со временемъ, когда будете опцемъ, вы узнаете, что это значить.“

— „Ничто не может спасти меня, кроме смерти!“

„Ничто, кроме смерти?“ — Незнакомец долго молчал послѣ сего вопроса. Наконецъ онъ взялъ руку молодого человѣка и, прижавъ ее къ своему сердцу, спросилъ тихо: „Бѣдный, бѣдный юноша, неужели мучишь тебя совѣсть?“

Громкое рыданіе было отвѣтомъ.

„Не липнетъ ли кровь человѣческая на рукахъ твоихъ?“

Спрадалецъ покачалъ головою.

„Не бременилъ ли“ спрашивалъ незнакомецъ далѣе, смягчая по возможности голосъ: „не бременить ли сердца твоего проклятіе обольщенной невинности?“

„Нѣтъ, нѣтъ!“ — отвѣчала молодой человѣкъ.

„Не завладалъ ли ты чужимъ добромъ?“ Безмолвіе было отвѣтомъ. Самоубійца потушилъ глаза въ землю. Незнакомецъ опустилъ ошъ него шага на три.

„Чужимъ добромъ?“ повторилъ послѣдній въ изумленіи.

„ — Свѣшь осудишь меня. Я не могу оправдаться, и потому хотѣлъ разсѣяться со свѣшомъ.“

„А развѣ писшолешный выстрѣлъ можетъ ошлучить душу ошъ свѣша? Развѣ за

дѣлюю эшого выстрѣла прекращается обязанность оправданія? И одинъ ли свѣшь судья вашъ? Ослабился ли приговоръ истиннаго Судіи шакимъ поступкомъ? — Но не мнѣ у васъ спрашивать о шомъ, что бы вы сами должны были спросить у себя, прежде, чѣмъ рѣшились на пагубное и, по вашему мнѣнію, послѣднее свое дѣло. — Вы теперь въ нашей власти. Вы двумя поступками содѣлались справедливою жершвою Уголовнаго Суда. — Грабитель и самоубійца — молодой человѣкъ, которому ошъ роду не болѣе двадцати лѣтъ! — Государь мой! я обшцалъ сдѣлать вамъ помощь. Для мащери вашей, я сдержу свое обшчаніе. Безъ помощи, вы погбли! Скажите, какъ могу помочь вамъ?“

— „Сумма очень велика.“

„Скажите ее.“

— „Четыре тысячи пять сотъ шалеровъ.“

„ — — — Это конечно довольно много. Кому принадлежали деньги? Какъ попались онъ вамъ въ руки? Гдѣ онъ теперь? Расскажете все. Большую часть вашей шайны мы уже знаемъ; сообщите намъ ошальное.“

Молодой человѣкъ рассказалъ вкращщъ, что имя его Биндсрь, что онъ посланъ былъ изъ Гамбурга, ошъ одного купческаго дома сюда на ярманку, для полученія денегъ; что

на днях попалъ онъ въ веселое общество, гдѣ выпилъ лишнее. Тутъ уговорили его пойти къ одному игроку, и опившись своего счастья въ банкъ. После многихъ опговорокъ, потому, что прежде никогда не игрывалъ, пошелъ онъ съ поварицами, и проигралъ изъ вѣренныхъ ему денегъ пять сотъ шалеровъ. „На слѣдующее утро“ — продолжалъ Биндеръ: „зашелъ я въ ***скій кофейный домъ. Цѣлая ночь проведена была мною безъ сна, въ жесточайшей поскѣ. Я велѣлъ подать себѣ рюмку ликеру, и мнѣ стало полегче. Тутъ подселъ ко мнѣ пожилой офицеръ, котораго наканунѣ видѣлъ я въ числѣ играющихъ. Онъ завелъ разговоръ о вчерашней игрѣ, сказалъ, что замѣнилъ мой небольшой проигрышъ — такъ онъ называлъ его — и увѣрялъ, что принимаетъ самое искреннее во мнѣ участіе. Наконецъ посоветовалъ онъ мнѣ опять попробовать своего счастья, что-бы мои пять сотъ шалеровъ не оставались въ рукахъ карточного банкира. Я не поддавался на слова его, да и дѣйствительно не чувствовалъ ни малѣйшей охоты опять зашѣвать игру. Но онъ клялся мнѣ, что, будучи давнишнимъ любителемъ банка, видѣлъ множество примѣровъ, какъ начинающіе не только возвращали на второй день все потерянное наканунѣ, но и прцовокупали къ

тому значительныя суммы выигрышемъ. Надобно только, прибавилъ онъ, какъ бы дружески совѣтуя, не слишкомъ горячиться, да не слишкомъ и робить, когда счастье не вдругъ начнетъ улыбаться. Онъ умѣлъ такъ живо все мнѣ представить, что я почти общалъ и въ эпошъ вечеръ явиться къ игрѣ. „Я старинный практикъ“ — сказала онъ шутя, и пожмая мнѣ руку: „я слѣду подаю вамъ, и, если позволите, буду, по дружбѣ къ вамъ, дѣлать иногда намѣки. Вы, молодые господа, слишкомъ поспѣшны. Банкиры любятъ такихъ зеленыхъ пиничекъ. Но на эпошъ разъ, мы насолимъ нашему молодцу. Приходите только.“

„Я опять развеселился — радовался, что случай свелъ меня съ пожилымъ Капитаномъ, который принялъ во мнѣ такое искреннее участіе, и такъ увѣрительно обнадѣживалъ меня, на счетъ возврата моихъ денегъ. Въ эту минуту вошелъ въ комнату Лембергскій Жидъ, ошъ котораго принялъ я наканунѣ шесть тысячъ шалеровъ, по данной мнѣ изъ нашей коншоры довѣренности. Онъ былъ знакомъ Капитану, и когда я опошелъ ошъ снола, за коншорымъ мы вмѣстѣ сидѣли, шо они стали говорить обо мнѣ — но крайней мѣрѣ слышала я, что Жидъ проносилъ мое имя.

„Наступила вечеръ. Насилу могъ я дождаться его, горя нетерпѣннѣмъ получить назадъ свои 500 шалеровъ. Въ этой надеждѣ очутился я опять за проклятымъ карточнымъ столомъ. Капитанъ помѣстился возлѣ меня. Я выигрывалъ и проигрывалъ съ переменнымъ счастьемъ; но вообщешло гораздо лучше, нежели наканунѣ. „Рискуйте побольше“ — шепнулъ мнѣ Капитанъ; „вамъ сегодня везеть счастье.“

„Я поставилъ больше, и проигралъ. „Не перайте бодрости“ — сказала Капитанъ: „счастье хочетъ, чтобы за нимъ гонялись; фортуна причудливая женщина.“ Я удвоилъ ставку и проигралъ; и такъ нѣсколько разъ. За недоспашкомъ у меня денегъ, Капитанъ подсунулъ мнѣ безъ спросу своихъ. Я разгорячился и шелья безпрестанно. Сосѣдъ подкладывалъ мнѣ деньги. Я видѣлъ гибель свою, если прекращу игру. Надобно было рисковать. Я рискнулъ еще, и повергъ себя въ пропасть. Боже, Боже мой! мнѣ ховилось возвратить только свои деньги съ шалеровъ, и я проигралъ четыре тысячи. Капитанъ проводилъ меня до моей квартиры. Здѣсь я долженъ былъ выластить ему отъ него взятое.“

На другой день, явился ко мнѣ одинъ Берлинскій банкиръ, подаль мнѣ бумагу

отъ нашей конторы, съ приказаніемъ, вручить ему принятыя мною деньги. Я сказалъ, что еще не принялъ ихъ; сказалъ, что онъ гошовой будешь у меня сегодня въ десять часовъ. Двое сутокъ томился я — не ѣлъ, не пилъ, не спалъ. Никакого спасенія въ виду не было. Мучимый пысечено злыхъ демоновъ, рѣшился я наконецъ избавить отъ себя свѣтъ. Два раза наставлялъ пистолетъ себя въ ротъ. Робко взиралъ на небо. Смертннй пошъ вышупилъ на абу моемъ; голова кружилась. Должно же свершиться это ужасное дѣло. Въ отчаяніи, схватилъ я въ прешій разъ пистолетъ. Взведенный курокъ отъ нечаяннаго прикосновенія спустился, и пуля подѣлала — въ это дерево. — Теперь знаете вы все. Судите меня, я въ вашихъ рукахъ.“ —

Нѣсколько времени мы безмолвствовали. Простой расказъ несчастнаго, у котораго дрожали колѣна, руки судорожно сжимались, и неподвижные глаза выражали величайшее отчаяніе, распрогаль насъ до глубины души. „Господинъ Биндеръ!“ — сказала незнакомецъ въ сердечномъ умиленіи, но съ важностію: „я обещалъ дать вамъ помощь. Сдержу свое слово. Воспоминанію о вашей мансери обязаны вы, что я не поущу васъ упасть въ пропасть, контору са-

ми ископали вы своимъ легкомысліемъ. Кому предъ кающеюся душою предспаешъ образъ любимой мащери, шопъ можешъ еще исправиться. Вопъ что, и именно одно вино, заспавляешъ меня удержашъ васъ опъ не проспипиельнаго безразсудства, которое повергло бы васъ въ пучину. Капитана, о которомъ вы говорили, я знаю. Это подлый обманщикъ и сообщникъ содержателя банка. Върояшно, опъ Лембергскаго Жида узналъ опъ, какую сумму вы опъ него получили, а не по, конечно, не далъ бы вамъ ни одного крейцера. Приходите сегодня вечеромъ, въ девять часовъ, на площадь. Мы сойдемся у фоншана. До того, не говорите никому о случившемся; иначе вы погибли!“

„На васъ“ — продолжалъ опъ, обратившись ко мнѣ: „я также надѣюсь: въ вѣрно никому не скажете.“

Съ сими словами опъ ушелъ. Мы оба посмошрѣли съ удивленіемъ другъ на друга. Оба, казалось, спрашивали, кто бы шаковъ ашо былъ. Назначенное незнакомцемъ свиданіе было слишкомъ загадочно. Молодой человекъ возбуждалъ во мнѣ жалость. Опъ колебался между страхомъ и надеждою. Я не покидалъ его цѣлый день, боясь, чшобы опчаяніе снова не посѣщило его, и не побудило къ прежнему ужасному предпріятію. Вин-

дерь былъ признашелень къ моему о немъ забощѣ. Опъ просилъ, чшобы я и вечеромъ не оставляла его, шѣвъ болѣе, что опъ не могъ придумашъ, какія бы могли быть намѣренія незнакомца. Я обѣщала бытъ недалеко опъ него, шакъ, чшобы незнакомецъ не могъ меня замѣшпшь. Не бывъ приглашенъ имъ, я полагаала, что мое присутствіе можешъ показаться ему непріятнымъ. Около девяти часовъ пошли мы на площадь. Завернувшись въ шинель, спала я у ратуши, шакъ чшо изъ за угла одной лавки имѣла въ виду фоншанъ. Со мною была пара писмошешовъ.

Ровно въ девять часовъ явился незнакомецъ. Найдя Биндера въ назначенномъ мѣстѣ, опъ поклонился ему, взялъ его подъ руку и пошелъ съ нимъ далѣе. Я, въ нькошоромъ ошдаденіи, слѣдовала за ними. Незнакомецъ шешпала своему сопутнику что-шо на ухо, чего я не могъ разслушашъ. Въ *** улицѣ, вошли они въ *** кофейный домъ, гдѣ извѣстный господинъ фонъ . . . держалъ банкъ. У Биндера оставалось еще, изъ полученныхъ для его коншоры денегъ, 1500 талеровъ. Это зналъ незнакомецъ. — Неужели еще и на эши было шущъ мѣчено?

Я прокрася въ дверь за ними. Могъ ли запрешить кому нибудъ незнакомецъ бытъ въ публичномъ мѣстѣ? Пришомъ, я надѣялся

же быть опять него признанным и поэтому, что прежде видѣлъ онъ меня во фракѣ, а теперь я въ мундирѣ. Сбросивъ шинель, пишолеты оставилъ я при себѣ въ карманѣ. Вместе съ другими конперами поставилъ и я на каршу мадось, чтобы только не быть празднымъ.

Когда незнакомецъ приблизился къ столу, банкиръ измѣнился въ лицѣ и задрожалъ. Незнакомецъ, замѣшивъ это, улыбнулся. Вскорь объявилъ банкиръ, что онъ, больше прехъ шалій, мешать не будетъ — что ему сдѣлалось дурно.

Незнакомецъ поставилъ три, четыре каршы, каждую по одному червонцу, но на одну положилъ онъ два червонца. Глаза его были устремлены на пальцы банкира. Я смотрѣлъ съ большимъ любопытствомъ на него и другаго. Незнакомецъ быстрымъ проницательнымъ взоромъ слѣдовалъ за каждымъ движеніемъ рукъ банкира, который, чувствуя что, смущался — сидѣлъ, какъ на огнѣ. О передержкѣ или о другихъ подобныхъ плутовствахъ нельзя было и подумать: тушь сидѣлъ слишкомъ въ нихъ свѣдующій неумолимый судія. Вошь мои наблюденія; смущеніе банкира шель болѣе казалось мнѣ удивительнымъ, что во всякое другое время, чи-

что не могло поколебать его желѣзнаго рыводушія.

Биндеръ спеялъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ знакомаца. На каршу, которая пошла въ два червонца, поставилъ онъ копелекъ съ тысячею червонцами. Я замеръ отъ страха. Банкиръ прокинулъ; Биндеръ выигралъ.

Во вторую шалію та же игра. Незнакомецъ поставилъ по одному червонцу на нѣсколько каршъ, изъ кошорыхъ онъ иныя выигралъ, другія проигралъ, но на шройку поставилъ онъ два червонца. Биндеръ *примазалъ* къ ней пять сошъ. Банкиръ спалъ мешать; Биндеръ выигралъ.

Въ третью и послѣднюю шалію Биндеръ уже не игралъ: онъ возвратилъ все свои деньги. Отъ страха и радости былъ онъ блѣденъ, какъ смерть, и не смѣлъ обнаружить ни шого, ни другаго. Я едва дышалъ — гошовъ былъ броситься на шею знакомцу. Когда гошова были каршы для третней шаліи, незнакомецъ поставилъ семерку, и сказаль: *va banque*. Это слово, какъ громовымъ ударомъ, поразило игроковъ. У банкира выспунилъ на лицѣ потъ, какъ рпушь сквозь дерево при сжаніи воздуха. Тишина во всей комнашъ. Умоляющій о пощады взоръ банкиромена былъ обращенъ къ знакомцу. Но загадочный человекъ сидѣлъ, какъ мраморная

спашуя. Неподвижнымъ окомъ устремился онъ на руки банкира, который началъ медлительно робко и медленно, какъ будто зная заранее, что передъ нимъ ужаснымъ игрокомъ, для него цѣль спасенія. Руки его держало, какъ на гальванической машинѣ. Наконецъ... Все были исполнены ожиданія. Все желали банкиру, очистившему почти у всѣхъ кошельки, мщенія небесъ. Наконецъ раздалось: „Семерка выиграла!“ Незнакомецъ, безъ малѣйшаго измѣненія въ лицѣ, сгрѣбъ на столѣ большую кучу денегъ, взялъ ихъ и ушелъ. Банкъ лопнулъ, Биндеръ спасенъ, незнакомецъ исчезъ.

Я подхвятилъ подъ руку Биндера, непомнившего себя отъ радости, и вышелъ съ нимъ на улицу, чтобы догнать непонятнаго. Не тушь-но было — онъ скрылся!

Радость Биндера была безмолвна. Онъ цѣловалъ меня, цѣловалъ кошельки съ золотомъ. Онъ клялся никогда, никогда не допрогиваться ни до одной каршы. Онъ плакалъ, онъ хохоталъ. Онъ походилъ на полоумнаго. Черезъ нѣсколько минушъ, вдругъ онъ оспановился и вскричалъ: „Боже мой! вѣдь у меня еще его деньги!“ Онъ вынулъ всѣ кошельки изъ своего кармана, и нашлось при сверхъ выигранныхъ: одинъ съ 1000, другой съ 500, а шрепій съ 100 червонныхъ.

„Это деньги моего благодѣтеля!“ вскричалъ Биндеръ: „это его собственности! Гдѣ найду его, чтобы возвратить ихъ, чтобы унести къ ногамъ его и благодарить?“

— „Онъ вѣрно опытитъ васъ. Но скажите мнѣ, Бога ради, какъ могли вы на двѣ каршы выиграть четыре тысячи пять сотъ палеровъ?“ —

„Какъ я выигралъ, вы видѣли; но зачѣмъ игралъ я такъ, а не иначе, и самъ не знаю. Незнакомецъ далъ мнѣ эти три кошелька, и сказалъ: „спавьте по нѣсколько червонцевъ для виду, на какую каршу хопшите, но на ту, на которой у меня будетъ два червонца, поставьте одинъ изъ кошельковъ. Если я схвачусь рукой за голову, то поставьте средній. Когда же упрусь рукою объ столъ, то поставьте самый большой.“ Вопъ все, что я знаю.“

Вся эта, единственная въ своемъ родѣ исторія такъ меня занимала, что я въ шопъ же вечеръ пошелъ къ одному пріятели, и рассказалъ ее. Тушь былъ и Бурдахъ, котораго я прежде не зналъ. Бурдахъ слушалъ меня съ величайшимъ вниманіемъ. „Это фанъ-дербъ-Гуссенъ!“ вскричалъ онъ наконецъ, не усидѣвъ на мѣстѣ: „это мой избавитель, мой другъ, мой честный Голландецъ!“ Какъ онъ описалъ его, было совершенно схоже. Мы

толковали о немъ до глухой ночи. Бурдахъ рассказалъ намъ все, что съ нимъ случилось. Точно также, какъ Биндеру, показывалъ ему фанъ-дерь-Гуссенъ карты, на которыя надобно спавить, и такимъ образомъ обогатилъ его. Клятва, съ него взятая, состояла въ томъ, чтобъ онъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, никому не сказывалъ о своей съ нимъ связи. Но срокъ не задолго передъ тѣмъ прошелъ, и Бурдахъ, горя нетерпимѣмъ увидѣвъ опять своего благодѣтеля, пустился на другой же день вездъ искать его въ городъ — спрашивалъ о немъ даже черезъ Полицію; но всѣ поиски остались тщетными.

Биндеръ объявилъ въ газетахъ, что приглашаетъ отдавашаго ему на сохраненіе тысячу шесть сотъ червонцевъ, взять обратно эти деньги. Однако незнакомецъ не являлся. Биндеръ отдалъ деньги въ Банкъ, гдѣ и теперь онъ лежатъ еще.

Бурдахъ и Биндеръ, познакомившіеся другъ съ другомъ черезъ меня, написали наконецъ вмѣстѣ въ Гагу къ брату фанъ-дерь-Гуссена, прося его уведомить, гдѣ находится сокровенный ихъ благодѣтель. Биндеръ извѣстилъ и о деньгахъ, положенныхъ имъ

въ Банкъ. Вотъ какой описанъ получимъ они отъ брата фанъ-дерь-Гуссена:

„Мой братъ рассказывалъ мнѣ о васъ обоихъ, и потому я уже зналъ васъ, когда получилъ письмо, подписанное вами вмѣстѣ, отъ 1 ч. прошедш. Мая. Конечно, поспулки брата моего Моисея должны васъ удивлять; но я только опчасши могу разгадать вамъ загадку.

„Братъ мой имѣлъ некогда большое богатство, о чемъ можете судить по тому, что онъ былъ главою одного изъ первыхъ торговыхъ домовъ въ Амстердамѣ. Смутныя обстоятельства опечесства, разстроившія торговлю, привели и его въ крайность. Онъ потерялъ все свое имѣніе — остался, въ полномъ смыслѣ выраженія, при одномъ нищенскомъ коштылѣ, и жилъ въ небольшомъ городкѣ на Рейнѣ, до того бѣдно, что часто принужденъ былъ голодать съ женою и съ маленькимъ своимъ сыномъ. Любимая наука его была Машематика. Онъ опять занялся ею. Целью его на этошъ разъ состояла въ томъ, нельзя ли, посредствомъ исчисленій, дойти до того, какимъ образомъ спавляются, въ сущности, лотереи и разныя азартныя игры. По многому и прилежномъ изученіи, опскрмъ онъ наконецъ рачешъ въ картахъ обыкновенной банковской

вгры, и съ такою математическою точностию, что могъ бы безъ опасенія поспавить голову свою на карту.

„Съ эною шайною, кошорой никому не ввѣрялъ и никому не ввѣришь, объѣхалъ онъ все города и мѣстечки, гдѣ только бываетъ съѣздъ къ водамъ или на ярманки. Съ ненавистию въ душѣ прошиву каждаго публичнаго банкомеша, садился онъ за зеленый столъ, и вездѣ опустошала гнѣзда соблазна и обмана. Вскорѣ сдѣлался онъ шакъ извѣстенъ, что банкиры, завидѣвъ его, напередъ отказывались ошь всего лежащаго на столѣ добра своего. Эшимъ, испинно философскимъ камнемъ, пріобрѣлъ онъ оипшь два милліона гульденовъ; въ его рукахъ они конечно полезны, нежели у распушныхъ банкировъ. Теперь даль ошь мнѣ слово никогда уже не допрогивавъся ни до одной каршы. Третьяго дня, съ женою и сыномъ, отправился онъ въ Бразилію. Червоицы, положенныя въ Банк, пушь останушы шамъ впредъ до его распоряженія. Онъ поручилъ мнѣ поклониться вамъ обоимъ, и если Г. Совѣшникъ Бурдахъ имѣеть какую нибудь нужду, то я, по волѣ брата, обязанъ выполнишь все, что ому угодно, пошому что братъ мой считаешъ

себя вѣчнымъ его должникомъ. Я же имѣю честь бышь съ испиннымъ уваженіемъ

Вашъ покорный слуга

Самуилъ Фанъ-деръ-Гуссенъ.“

Гага, 14 Ноября 18....

Изъ Клаурена Вл.

II. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

Отвѣтъ на Критику *Замычаній о родахъ Грамматическихъ въ языкѣ Русскомъ.*
(*Смѣтъ Отеч. 1825. № 5. строк. 36; Союзн. въ прозѣ и стихахъ, Тр. Общ. Л. Р. Ст. Ч. V. **).

Спр. 39. Вначалѣ Г. Критикъ, выписавъ слова мои, что шеперь грамматическіе роды служатъ только къ различенію прехъ способовъ согласованъ прилагательное съ существительнымъ, говоритъ: *Это для меня не слишкомъ понятно. Существительныя имена произошли гораздо ранѣе прилагательныхъ; слѣдственно, придавая первымъ значеніе пола, человекъ не могъ*

(*) Сія сташъ печашается съ наблюденіемъ правописанія Г. Авшора. *Изд.*

думать о способъ совокупленія съ ними послѣднихъ.“ Въ то время, о которомъ говоришь Крипикъ, неизвѣстно какъ говорили. Неизвѣстно, придавалъ ли человекъ значеніе пола именамъ предметовъ вещественныхъ. Кто знаетъ, какого роду были существительныя: *листъ, кожа, перо* и имъ подобныя? Кто знаетъ, употреблялись ли тогда сіи и подобныя имена, или-же замѣнялись они другими (большая часть нынѣшнихъ существительныхъ суть вновь произведенныя слова, вышеснившія прежнія, вѣроятно ближайшія къ корнямъ. На сіе есть очевидныя доказательства)? — Непонятное я постараюсь пояснить: надлежитъ различать два класса именъ: одни означаютъ полы, другія, хотя бы и животнымъ принадлежали, не означаютъ половъ. Грамматическіе роды первыхъ именъ, указываютъ на полы означаемыхъ ими лицъ; грамматическіе роды вторыхъ показываютъ *теперь*: какъ согласовать ихъ съ прилагательными.

Въ самомъ дѣлѣ: Чшб мы разумѣемъ подъ словами: *Столъ есть мужскаго, книга есть женскаго рода*? Не ужѣ ли скажемъ, что *столъ* означаетъ предметъ мужскаго пола; *книга* означаетъ предметъ женскаго пола? Нѣтъ; мы видимъ шолько, что съ существительнымъ *столъ* должно согласовать прила-

гательныя, кончающіяся на *й, ѳ*, а съ существительнымъ *книга*, должно согласовать прилагательныя кончающіяся на *а, я*. — Г. Крипикъ продолжаетъ: *Притомъ должно сказать, что значеніе родовъ не такъ-то случайно, какъ кажется Автору.*“ Я сказала: неизвѣстныя причины (а не: случайныя) нарушили коренное значеніе родовъ именъ. — „Младенчествующій человекъ (продолжаетъ Крипикъ), составляя языкъ, одушевлялъ всю природу; находя въ предметахъ одушевленныхъ различіе половъ, онъ переносилъ сіе свойство и на не одушевленные: большіе, сильные, грозные, предметы получали значеніе рода мужскаго; малые, слабыя, пріятыя женскаго.“ *Гора, море, гроза, буря* суть большіе, сильные и грозные предметы, однакожъ не мужскаго рода; *ручей, листъ, цвѣтъ, яблоко* малые, слабыя и пріятыя предметы, однакожъ не женскаго рода. Такихъ именъ много найдется. — Далѣе Г. Крипикъ говоритъ: „если Авторъ, симъ ограниченіемъ значенія родовъ, хотѣлъ сказать, что онъ смотритъ на Грамматику только какъ на собраніе правилъ употребленія языка, приведенныхъ въ известной порядкѣ, то онъ безъ сомнѣнія правъ. Но тогда онъ слишкомъ ограничитъ и даже унижитъ сію

благородную Науку.“ На Грамматику можно сморгнуть двояко: какъ на Науку правильно говоришь, принимая последнее слово въ обширномъ его знаменованіи, и какъ на Науку говоришь правильно на одномъ какомъ-либо языкѣ. Не ужъ ли поны унижаешь сію Науку, кто излагаетъ правила употребленія одного языка?

Стр. 41. Г. Крипикъ говоритъ: „Одно неосновательное правило влечетъ за собою рядъ такихъ же.“ Ежели Г. Крипикъ самъ сказалъ (на стр. 40), что Авторъ съ одной стороны правъ, то какъ-же онъ, говоря о помъ-же правилъ, называетъ оное неосновательнымъ? — Далѣ Крипикъ, выписавъ слова мои, что мужскаго рода имена сушьтѣ, съ конми согласуются прилагательныя кончающіяся на ѣ, й, ъ; женскаго шѣ, съ конми согласуются кончающіяся на а, я; средняго шѣ, съ конми согласуются кончающіяся на о, е, продолжаетъ: „спрашиваю: для кого написано сіе опредѣленіе? Для учащихъся? Занимаясь свойствами существительнаго имени, они не могутъ знать прилагательнаго.“ Такъ, они не могутъ знать вслѣхъ свойствъ прилагательнаго; но должны, непременно должны умѣть различать частіи рѣчи, что дѣлается вопервыхъ по значенію, во вторыхъ по окончанію, а объ окончаніяхъ

то я и говорю. — „Для иностранцевъ? Чувство приличія не можетъ сказать имъ, съ какимы существительнымъ согласовать какое прилагательное.“ Иностранецъ, прочитавши правила, какъ узнавать роды именъ, будешь умѣть согласовать прилагательныя. „Для взрослыхъ, для изслѣдователей языка? Сіе опредѣленіе, основанное не на сущность предмета, а на случайномъ качествѣ предмета, не можетъ быть удовлетворительно.“ Но сіе случайное качество составляетъ теперь сущность предмета, какъ я говорилъ о семъ выше.

Стр. 42. Г. Крипикъ, выписавъ слова мои, что иностранныя фамиліи, и Русскія, оканчивающіяся на а, о, ъ, принадлежатъ также къ общему роду, и что онѣ шѣмъ отличаются отъ вышенпредложенныхъ общихъ именъ, что въ женскомъ родѣ не склоняются, хотя бы и склонялись въ мужескомъ, говоритъ: „Здѣсь Авторъ совершенно выпустилъ изъ виду шѣль, предположенную имъ въ началѣ: онъ хотѣлъ говорить только о родахъ именъ, а теперь толкуетъ о склоненіяхъ.“ Я писалъ не курьезъ Грамматики, а ошдѣльную спашью, для полноты копорой иногда долженъ былъ говорить о томъ, о чемъ въ иномъ сочиненіи сказалъ бы, можешь бышь, въ другомъ мѣстѣ. Я даже предварялъ о семъ

въ примѣчаніи къ самому заглавію (спр. 191), ж удивляюсь, какъ Г. Кришникъ незамѣнилъ епаго. — Онъ продолжаетъ: „къ тому же *Богдановичъ, Яковенко въ женскомъ родѣ пишутся: Богдановичева, Яковенкова.*“ Въ епомъ я никакъ не соглашусь съ Г. Кришникомъ. Принявши его мнѣніе за правило, должно будеть говорить Гжа Минихова, Гжа Осперманова (ошь мужескихъ фамилій: Минихъ, Осперманъ), Гнь Камень, Гнь Солнце (ошь женскихъ фамилій: Каменева, Солнцева); а иной скажеть, можеть бытъ, Гжа Богдановна: ибо *вичъ* перемѣняется на *вна* въ общественихъ именахъ. Ошь существительнаго *Богданъ* происходить припяжательное *Богдановъ*, а, о, кошорое упошребляется и какъ существительное фамильное имя: *Богдановъ*, а; ошь существительнаго *Богданъ* происходить также обществениное: *Богдановичъ*, *сна*, а съ переменю ударенія и фамильное *Богдановичъ*, съ однимъ окончаніемъ для обоихъ родовъ; наконецъ ошь существительнаго *Богдановичъ* происходить припяжательное: *богдановичевъ*, а, о, могущее бытъ упошребляемо и какъ фамильное имя: *Богдановичевъ*, а. Подобнымъ образомъ происходятъ и другія припяжательныя, обществениныя имена и фамиліи. Я знаю, что въ сіи разныхъ окончаній производныя часшо

емъшиваются; но Г. Кришникъ самъ сказала (спр. 47), что ошибочное упошребленіе не можеть бытъ закономъ. — „Имена: *Блюхерьъ, Моро* и т. п. отнюдь не суть общаго рода, а относятся къ тѣмъ, о коихъ Г. Авторъ говоритъ на стр. 173^я: *чаще одно имя служитъ для обоихъ половъ, хотя само по себѣ бываетъ мужескаго и женскаго рода* (я сказала: или мужескаго, или женскаго, какъ и слѣдуетъ), напр. *воробей, китъ, щука, синица.*“ И проч. Не совѣмъ шакъ, потому, что мы еще можемъ сказать: *Моро* (вмѣсто. Гжа *Моро*) писала къ своему супругу; но никогда не скажемъ: *воробей* (вмѣсто: самка *воробей*) улетѣла.

Спр. 42. Г. Кришникъ, выписавъ слова мои: слѣдующія общаго рода имена склоняются въ каждомъ изъ нихъ особенно: *выхухоль, госпиталь, дуэль, кадриль* и проч., говоритъ: „Здѣсь должно замѣтить двѣ вещи: *во-первыхъ*, какъ ужъ выше сказано, до склоненія, при различіи родовъ, *еще нѣтъ дѣла.*“ Я говорилъ ужъ, что спашья моя не естъ опрывокъ изъ Грамматики, но цѣлое, дмвующее свой порядокъ и расположеніе. — Кришникъ продолжаетъ: „*во-вторыхъ*, *сіи имена суть отнюдь не общаго рода* (которой самимъ Авторомъ выше опредѣленъ такъ: *нѣкоторыя имена людей быва-*

тогъ мужскаго рода, когда означаютъ *мущинъ*, и женскаго, когда означаютъ *женщинъ*, напр. *великій и великая умница, большой и большаа невяжа*. *Сн* такъ называемыя общаго рода имена и проч.). Спрашиваю, означаютъ ли слова: *госпиталь, карусель, дуель* и т. п. людей, *мущинъ* и *женщинъ*? Правда, здѣсь я неправильно выразился, хотя въ концѣ (стр. 175) и сдѣлалъ нѣкоторую оговорку. — „Просто надлежало бы сказать, что *сн* имена, имья окончаніе свойственное и мужескому и женскому родамъ, употребляются въ томъ и другомъ.“ Г. Кришкѣ доселѣ нигдѣ не сдѣлалъ опредѣленія родамъ Грамматическимъ, почему и можно его спросить: Чтѣ значить: употребляются въ шомъ и другомъ родъ? — Но можно бы шакъ поправитъ опредѣленіе общаго и двоикаго рода именъ: *общій* родъ (въ именахъ означающихъ полы) показываешъ оба пола и двоикій способъ согласованья имена *сн* съ прилагательными (1); *двоикій* родъ (именъ незначаю-

(1) *Невяжа*, напр., есть имя общаго рода: ибо означаешъ оба пола, и по сему значенію согласуешся и съ мужскимъ и съ женскимъ прилагательнымъ; *геловилья* означаешъ шакже оба пола, но согласуешся шолько съ однимъ мужскимъ

шихъ побловъ) есть шолько двоикій способъ ихъ согласованія. — Слѣдующее за симъ замѣчаніе Г. Кришкѣ, что не лишнее было бы рѣшитъ, какое согласованіе именъ двоикаго рода правильнѣе, частію справедливо.

Спр. 43. Г. Кришкѣ, выписавъ слова мои, что подобно какъ опъ именъ мужскаго рода происходящъ имена рода женскаго, шакъ происходящъ опъ первыхъ и средняго рода имена, говорить: „*Кѣ чему это замѣчаніе? Вѣдь въ этой статьѣ дѣло идетъ не о собственной Етимологій*“ и проч. Повшорюю, что въ шашъ моей, какъ въ опдѣльномъ цѣломъ, я необходимо долженъ былъ коснувшя всего, болѣе или менѣе относящагося къ моему предмету. Г. Кришкѣ былъ бы правъ, еслибъ я, вмѣсто шого, чтобы шолько указать на сіе произвожденіе именъ средняго рода, распространился въ правилахъ онаго. Припомъ замѣчу, что Поляки, въ самомъ началѣ своей Грамматики, говорящъ о *прежженіи* по всемъ премъ родамъ и существительныхъ и прилагательныхъ, и предлагающъ слѣдующіе и подобные примѣры: *Ran*,

прилагательнымъ, и шакъ сіе имя не общаго рода, а *мужскаго*; *госпиталь* вовсе незначаешъ пола, а согласуешся и съ мужскимъ прилагательнымъ и съ женскимъ, и шакъ оно *двоикаго* рода. *Сог.*

pani, państwo, bogaty, bogatą, bogacie. Копчинский, из котораго я взялъ примѣръ сей, говоритъ далѣе: Taką Imion odmiana, nazywają się Rodzaiowaniami, czyli odmianą przez Rodzaje и проч.; а Грамматики Копчинскаго счищаются классическою.

Спр. 44. Г. Кришникъ, выписавъ слова мои, что роды именъ бездушныхъ вещей и ошлеченныхъ предметовъ не всегда постоянны, замѣчаешь: „разъ есть вещь съ душою.“ Слово вещь употреблено мною въ обширномъ его значеніи; вещь, по опредѣленію Словаря Академіи, есть всякое твореніе; а какъ швореніе или шваръ можешь имѣть душу, то и вещь можешь имѣть оную; впрочемъ, чтобы не спорить, я согласенъ говорить: одушевленный и неодушевленный предметъ. — Кришникъ продолжаетъ: „къ сему отдѣленію (т. е. къ именамъ перемѣнлившихъ родъ свой, каково слово гортань, нынѣ женскаго, а прежде мужскаго рода) надлежало бы присокупить исчисленныя выше: госпиталь, кадрили и проч.“ Ешаго никакъ нельзя было сдѣлать: потому что госпиталь, кадрили и имъ подобныя суть имена, двоякаго рода и двояко же склоняющіяся; а гортань принадлежишь одному роду, и имѣешь одно склоненіе. Лебедь, правда, можно бы было отнести къ перемѣнлившимъ

родъ свой: прежде имя сіе употреблялось въ одномъ женскомъ родѣ; оно и теперь удерживается первоначальный родъ свой въ народныхъ пѣсняхъ. — Говоря о словахъ, перемѣнлившихъ родъ съ окончаніемъ, Кришникъ замѣчаетъ: „Здѣсь забыты: архивъ, архива.“ Ешо правда; но я теперь думаю, что можно еще найти не одинъ десятокъ такихъ словъ. — „Надлежало бы, кажется, и тутъ обозначить, которое окончаніе правильнѣе.“ Да какъ ешо рѣшишь, когда оба окончанія правильны этимологически, и оба равнѣ употребительны? Припомъ, рѣшеніе сего вопроса мало относится къ замѣчаніямъ о родахъ именъ.

Спр. 44. Г. Кришникъ, упомянувъ о моемъ исчисленіи словъ, перемѣнлившихъ окончаніе, но неперемѣнлившихъ рода, говоритъ: „Здѣсь нахожу между прочимъ: гордыня и гордость. По моему мнѣнію, сіи слова не идутъ къ дѣлу: въ нихъ видимъ не только перемѣну послѣдней родовой буквы, но и всего придаточнаго слога, совершенно измѣняющаго значеніе главнаго, кореннаго.“ Чего? Слога? какъ-же окончаніе сть измѣнило значеніе кореннаго слога горд. въ словѣ гордыня? Но Г. Кришникъ оправдливъ могъ бы замѣнить, что сіе мое исчисленіе именъ (какъ я теперь вижу) почти излишне:

потому что нѣтъ ни одного изъ нихъ, которое бы, удерживая прежній родъ свой, получило окончаніе совершенно другому роду принадлежащее. — „Къ словамъ: *тополь* и *тополя*, можно прибавить и *тополя*.“ Но *тополя* женскаго рода, а здѣсь говорится объ именахъ непременившихъ рода. Впрочемъ я не зналъ ешаго слова, а ежели бы зналъ, то опнешь бы оное, вмѣстѣ съ словами *тополь* и *тополя*, къ именамъ перемѣнившимся родъ съ переменною окончанія. — „И этотъ періодъ заключается совершенно лишнимъ въ сей статьѣ замѣчаніемъ о склоненіи сихъ именъ.“ Не шакъ-то лишнимъ, какъ я имѣлъ ужѣ случаи говорить.

Стр. 45. Г. Кришникъ, выписавъ слова мои, что и у насъ ешь безродныя имена, говоритъ: „Въ примѣръ приведены: *индиго*, *кали*, *какаду*, *рею*. Милъ кажется, что сіи слова и въ тысячю лѣтъ не обрусѣютъ, и не примутъ рѣшительныхъ родовъ (что шакое: рѣшительные роды?), по той причинѣ, что окончанія ихъ несходятствуютъ съ окончаніями Русскихъ именъ.“ Да въ помъ-то и соспомъ обрусѣніе (если можно шакъ выразишься), что чужезычное слово принимаетъ окончаніе Русское, а попомъ родъ и склоненіе или другія етимологическія измѣненія. Нѣмецкое *der Kaffee* перешло

въ нашъ языкъ сперва какъ несклоняемое: *кофе*, а нынѣ мы часто слышимъ и говоримъ: *кофей*, *кофея*, *кофею* и п. д. или *кофій*, *ія*, *ію* и проч.; почему же не могутъ и другія слова принять подобнымъ образомъ Русскую форму? — Кришникъ продолжаетъ: „Авторъ выпустилъ изъ виду сію простую причину, и не удивительно, ибо, вмѣсто того, чтобъ опредѣлить родъ именъ собственнымъ окончаніемъ ихъ, онъ ссылается на окончанія согласуемыхъ съ ними прилагательныхъ.“ И шакъ, по мнѣнію Г. Кришника, всѣ имена, имѣющія Русскихъ окончаній, не имѣютъ и рода? Но чужезычныя имена людей, не смотря на не Русское окончаніе, имѣютъ родъ: мы говоримъ *презестная Лади*. Также, по мнѣнію Г. Кришника, всѣ имена, имѣющія Русское окончаніе, имѣютъ и родъ, сошвышспивенный окончанію. Но въ сочиненіяхъ Жуковскаго мы находимъ:

И въ молчаніи грустнымъ глядишь
На поля, небеса, на Мершонски лѣса,
На прозрачно бѣгущую Тавдѣ.

Замокъ Смагольскъ.

Вопъ чужезычное слово, но еще не обрусѣвшее; причасіе *бѣгущій* согласовано съ существительнымъ *рѣка*, родовымъ названіемъ онаго. — А почему я ссылаюсь на окон-

чанія прилагательныхъ, согласующихся съ именами, а не на окончанія сихъ послѣднихъ, о томъ я уже говорилъ выше.

Спр. 46. Г. Кришникъ, выписавъ предложенное мною правило, какъ узнавать роды именъ незначающихъ половъ, говоришь: „Мнѣ кажется, сіе изложеніе правила объ именахъ, кончащихся на *ь*, не только недостаточнымъ, но и совершенно противнымъ Логикѣ. Измѣненіе окончаній въ склоненіи есть послѣдствіе рода имени, а отнюдь не причина его.“ Какъ, развѣ ешо значить полагаешь склоненіе причиною рода, когда скажешь, что имена, кончащіяся на *ь*, и измѣняющіяся въ родительномъ на *я* или *а*, суть рода мужескаго? Напрощивъ, сими словами показываеши только связь рода съ склоненіемъ. Да и чѣмъ Г. Кришникъ докажешь, что склоненіе есть послѣдствіе рода имени? Мы знаемъ, что напр. *Ваня* и *Илья* одинаково склоняются, однакожь принадлежатъ различнымъ родамъ. Какъ-же оны различныхъ причинъ произошло одинакое послѣдствіе? — Кришникъ продолжаетъ: „Учащійся, занимающійся родами именъ, не можетъ еще имѣть свѣдѣній о склоненіяхъ, а тому, кто знаетъ склоненія, конечно извѣстны и роды именъ.“ Учащемуся не нужно до времени имѣть сего свѣдѣнія, но оны дол-

женъ, и легко можешь, знать одинъ родительный падежъ именъ, кончащихся на *ь*. Да и пошь, кто уже знаетъ склоненія, часто повѣряешь по оному роду имени, кончащагося на *ь*, которое оны въ первый разъ слышитъ; я ешо самъ дѣлывалъ, и слыхалъ, что ешо дѣлають и другіе. Ктому-жь, если въ Лапшинскомъ языкѣ, въ нѣкоторыхъ именахъ шрешьго склоненія именно родительнымъ падежемъ опредѣляется родъ ихъ (Грамматика Бредера, изданная Н. Кошанскимъ стр. 88 и 89), то почему не можешь бытъ сего-же и въ Русскомъ? Учащійся Лапшинскому языку необходимо долженъ зашверживать родительный падежъ почти всѣхъ существительныхъ, для познанія, въ послѣдствіи, ихъ родовъ и склоненій; учащійся Русскому языку непременно долженъ зашверживать родительный падежъ именъ, кончащихся на *ь*, также для познанія рода сихъ именъ и склоненія ихъ. Тутъ нѣтъ ничего *противнаго* Логикѣ. — Пошдмъ Кришникъ говоришь: „Для различенія родовъ именъ, кончащихся на *ь*, есть одно средство — исчисленіе сихъ именъ по признакамъ, или всѣхъ по порядку.“ Въ примѣчаніи къ выше-сказанному правилу, на стр. 192^й, я говорю именно сими словами: „Для начинающихъ, и особенно для иностранцевъ, предлага-

гаемъ таблицу именъ мужскаго рода, кончающихся на *ь*, и незначающихъ половъ.“ Какъ-же не выдалъ епига Крищикъ?

Стр. 46. Г. Крищикъ говоритъ: „На той-же 182й стр. говорится, что имена: день и путь измѣняются двояко на и и на я. Это во первыхъ относится къ склоненіямъ, во вторыхъ справедливо только въ отношеніи къ слову день. Я никогда не слышалъ пути, путю; всегда говорятъ и пушутъ: два пути, по пути.“ Роды именъ кончающихся на *ь* тѣсно связаны съ ихъ склоненіемъ (какъ я говорилъ недавно), а потому я и долженъ былъ упомянуть о семь единственномъ исключеніи въ языкъ нашъ, чю два имени, склоняемая и какъ мужскія и какъ женскія, принадлежатъ однакожъ къ одному роду — къ мужескому (1). Слово же путь почто склоняется двояко: путь, я, ю, емъ и путь, и, и, о пути; сказать, какіе изъ показанныхъ падежей употребительнѣе, это ужъ чисто къ однимъ склоненіямъ относиться.

(Продолженіе въпредъ.)

(1) Не ошибка ли ешо прежняго употребленія ихъ въ женскомъ родѣ? *Путь* въ просклоненіи и шеперь употребляется иногда въ женскомъ: *какая путь!* Сог.

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО НА КАВКАЗЪ.

Я давно не писалъ къ тебѣ, потому, что, сказавъ мое мнѣніе о нѣкопрыхъ книгахъ и спашьяхъ, долженъ былъ вооружиться эгидою правды и первѣня прошиву нападеній несогласныхъ со мною Кришковъ и Авшоровъ. Но что дѣлать? нельзя пребывашь, чшобъ безусловно соглашались со мною. Можешь быть, я самъ ошибаюсь, но желая пользы общей, говорю опкровенно, чю думаю о новыхъ сочиненіяхъ: ихъ набралось довольно, со времени послѣдняго моего письма.

Не хочу опредѣлять достоинства сочиненій сравненіями, и держусь стариннаго правила: *comparaison n'est pas raison* (сравненіе не есть доказательство). Опдавашь одной книгѣ преимущество передъ другою, ешь дѣло чинателя, а Крищикъ долженъ только опредѣлять достоинство сочиненія, въ отношеніи къ его цѣли. И такъ скажу тебѣ, чю нынѣшняя *Полярная Звѣзда* на 1825 годъ, безспорно лучше прежнихъ годовъ: спихотворная ея часть никогда не была такъ богата по достоинству піесъ. Но прежде поговоримъ о прозѣ.

Книжка начинается спашью подъ заглавіемъ: *Взглядъ на Русскую Словесность съ теченіи 1824 и началъ 1825 годовъ*, соч. А. Бесшужева. По хронологическому порядку, это пренше яблоко раздора на нашемъ Парнасе, ибо два первые его *Взгляда на Словесность* произвели жестокия либературныя пренія, а нынѣшній *Взглядъ* уже заспавилъ нѣкоторыхъ Писателей воспринъ перья, и опзывалъса спорною. На Г. Бесшужева все его Кришки гнѣваюса именно за то, что дѣлають сами. То есть: они не хотяшь, чтообъ онъ имѣлъ *свое собственное мнѣніе*, и вопреки ему, излагають *свои собственные мнѣнія*. Оспаеся рѣшишь, которое изъ нихъ справедливѣе, и такъ подождемъ, пока обнаружатса все противныя мнѣнія, а между тѣмъ разсмошримъ *Взглядъ на Словесность Г. Бесшужева*.

Этотъ *Взглядъ* раздѣляется на двѣ части: на *общій* (до стр. 11) и на *частный* (отъ стр. 11 до 23). Въ первой части опсвѣчивается сильная любовь къ родицѣ, пламенное желаніе ей славы и величія, негодованіе на медленность успѣховъ нашей Словесности, происходящую отъ нашего образа жизни и воспитанія, и наконецъ, эта часть заключаешъ въ себя многія рѣзкія истины, и нѣкоторыя остроумныя не-истины. Вторая

часть, еспь разборъ, или лучше сказать, переборъ нѣкоторыхъ сочиненій и Авшоровъ. Г. Бесшужевъ, представляя свой образъ мыслей и характеристнику Авшоровъ съ откровенностью военного человека, не пощадилъ никого на этомъ смотру. Доспалось всемъ сесшрамъ по серьгамъ — доспанешся и ему.

Главное обвиненіе, взводимое на Г. Бесшужева, состоитъ въ оригинальности его выражений, копорыя многіе называютъ *маперностью*. Правда, что у него всирѣчаюса иногда странныя фразы, но онъ всегда заключають въ себя мысль или чувство, и потому я предпочитаю ихъ тѣмъ гладкимъ рѣченіямъ, въ копорыхъ не заключаешся ничего, кромѣ звучныхъ словъ, дѣйсшующихъ, подобно гармоникѣ, на нѣжныя чувства. Г. Бесшужевъ, въ уподобленіяхъ своихъ, часто смѣшшваетъ и перемѣшшваетъ опвлеченные и нравшвенные предметы съ физическими: это иногда затрудняешъ непривычнаго читателя, но это не еспь недоспажокъ слога, ибо хоши я не люблю сравненій, но долженъ замѣшшть, что все оплчные Писатели Англій и Германій пренебрегали и пренебрегають это искусное нанизываніе гошовыхъ полированныхъ фразъ, копорыя соспавляють такъ называемую гладкость слога во Франціи, и у людей, подражающихъ во

всемъ Французамъ, и однимъ только Французамъ! — Умъ любить просторъ, говорить пословица, а человекъ съ дарованіемъ мыслить, чувствуешь и пишешь или говоришь такъ, какъ ему диктуютъ умъ и сердце, не справляясь, было ли это прежде сказано, и можно ли такъ сказать. Двѣ вещи только ни въ какомъ случаѣ не прощаются Писателю: 1) недостатокъ свѣдѣній грамматическихъ, логическихъ и духа своего языка; 2) неискренность въ сужденіяхъ. Г. Беспушевъ, напрошивъ шого, опкровененъ, какъ зеркало, знаешь свой языкъ, и судишь здраво. Онъ иногда ошибается въ мнѣніяхъ: но кто не ошибается? Нельзя претовашъ, чтобы всѣ статьи писаны были алгебраическими формулами, выкладками, и кончились — ergo: $a+b=c$.

По справедливости можно и должно упрекнуть Г. Беспушева въ излишней сжатости изложенія его мыслей. Опъ этого происходить, что многие не понимаютъ его истины, и толкуютъ криво лучшія его мысли. Я бы совѣтовалъ ему зарубить на стлѣнкѣ стихи Горация, переведенный Боало: *J'évite d'être long; et je deviens obscur.*

Конечно Г. Беспушевъ можетъ возразить на это обвиненіе: сожалѣю о пѣхъ, которые меня не понимаютъ, и объявляю, что

пишу для понимающихъ меня. Правда, но не лучше ли нѣсколько подчиниться обстоятельству, и прибавишь нѣсколько десятковъ лишннихъ словъ, чтобы бышь постижимѣе большому числу читателей, а это состоишь въ полной волѣ Г. Беспушева. Онъ доказалъ, что умѣешь прогашъ сердца, убѣдишь умы и владишь языкомъ самымъ приятнымъ, чистымъ и яснымъ. Не говоря о многихъ его крипикахъ и Повѣстяхъ, упомяну только о Повѣсти: *Ночь на корабль*, и объ *эпизодъ о Беспушевѣ* изъ Повѣдки въ Ревель. Какая прелестъ и ясность въ слогъ! —

Послѣ этого скажу, что мнѣ кажется несправедливымъ въ первой части Взгляда на Словенность:

1. На стр. 4 и 5 Г. Беспушевъ говоришь о крипикѣ, и раздѣливъ ее на *периодическую* и *аналитическую*, изъ первой составилъ каррикашуру, а вторую привелъ въ образецъ, какъ должно писать крипики. *Во первыхъ*: раздѣленіе это несправедливо, ибо у насъ нѣтъ особенныхъ аналитико-крипическихъ сочиненій, и всякая крипика, дурная и хорошая, помѣщается въ *периодическихъ* изданіяхъ. *Во вторыхъ*: Напрасно Г. Беспушевъ жалуется, что наша *периодическая* крипика превратилась въ сатиру, въ частности, и болѣе въ забаву, нежели

пользу. У насъ менѣе, нежели гдѣ нибудь, личностей, частностей, веселости въ крипикахъ. Англичане, Французы, Нѣмцы доходятъ до изспущенія въ своихъ крипикахъ и антикрипикахъ, и обыкновенно кончаютъ ихъ саширами; а у насъ, едва ли въ годъ появились нѣсколько крипикъ, и то съ обрѣзанными крыльями! — У насъ ли говорить о личностяхъ? Г. Беспужеву извѣстно состояніе нашей Литературы, и онъ вѣрно думалъ не о ней, когда писалъ эти строки. — *Въ третьихъ:* какъ согласишь желаніе Г. Беспужева, чтобы Крипика разрушала заговоренныя брони мнимой славы и самолюбивости, и обличала самозванцевъ-поэтовъ, и чтобы выѣсѣвъ съ пѣмъ не входила въ частности, и довольствовалась общимиъ взглядомъ? Это невозможно: когда снимаешь заколованную броню съ Парнаскаго рыцаря, нельзя не прикоснуться къ нему, и избѣжать упрековъ въ личности, призрастїи и т. п.

2. Я ошчаспи согласенъ съ Г. Беспужевымъ въ разсужденіи *ободренія талантовъ*, но хотѣлъ бы, чтобы онъ изяснился на эшошъ щепъ гораздо яснѣе и пространинѣе. Безъ сомнѣнїа, геній не пребуешъ покровительсшва и награды, но шогда шолько, когда онъ уже возмужалъ, и вошелъ въ силу. Че-

ловѣкъ съ геніемъ пишешъ попому, что чувствуешъ въ себѣ врожденную силу, принуждающую его изливать свои мысли и чувствованїа, шакъ шочно, какъ плодородное дерево должно или изсохнушъ или раждашъ плоды. — Но эшо можно ошнеспи шолько къ геніямъ, къ великимъ Поэтамъ и Философамъ, а большая часть полезныхъ и шрудолюбивыхъ Писателей, Ученыхъ, Аршисшовъ, Художниковъ шребуешъ ободренїа. Я не говорю о шакомъ ободренїи, какое представлено въ Саширѣ Чужой шолкъ:

Награда першпенъкомъ;
Нерѣдко сто рублей, иль дружештво съ Князькомъ.
Они шребуешъ одобренїа, безъ котораго не могутъ процвѣшашъ ни Литература, ни Наука, ни Искусшва, то ешть, *внманиа* къ шрудаль и *справедливой оцѣнки дарованїи* соотечешвенниками. Генїи, какъ необыкновенные феномены, появляющшя съ вѣками, независимо ошъ обстоятельсшвъ. Генію можно ошкрышъ поприще обширнѣшшее, но полеша его задержашъ нельзя, равно какъ и произвешъ его посредешвомъ ученїа. — Но для различїа общаго и повешемѣшнаго просвѣщенїа, возбужденїа къ сему ошоты въ народъ, надобно ободренїе, да и для самого генїа надобно первоначальное образованїе. — Воля ваша,

Александръ Александровичъ, но мнѣ кажется, что это правда! —

О второй части Взгляда не спанемъ спорить, потому, что хотя въ ней много и очень много правды, но нѣтъ доказательствъ. Г. Беспужеву надлежало бы непременно, характеризировать книгу, или сослаться на критику, гдѣ доказаны ея недосапки и достоинства, или указать на страницы, гдѣ находятся черныя опличительныя. Конечно, отъ этого страницки Полярной Звѣзды сдѣлались бы пестрые, но за то Писатели, осужденные въ семь *Взглядъ*, не могли бы отговариваться тѣмъ, что противу нихъ не представлено доказательствъ. — Впрочемъ, общій сославъ обозрѣнія Словесности заслуживаетъ особенное вниманіе. Давно уже не было у насъ помѣщено столько правды, на такомъ тѣсномъ пространствѣ. Благородная смѣлосць, съ которою Авторъ изъяснилъ свой образъ мыслей, доказываетъ его правоту и глубокое чувство истины. Предоставляемъ Гг. Авторамъ защищаться самимъ: это увлекло бы насъ далеко.

Ревельскій Турниръ, того же Автора. Совершенное познаніе нравовъ того времени, въ которомъ помѣщено происшествіе, вѣрное изображеніе мѣстностей, удачное очертаніе характеровъ, заманчивосць въ завязкѣ,

веселосць, разсѣянная въ цѣлой Повѣсти, глубокое познаніе сердца человѣческаго, вопль достоинства сей Повѣсти. Слогъ быстрый, но неровный, наполненный фразами, которыя не всѣмъ понравятся, съ уподобленіями, выходящими иногда за черту вѣроятія. — Такъ наприкладъ: *тощая лошадь, на костяхъ которой можно повѣсить шляпу, и принять за тѣнь съдока* (стр. 83); *конь, дѣлающій вольты куригаломъ на талеръ*, (стр. 60); и *взоры, отъ которыхъ бы осыпнулось ледъ* (стр. 49), показываютъ, что Авторъ писалъ эту повѣсть въ веселомъ расположеніи духа, и гонялся болѣе за новосцью выраженій, нежели за правдоподобіемъ. На эсихъ-то крючкахъ Гг. Критики развѣсятъ свои длинныя обвиненія. Но я оцѣню цѣлую Повѣсть по такимъ мѣстамъ, какъ наприм., глава IV, или каково описаніе самого турнира, и всѣхъ зрительей онаго, гдѣ истинная веселосць разлилась въ остроумныхъ эниграммахъ, и гдѣ чувство любви выписано не изъ многословныхъ Романовъ. — *Измѣнникъ*, его же, изобилуетъ красотою другаго рода. Г. Беспужевъ весьма удачно избѣгнулъ недосапковъ безсалаанныхъ подражателей Валтера Скопша. Нькопорые наши молодые, или неискусные и неначишанные Сочинители полагаютъ, что довольно вывести историческое лице на

сцену Романа или Повѣсти, чтобы прослышь Сиромъ В. Скопшомъ. — Они не знаютъ, или не постигаютъ, что В. Скопшъ выводитъ на сцену такіе только характеры, которые уже совершенно обозначены Исторією, и не могли произвѣсти никакого сомнѣнія на счетъ истины повѣствованія. Главное дѣло Шотландскаго Романшика есть описаніе нравовъ и обычаевъ того времени, въ которомъ онъ предшавляеть дѣйствіе, и у него не имя дѣлаеть интереснымъ Романъ, а Романъ имя. Г. Беспужевъ весьма искусно воспользовался занимательною, хотя несчастною эпохою междоусобій, и вывелъ въ своей Повѣсти двухъ братьевъ, изъ коихъ одинъ посвятилъ себя опечесству, а другой мучишся честолюбіемъ и мещью. Испушеніе Сцикаго, лагерь Лисовскаго, и особенно заключеніе Повѣсти, смерть братьевъ, описаны превосходно, живо, пламенно, естественнo, прекраснымъ слогомъ. Зачѣмъ бы не писать такимъ образомъ всѣхъ своихъ снашей? — Мы рѣшишсь можемъ сказать, что плазашъ А. А. Беспужева преимущественно блестящъ въ изображеніи нѣжныхъ и возвышенныхъ чувствованій, въ описаніи мѣстностей и характеровъ, въ разговорномъ, описательномъ и пламенномъ слогѣ — это его сила. Онъ же напрощивъ того

любивъ болѣе шуточныя піески, или по крайней мѣрѣ, сего рода эпизоды въ своихъ Повѣстяхъ, необыкновенную сжатость слога въ сужденіяхъ, гдѣ именно надобно какъ можно болѣе ясности, и новостъ въ оборотахъ. — Скажемъ по совѣсти, что послѣднія его желанія не всегда ему удаются. Я увѣренъ, что А. А. Беспужевъ не оскорбится столь же прямодушнымъ изложеніемъ мыслей на его счетъ, какъ его изложеніе на счетъ другихъ. Искреннее мое желаніе состоятъ въ томъ, чтобы Г. Беспужевъ слѣдовалъ природному своему назначенію, и занялъ у насъ *порожнее мѣсто* Вальшера Скопша, которое ожидаетъ его, и, вопреки приспращнымъ сужденіямъ, останется неприспущнымъ для сочинителей историческихъ Романовъ въ родѣ Маркиза Глаголя.

Отрывки изъ письма о Швейцаріи, соч. В. А. Жуковскаго. — Если ты хочешь поучишся писать по Русски чистою, плавною, легкою прозою, читай прозу В. А. Жуковскаго. Она безспорно можеть назваться образцовою. Не говорю о содержаніи: это дѣло вкуса; но самая привязчивая Кришика не найдеть пачень въ прекрасномъ слогѣ сего Писателя. Что же касается до этого письма, то могутъ ли бытъ не занимательны пребываніе Поэта въ горахъ Швейцаріи, и опи-

чешь въ его чувствованіяхъ, при видѣ сихъ исполнень природы? Я съ большимъ удовольствіемъ прочелъ эпопу опрывокъ, и усердно тебѣ его рекомендую.

За Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ, историческій анекдотъ, рассказанный А. О. Корниловичемъ очень пріятно, съ наблюденіемъ нравовъ времени Петра Великаго и погданяго жишья-бышья. Въ костюмахъ, украшеніяхъ комнатъ и всѣхъ подробностяхъ, соблюдена историческая вѣрность.

Деревянная красавица, Истинное великодушіе и Урокъ неблагодарнымъ, три Повѣсти, переведенныя Г. Сенковскимъ съ восточныхъ языковъ на Польскій, а съ Польскаго на Русскій А. А. Беспужевымъ, чрезвычайно занимательны, заключающъ въ себѣ чистую нравственность, и нравятся простотою расказа и какимъ-то простодушіемъ патриархальныхъ временъ. *Деревянная красавица* можешь послужить предметомъ для прекрасной волшебной Оперы, а двѣ остальные Повѣсти образцемъ, какъ излагать полезныя истины въ пріятномъ видѣ.

Гибралтаръ, соч. Николая Александровича Беспужева, по моему мнѣнію, лучшая прозаическая піеса въ Полярной Звѣздѣ, по слогу, основательности мыслей, точности

описаній и необыкновенному искусству, съ какимъ Авторъ умѣлъ предсавить воображенію читателя описанное мѣсто, съ его жишелями, и со всѣми ужасами и красонами природы. Авторъ переноситъ васъ съ собою на мѣсто, показываетъ вамъ берега Испаніи и Африки, провожаетъ на ушесы Гибралтара, и вы, прочитавъ спашью, забываетесь на время, думаете, что въ самомъ дѣлѣ были тамъ, все видѣли собственными глазами, сливаете чувствованія Автора съ своими собственными, и сожалѣете, что онъ не продалъ этого очарованія. Прелестно! —

Внутреннее наслажденіе и свѣтская суета; Свиданіе въ лунѣ, двѣ піесы соч. Н. Глинки, въ которыхъ, какъ въ чистомъ источникѣ, отсвѣчивается прекрасная душа Автора. Его аллегоріи, образы дышатъ чистотою, хотя мечтательною нравственностью. Это красавицы подъ тонкимъ покрываломъ. *Картина залива*, его же, есть похищеніе у природы одного изъ лучшихъ ея видовъ. Слогъ звездъ прекрасный, языкъ чистый и правильный.

О *Военной шуткѣ*, Г. Булгарина не скажу ничего, потому, что онъ, какъ Издашелъ С. О., не примешь похвалъ, а крикишу хоша и помѣспишь, но все таки не ошъ добраго сердца, и сверхъ того разорвешъ

спашью. Впрочемъ, эта небольшая піеса не такою рода, чѣшбь могла служить мѣриломъ дарованія, и такъ оставимъ другимъ Журналамъ удовольствіе побранишь ее (*).

Взглянемъ теперь на стихопворенія.

(*Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ.*)

III.

А Н Т И К Р И Т И К А.

Еще къ читателямъ Записокъ Полковника Вушье, отъ Переводчика.

Продолжительная и тяжкая болѣзнь препятствовала Переводчику исполнить раме свое слово, и издать въ свѣтъ вторую часть Записокъ Вушье, какъ онъ желалъ, и какъ имѣлъ все право предполагать, въ концѣ прошлаго Февраля мѣсяца. Прилагая возможное стараніе объ исправности и чистотѣ сего изданія, онъ не рѣшился ввѣрить кому либо надзоръ за печаніемъ 2й части, во время своей болѣзни, и въ семь случаевъ руководствовался правиломъ: довѣрай своимъ

(*). Гораздо бы лучше въ своемъ Журналѣ! Изд.

глазамъ лучше чужихъ. Въ полной увѣренности, что почтенные его читатели извинятъ сіе невольное промедленіе, онъ льстился, что искупишь срочное время бѣльшю, по возможности, тщательностію самого изданія.

Между тѣмъ, сіе послужило нѣкоторымъ образомъ къ выгодѣ его и самихъ Г. чинапелей. Въ 10 No издаваемого въ С. Петербургѣ Журнала, *Библиографическіе Листы*, напечатаны критическія замѣчанія на I часть переведенныхъ имъ *Записокъ П. Вушье*. Основательность сей Критики, многія мѣста ея, или поясняющія, или дополняющія то, что сказано, или чего не досказано въ текстѣ Г. Вушье и въ предисловіи Переводчика, побуждаютъ сего послѣдняго выписать сію Критику почти вполнѣ, съ нѣкоторыми собственными замѣчаніями и оправданіями.

„Жаль,“ говоритъ Г. Сочинитель Критики: „что Переводчикъ, въ однихъ мѣстахъ, не прибавилъ собственныхъ примѣчаній для объясненія подлинника, или для исправленія нѣхъ погрѣшностей, въ кои невольно впалъ Сочинитель; въ другихъ же присовокупилъ такія примѣчанія, которыхъ и сами требуютъ нѣкоторыхъ поправокъ. По симъ двумъ отношеніямъ мы, не въ укоръ Г-ну

;Переводчику, но по любви къ истинѣ, указываемъ здѣсь на нѣкоторыя мѣста.“

Обязанность всякаго Переводчика — есть вѣрно передать смыслъ текста; объ этомъ, по возможности, спарался и Переводчикъ Записокъ П. Вушье. Что касается до поправокъ, недосмотровъ, или ошибокъ Сочинителя, — для сего нужно Переводчику или имѣть самому обстоятельныя мѣстные свѣдѣнія, или основываться на другихъ и надежнѣйшихъ печатныхъ извѣстіяхъ о тѣхъ же предметахъ, или наконецъ руководствоваться изустными поясненіями такихъ особъ, которымъ извѣстны обстоятельства описываемаго края и частныя подробности лицъ, играющихъ въ немъ значительныя роли. Переводчикъ Записокъ П. Вушье лишенъ былъ всѣхъ сихъ выгодъ. Для составленія Взгляда на нынѣшнее просвѣщеніе Грековъ, ему нужно было перебрать очень много новѣйшихъ путешествій и извѣстій о Греціи (1), и со всѣхъ онъ едва успѣлъ собрать самую скуд-

(1) Пукевилль, — Гобгоузъ, — Примѣч. къ Child's Harold, Бейрона, — Смериль-Югсъ, — многія отдѣльныя списки, особливо списки одного Грека, живущаго въ Парижѣ: *О нынѣшнемъ просвѣщеніи Греціи*. Она помѣщена въ Annales des Voyages, поминишия, 1821 года; имя Сочинителя не было подписано.

ную дань. Такимъ образомъ, да не причтешся ему въ вину, если онъ, основываясь на показаніяхъ другихъ, иногда непроизвольно измѣнялъ имена собственные, ставилъ вмѣсто нихъ уменьшительныя прозвища, и ш. п. Это вина источниковъ, изъ которыхъ онъ принужденъ былъ черпать.

Переводчикъ, угадывая въ неизвѣстномъ своемъ Кришикѣ особу, которой совершенно извѣстны лица и дѣла нынѣшней Греціи, которая смотрѣла на все вблизи, и могла все повѣрять собственными наблюденіями, — съ искреннѣйшею благодарностію помѣщаетъ здѣсь то, что Кришика содержитъ въ себѣ относящагося собственно къ лицамъ и событіямъ.

„На страницѣ XV, при наименованіи „Яковаки, не худо бы, кажется, замѣнить, „что сей Авторъ, *Иаковъ Риззо*, бывшій Посельникомъ Валахскаго Господаря Александра Суццо, нынѣ находится въ Бессарабіи, и что онъ же перевелъ съ Французскаго на Ново-Греческій языкъ нѣсколько Трагедій Расина и Вольпера. — Упоминаемый въ примѣчаніи на сн. Зо Сильборъ Балайо, именовався Анастасіемъ (2). Сей *Анастасій Ба-*

(2) Впрочемъ, если бѣ это и было извѣстно Переводчику, шо и тогда бѣ онъ ограничился од-

„*Балано* былъ Сияборомъ, п. е. начальникомъ
 „одного изъ Яннскихъ Училищъ. — На с. 32
 „въ примѣч., говорится, что *Ралми* назы-
 „вають Турки зашиочныхъ и знашихъ
 „Грековъ (3); слѣдовало бы сказать: назва-
 „ніе *Раи* (*Рал*) дается Турками всѣмъ вооб-
 „ще Христіанскимъ подданнымъ Опшман-
 „ской Порты. — Герой, о коемъ рѣчь идетъ
 „въ примѣч. на с. 34, наименованъ *Йорда-*
 „*ки* (4) — вмѣсто *Йордаки* или *Георгій Олим-*
 „*пидосъ*, какъ онъ себя прозывалъ, пошому,
 „что родился близъ горы Олимпа. Георгій,
 „съ юныхъ лѣтъ, сражался противъ Турокъ
 „въ рядахъ Клефшовъ, подъ начальствомъ Ко-
 „локошрони, отца нынѣ извѣстнаго Палика-
 „рія Колокошрони. Съ начальникомъ своимъ
 „онъ удалился на островъ Зантъ. Въ нача-
 „лѣ послѣдней войны между Россією и Тур-
 „цією, Георгій принималъ участіе въ бит-
 „вахъ при Дунаѣ; по заключеніи мира, онъ
 „перешелъ въ Сербію, гдѣ и ошаччался подъ

ною фамиліей, колы скоро нѣтъ другаго *Балано*,
 „челу-либо извѣстнаго въ нынѣшнихъ собы-
 „тіяхъ Греціи. *Перев. З. В.*

(3) Виновашъ! повѣрилъ Англичанину. *Перев.*
З. В.

(4) Примѣчаніе сіе на 34 стр. и орфографія
 уменьшиль. имени *Георгія* принадлежать П.
 Вушье. *Перев.*

„предводительствомъ Георгія Чернаго и Гай-
 „дука Велько; въ 1814 г. проживалъ въ Бес-
 „сарабіи, откуда, въ 1817 г., отправился въ
 „Валахію, гдѣ Господарь Караджа принялъ
 „его въ число начальниковъ Арнаушовъ. При
 „возстаніи Владиміреско, Георгій присое-
 „динился къ нему; потомъ къ Ипсилан-
 „тію. Правда, что Георгій взялъ Владимі-
 „реско, и привезъ его въ спань Ипсиланті-
 „евъ, въ селеніе Вакарешиши, близъ Тарго-
 „вишта; но не имѣлъ участія въ его убій-
 „ствѣ. Оно совершено начальникомъ Арнау-
 „шовъ, служившимъ непосредственно на жа-
 „ловань у Ипсилантія, Каравією, котораго
 „сей, въ послѣдней прокламаціи своей, предалъ
 „посрамленію. Послѣ бѣгства Ипсилантія въ
 „Трансильванію, Йордаки еще больше чепырехъ
 „мѣсяцевъ удерживалъ и поражалъ Турокъ,
 „но наконецъ, съ опасанкомъ своихъ воиновъ,
 „былъ принужденъ искать убѣжища въ мо-
 „настырь *Секу*, лежащемъ въ сѣверной Мол-
 „давіи, коего неприступное положеніе каза-
 „лось ему вѣрною оградой противъ непрія-
 „тели (5). Но предательствомъ Фармакія,
 „уроженца Яннскаго, которому Йордаки, по

(5) Всѣ сіи обстоятельство, хотя не шакъ
 подробно, но сходно съ симъ изложены и въ
 примѣчаніи П. Вушье. *Перев.*

мучительной болѣзни въ ногахъ, поручилъ общую защиту, врагамъ открылся путь къ спѣцамъ монастырскимъ. Фармаки сдались почти одинъ вѣдъ монастыря, въ Константинополь за сей поступокъ награжденъ достопожалованною — смертію. Юрдаки же, не находя возможности прошивоу, спашь Туркамъ, и вида, что ему самому, по болѣзни никуда нельзя было ни итти, ни ѣхать верхомъ, боялся шолько зашрудитишь ошступленіе; почему и приказалъ своимъ воинамъ искать собшвеннаго спасенія, объ немъ уже болѣе не заботясь. Когда Турки подешунили къ колокольнѣ, гдѣ Юрдаки нахотился съ четьрьма соопечественниками, которые предпочли явную смерть побѣгу, онъ, еще въ виду удаляющихся сподвижниковъ, взорвалъ на воздухъ все строеніе, подъ коимъ находилась бочка съ порохомъ. Такъ, погибъ ошважный сей прошивникъ Мусульмановъ, по истинѣ достойный лучшей учаши. — „На стр. 39. Вушье говоритъ, что Колокоцпронцисалъ къ Кіая-Бею. — Кіая-Бей ешь пицуалъ, который дается намѣшникамъ Визиря; здѣсь же рѣчь идетъ именно о намѣшникѣ Хуршидовомъ (Хуршид-Визирь). — Пресвицерь Конспанцинь (Экономось), о коемъ говорится въ примѣчаніи на стр. 43, нынѣ находится въ С. Пещерѣ

бурѣ (6). — *Паликари* въ примѣч. на стр. 46, переведено: *храбрецъ*, по Суворовскому выраженію: *чудо-богатырь*. Н. И. Гвидичъ удачно перевелъ сіе слово, употребивъ Русское выраженіе *молодецъ* (по Сербски *юнакъ*) (7). — Справедливо, что Димитрій Ипсиланши, о коемъ говорится на стр. 63, служилъ Лейбъ-Гвардіи въ Гусарскомъ полку, но въ походахъ, (1812 — 1814 г.) онъ, сколько извѣстно, не бывалъ (8). —

(6) Какъ примѣчаніе, помѣщенное на стр. 43, ешь поспороннее, шо я и не рѣшилъ въ немъ что либо прибавишь, или убавишь. *Пер. З. В.*

(7) Но развѣ не пошь же смыслъ Суворовскаго выраженія *чудо-богатырь*? Ошकिनувъ всякое присрасіе къ собшвенному мнѣнію, мѣ кажешся однако жъ, что симъ выраженіемъ удачно переведилъсь *палладиоръ*, потому что слово *молодецъ* у насъ принимаешся и въ другихъ значеніяхъ, кои весьма далеки ошь понатій о храбрости, смѣлости, бышронѣ военной и ш. п. *Перев.*

(8) Эпо конечно вина Переводчика: ему легче можно было, нежели П. Вушье, сдѣлать справку, подлинно ли Д. Ипсиланши былъ въ походахъ 1812—1814 годовъ? Впрочемъ, какъ самъ Г. Вушье говоритъ о семъ всколѣзь, и эпо не имѣло особаго вліянія на дѣла Греціи, шо и Переводчику сія повѣрка казалась незаслуживающею дальѣйшаго вниманія. *Перев.*

„Въ отношеніи къ упоминаемымъ на стр.
 „80 Мавромихали и Кириакули, замѣшимъ,
 „что первое (значащее: *Черный Михаилъ*)
 „название есть родовое или фамильное имя
 „Петра - Бѣа (ш. е. Князя) Майноповъ въ
 „Моревъ; Кириакули же есть ничто иное, какъ
 „(уменьшительное) собственное имя Кири-
 „акъ (9).“

(9) Очень радъ, что почтенный мой Крипикъ разрѣшилъ мой, и вѣроятно, многихъ изъ моихъ читателей сомнѣнія, на счетъ пождества лица Петра-Бѣа и Мавромихали; это не объяснено П. Вушье. Онъ проситъ сказать, что Мавромихали есть — Предводитель Спартанцевъ (*Chef des Spartiates. Mém. S. Voutier, p. 77*). Скажу однако жъ, что я самъ ни сколько не сомнѣвался въ томъ, что имя *Мавромихали* не есть имя, данное въ крещеніи, но родовое или фамильное; переводить же его мнѣ показалось излишнимъ; ибо для чего бы, напр. переводить *Συλλοβήτης*, Rob Roy, и ш. п. ? Что касается до Кириакули — то даже и зная, что это есть только уменьшительное имя Кириакъ, я все бы оставилъ его, какъ оно написано у Г. Вушье. Оправданіемъ моимъ въ этомъ случаѣ послужило бы, что, можешь быть, и *Кириакули* болѣе извѣстны были своимъ единоземцамъ подъ симъ уменьшительнымъ именемъ, какъ нашъ *Ермакъ* подъ своимъ; ибо полное имя славнаго казака должно быть или *Ермакъ*, или *Ермолай. Пер.*

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

Взглядъ на происшествія четырехъ первыхъ
 мѣсяцевъ 1825 года.

Крашкія газетныя извѣстія, нерѣдко преувеличенныя, часто недоспабочныя, а иногда и вовсе несправедливыя, удовлетворяя минушному любопытству читателя, обыкновенно оставляютъ въ умѣ его понятія неясныя и сбивчивыя, и рѣдко представляются непрерывною нитью происшествій. Для лучшаго обозрѣнія и повноренія новѣйшихъ извѣстій политическихъ, помѣщаемыхъ нами въ Сѣверной Пчелѣ, вознамѣрились мы печатать въ Сынѣ Ошечества крашкіе перечни важнѣйшихъ новыхъ событій, не дожидаясь для сего, окончанія года.

Великобританія. Въ семь Государствъ, пользующемся плодами всеобщаго мира въ Европѣ и въ болѣеи часни другихъ странъ Сѣвера, продолжались общепользныя начинанія, предпринимаемыя преимущественно чашными людьми. Соединеніе Лондона съ важнѣйшими городами Королевства посредствомъ чугунныхъ дорогъ, устройство подводнаго пути подъ Темзою, сооружеиіе новой

великоблпной набережной на сей рѣкъ, учрежденіе регулярнаго сообщенія съ разными частями Америки посредствомъ пароходовъ, и наконецъ основаніе многихъ торговыхъ и промышленныхъ Обществъ — свидѣтельствуютъ какъ о предприимчивомъ духѣ Англичанъ, такъ и объ избыткѣ у нихъ необходимыхъ для сего капиталовъ. — 3 Февраля (н. ст.) открыты засѣданія Парламента на сей годъ. Главнѣйшими дѣлами Англійскаго Правительсва были: опредѣленіе Консуловъ въ нѣкоторыхъ областяхъ Южной Америки, принадлежавшихъ Испаніи, и перемѣны, предпріятыя въ торговой и промышленной системѣ Великобританіи. Существовавшая донныѣ запретишельная система мало по малу смягчается: вывозъ машинъ и другихъ орудій промышленности, выѣздъ мастеровыхъ въ чужіе края — дозволяются. Сняты тяжелыя пошлины, обременявшія ввозъ иностранныхъ произведеній и издѣлій. Французскія и Нѣмецкія вина, шерстяныя и шелковыя ткани, полотна и пр. обложены самою легкою пошлиною. Многіе выводятъ изъ сихъ мѣръ заключеніе, что Англія наконецъ узнала вредъ системы запретишельной и выгоду свободной торговли. Намъ кажется, что она, именно долговременнымъ наблюденіемъ запретишельной си-

стемы, привела себя въ возможность успѣловить свободную торговлю, безъ вреда для своей промышленности, и безъ ущерба для государственныхъ доходовъ. — Къ сему непосредственно принадлежитъ дозволеніе Европейскимъ землямъ производить свободный торгъ съ Востъ-Индскими Англійскими колоніями, которыя донныѣ могли торговать только съ метрополіею. Въ разсужденіи вкупренняго благоустройства Великобританіи сдѣланъ важный шагъ къ успокоенію и примиренію враждующихъ между собою обществъ Ирландіи — дарованіемъ Римскимъ Каполикамъ равныхъ правъ съ Протестантскими подданными. Всѣмъ извѣстны волненія, мятежи, междоусобія и революціи, перзавшія Великобританію въ продолженіе XVII вѣка, въ слѣдствіе введенной тамъ реформации. Англичане Римско-Католическаго исповѣданія, ссылаясь на прежнія Папскія повелѣнія, возставали явно противъ своихъ Государей-Протестантовъ, и наконецъ побудили Правительство къ оплученію ихъ ошъ всѣхъ гражданскихъ должностей, и къ лишенію ихъ дѣкопорныхъ правъ, если они не принесуть присяги вопреки обязанностямъ, налагаемымъ на нихъ ученіемъ прежнихъ Правителей ихъ Церкви. Сіе постановленіе утишило волненія, जो было источникомъ и причиною многихъ

итическихъ, по Франція, недавно освободившаяся отъ жестокой революціи, испровергнутой всѣ древнія постановленія и востребовавшей ошчасши введенія новаго порядка вещей, должна обращать преимущественное вниманіе на исправленіе ранъ, нанесенныхъ Правительству и частнымъ людямъ, бѣдствіями, междоусобіями и войнами, кои перзали сію прекрасную и богатую землю въ концѣ испекшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій. Первымъ дѣломъ Палатъ было утвержденіе доходовъ Короля и его Дома (liste civile). Потомъ предшавлены были Палатамъ и приняты оными постепенно, слѣдующіе законы: 1) О вознагражденіи эмигрантовъ, которые, оставивъ во время смяшеній Францію, лишены были своихъ недвижимыхъ имуществъ, проданныхъ, подъ именемъ національныхъ имѣній, съ публичнаго торгу, на существовавшія тогда ассигнаціи. Нѣкоторые роллисты пребывали возвращеніи сихъ имуществъ прежнимъ владѣльцамъ съ уплатою покупщикамъ шой суммы, которая ими дана была при продажѣ оныхъ. Сія мѣра, по справедливости, оказалась неумѣстною и опасною. Во-первыхъ: неприкосновенность національныхъ имѣній утверждена Лудовикомъ XVIII, при возвращеніи его во Францію; во-вторыхъ: имѣнія сіи, раздробленные на многіе мелкіе уча-

стки, перензи, въ теченіе шридцати слѣдующихъ лѣтъ, въ шрепши и въ четвершыя руки; слѣдственно возвращеніе ихъ прежнимъ хозяевамъ подало бы поводъ къ многимъ спорамъ, несправедливостямъ, и даже къ безпокойствамъ. Нынѣшній законъ кажется самымъ соотвѣтственнымъ своей цѣли: дѣлается заемъ въ тысячу милліоновъ франковъ, съ коихъ выдаются эмигрантамъ въ годъ по три процента (30 мил. фр.), смотря по претерпѣннымъ ими потерямъ. Законъ сей, послѣ продолжительныхъ преній, утвержденъ большинствомъ голосовъ въ обѣихъ Палатахъ, и на дняхъ будетъ обнародованъ. — 2) Объ уменьшеніи процентовъ съ Государственнаго долгу. И сей законъ, опринуемый въ прошломъ году Палатою Перовъ, принявъ въ нынѣшнемъ, съ нѣкоторыми прошиву прежняго ошмѣнами. Особы, несоглашающіяся на полученіе меньшихъ процентовъ, получаютъ обратно свои капиталы. 3) О наказаніи за морскіе разбои. 4) О наказаніи преслушеній свяшоташества, оскорбленія свяшныи и ш. п. 5) О правилахъ учрежденія и содержанія женскихъ монастырей. — Сверхъ шого занялось Французское Правительштво строгимъ изслѣдованіемъ злоупотребленій, вкравшихся по провіаншской и коммисаріяшской частямъ, во время Испан-

ской войны. Военный Коммисарь Сикарь, главный поставщик Уварь и другія замѣшанные въ сіе дѣло особы подверглись спро-
гому изслѣдованію и Суду. — Карль X любилъ и покровительствуетъ Науки и Искусства. При посѣщеніи публичной выстав-
ки художественныхъ произведеній въ Лувръ, онъ наградилъ многихъ Архисповъ знаками
оплаченія, и ободрилъ другихъ благосклонными привѣтствіями. Политехническая Школа и
другія учебныя заведенія также удостоились посѣщенія Е. В. — Вообще должно сказать,
что Науки, Искусства и Словесность процвѣтають нынѣ въ Франціи болѣе, нежели ко-
гда нибудь. — Во высшихъ сношеніяхъ Франціи не было никакихъ переменъ.

Испанія. Система суровости, ко-
рой славовало Испанское Правительство при
смутныхъ обстоятельствахъ въ прежніе го-
ды, съ Новаго года, по видимому, весьма
смягчалась. Полагають, что на сію пере-
мѣну въ Кабинетъ имѣло большое вліяніе при-
существованіе герцога Корольскаго, Саксонскаго
Принца Максимилиана. Казни сдѣлались рѣже;
многія особы получили прощенье; наказанія
иныхъ смягчены. Между тѣмъ спокойствіе еще
не возстановлено: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ
появляются шайки либераловъ; въ другихъ
происходятъ споры и кровопролитныя драки

между людьми различныхъ партій. По при-
чинѣ несовершеннаго успокоенія Испаніи,
Французскія войска не вовсе оную оставили:
три дивизіи расположены въ важнѣйшихъ
крѣпостяхъ ея. Укрѣпленія Кадикса испра-
вляються и распространяються Французски-
ми Инженерами. Дальнѣйшимъ успѣхамъ Ис-
панскаго Правительсва препятствуетъ
крайнее разстройство Финансовъ, происшед-
шее отъ смутеній, безпорядка въ управленіи
и междоусобій, перзавшихъ съ 1820 года сію
спрану.

(Окончаніе впрѣдъ.)

V.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О П И С А Н І Е з н о я .

Изъ XIII Писемъ Освобожденнаго Иерусалима.

Умолкъ, — и предводившій рать,
Обуреваемъ думой
Не знаешь, что ему начать:
Ишли ли въ лѣсъ угрюмой,
И самому все обозрѣть
И съ шайки спяшь завѣсу;
Или дружинамъ повелѣтъ
Искать другаго лѣсу.

Но Петръ въ шапёръ вождя вступилъ
 Нежданною порою,
 И гласомъ Втры говорилъ
 Смущенною герою:

„Оставь отважный помысль твой!

Другому — не Гошфреду
 Свершишь назначено судьбой
 Надъ чарами побѣду.

Я вижу, вижу — береговъ
 Усердный чолъ коснулся;

На сынъ славы нѣтъ оковъ,
 Ошь нѣги ошь проснулся
 И быстро, быстро къ намъ летишь.

Взошла заря свободы,
 Сіюль спасенъ, нашъ врагъ разбишь
 И вздрогнули народы.“

Сказалъ, и пламенемъ святымъ
 Зарѣлися ланины,

И глазъ былъ гласомъ не земнымъ
 Мужъ брани знаменитый

Внялъ сердцемъ дивныя слова
 И сердце Вѣрой билось.

Но солнце съ Марсомъ въ знакъ Льва
 Небеснаго сходилось,

И зной, возлегшій надъ землей,
 Ослабилъ силу рати,

И оковалъ вождя вождей
 Въ полешъ предиряшій.

Не льютъ сіянья съ горнихъ мѣстъ
 Свѣшила — радость міра,

Зажглись лучи зловѣщихъ звѣздъ
 И по зыблямъ эоира
 Разлили сѣмена заразы.

Земля не ждесть прохлады,
 Подъ зноемъ каждый день и часъ
 Распушь и зрѣюшь яды;
 †За длиннымъ днемъ еще душнѣй
 На землю ночь нисходишь;
 За ней груснѣй минувшихъ дней
 На небо день восходишь.†

Вставало ль солнце надъ водой
 И, — бѣдъ грядущихъ зная, —

Вкругъ солнца сплалось полосой
 Паровъ кровавыхъ пламя;

Сходило ли съ печальнымъ днемъ
 Въ пучины съ небокрая,

И снова — въсплникъ бѣдъ, — на немъ
 Дымилась кровь густая;

†И смертныхъ робкія сердца
 Въ безмольнѣ печали

Томясь, страдающимъ ждашь конца
 Неволю ошывкали.†

На всемъ — пль смерть, или смерти брать:
 Поблекнули поляны,

Желтѣешь листь на деревьяхъ,
 Влѣдѣешь цвѣшь румяный,

Опенеламися поля,
 Изсыкнули истоки,

Разсылась по мѣстамъ земля
 И чеба гнѣвъ жестокій

На семь живущемъ тягостѣхъ...

Сбиралися ли тучи, —

Не холодный дождь въ ихъ недрахъ зрѣхъ —

Огннстый царь лешучей.

Въ полудни рдяный неба сводъ
Разженной пещью зришься,

И взоръ усталый не найдешь,

На чьемъ останоуишься.

Все тихо: легки въ шерки

Въ пещерахъ спать глубокихъ;

Порой лишь, жгущіе пески

Подъязы съ спеней широкихъ,

Ливійски въпры возскаюшь,

И воздухъ раскаляя,

Дыханьемъ смрадъ и смерть лиюшь

Изъ края и до края.

Земля и при вечерней мглѣ

Не въдаешъ покоя;

У ночи видишь на челѣ

Печать дневнаго зноя;

Покровъ ея — огни кометъ

И душевные шуманы.

Луца, сводя унылый свѣтъ

На жаждущи поляны,

Отказываешъ имъ въ росахъ,

Скупивши на ошраду,

И тщешно, юный цвѣтъ въ лугахъ

Томясь, зовешъ прохладу.

И сонъ, покоишель скорбей,

Не сносишь смертнымъ мира,

Не вьется боль у очей

Въ дыханіи зефира.

Но для Готтфредовыхъ дружинъ

Спрашннй всехъ бѣдствій было

Томенье жажды: Аладинъ —

Тираннъ страны уцмлой

Въ спасишельныя воды влить

Убийственныя соки,

И чернымъ ядомъ возмушилъ

Прозрачные потоки.

Одинъ лишь жалый Силуанъ,

Калясь въ долины мшистой,

Понлъ дружинъ Христіанъ,

Спружами влаги чистой;

Но зной возросъ, и Силуанъ

Чуть видимъ былъ въ пещень;

И что онъ рашлемъ Христіанъ

Испаявшимъ въ помелье?

Тогда Гангесъ и самій Ниль

И Эриданъ глубокой

Казалось скуденъ влагой былъ

Для жажды ихъ жеспокой.

Имъ часто въ образахъ живыхъ

Рисуешъ воспоминае

И рѣки въ берегахъ крутихъ

И ручейковъ журчанье,

Виющихся среди долинъ

И шепчущихъ съ цвѣтами;

Но воспоминае сихъ картинъ,

Незримыхъ ужъ очами,

Воспламеняешь каждый мигъ
И жажду и поменьше,
И пробуждаешь въ сердцахъ ихъ
О прошломъ сожалѣнье.

Дружны въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ
И крѣпости нѣлесной,
Пробившія сполами слѣды
Въ далекій край безвѣстной,
Всегда въ тяжелыхъ шпикахахъ
И въ панциряхъ кольчашныхъ,
Обыкли видѣть смерть въ мечаяхъ,
На гибель имъ подышыхъ, —
Упали духомъ; цвѣтъ поблекъ,
Угасли прежни силы,
По членамъ тайный огонь прошекъ
И ваяль осправу въ жилы.

Изнемогаешь борзый конь,
Дрожатъ его колѣни,
Во взоръ пошускильз огонь,
И съѣдъ безъ наслажденій,
И гордая во дни побѣдъ
Поникла долу выи;
Забыта слава прежнихъ лѣтъ
И грозы боевыя.
Ему ни добычи не льстятъ,
Ни лавръ зеленый брани;
Они большого тягомятъ —
Не шѣшатъ въ часть спраданій.

Томятся, вѣрный песъ лежишь
Простершь у логовища,

И болѣе не спорожишь
Любимаго жилища;
Палимый внутреннимъ огнемъ,
Онъ воздухъ ловишь жадою,
И въ знойномъ воздухѣ густомъ
Прохлады пьешь оспрадной;
Онъ яды — не прохладу пьешь
Изъякшею горшанью,
И, полумертвый, придаешь
Спраданіе къ спрадавию.

Ранъ.

VI.

С М Ъ С Б.

На одну статью Дамскаго Журнала.

Въ седьмой книжкѣ *Съвернаго Архива* 1825 на стр. 297, сдѣлано замѣчаніе, что Г. Издашель Дамскаго Журнала почищаетъ обязанностію помѣщать въ ономъ все, что выбрасывается изъ другихъ Журналовъ самими ихъ Издашелями, и велѣдъ за тѣмъ предложень вопросъ: „Неужели дамамъ пріятно читатьъ все, выбрасываемое изъ другихъ Журналовъ, и какъ, послѣ этого, назвать Журналь Князя Шаликова?“ — Намъ каженся,

что впо происходишь отъ необыкновеннаго добродушія Г. Издателя Д. Ж., котораго никакъ не можешь отказать въ просьбѣ чьей либо, хотя бы даже видѣль въ помѣ собственную свою невыгоду. Напишишь, чтобъ вамъ угодно прошивъ самого Дамскаго Журнала, Акроспихъ, Шараду, Криптику, Сапиру, пошлаше къ Г. Издателю, — и можешо бышь увѣрены, что все впо будешъ напечатано съ благосклонными поправками или съ обязательными, благодарственными замѣчаніями Издателя. Въ 9 книжкѣ Д. Ж. находимъ новое, разительное сему доказательство.

Въ 29 номерѣ *Сѣверной Пчелы* на сей годъ напечатано краскою извѣстіе объ изданномъ Княземъ П. И. Шаликовымъ переводѣ книги: *Славянская Картина пятаго вѣка*, съ замѣчаніями о недоспашкахъ перевода. Замѣчанія сіи написаны съ величайшею вѣжливостію и оспорожностію. Вездѣ говорится о Г. Переводчикѣ съ уваженіемъ; самыя даже ошибки, которыя можно и должно было опнеспи на счетъ неискуства и невѣднія, приписаны единственно *торопливости*. Чтобъ бы, кажешся, дѣлать послѣ этого? Смолчашъ, а попомошь, при новомъ изданіи доказать, что недосмотры перваго дѣйствительно промозолили отъ поспѣшности.

Почтенный Князь П. И. Шаликовъ видно шакъ и хотѣль поступишь, но, на бѣду его, нѣкто неизвѣстный ему *С. С.* вздумалъ смѣяться съ нимъ шушку, и совершенно въ впомѣ успѣль. На скромныя, учтивыя и слишкомъ снисходительныя замѣчанія *Сѣверной Пчелы*, написалъ онъ Анпикриптику, наполненную невѣрными ссылками, колкостями, несправедливыми заключеніями, и оправишь — въ Дамскій Журналъ, а тамъ — ее напечатали. Не понимаемъ, чтобъ принуждаешъ почтеннаго Издателя Д. Ж. доводить до такой степени свою успучивость! Эша Анпикриптика совершенно уничтожаешъ и малое достоинство перевода *Славянской Картины*, доказывая самымъ дѣломъ, что переводъ сей книги не можешъ бышь защищаемъ оружіемъ справедливости, безпристрастія и благородства.

Приведемъ въ доказательство нѣсколько мѣстъ.

Начало (Д. Ж., кн. 9, стр. 107): „Имѣя честь бышь заклятымъ врагомъ явной, скрытой и прикрытой неправды, я долгомъ считаю нанести на это злое сѣмя, прозябшее въ 29 номерѣ *Сѣверной Пчелы*, при извѣщеніи о книжкѣ: *Славянская Картина*.“ Какое грозное вступленіе! Подумаешъ, что Авпоръ спашыи долженъ защищать имѣіе,

жизнь, честь Переводчика: нѣтъ! онъ только хотѣлъ подиушить надъ нимъ. И какъ не замѣнилъ почтенный Князь П. И. что выраженіе *нападать на стѣмя* показываетъ уже намѣреніе неизвѣстнаго Автора выславить въ поборникъ перевода Слав. К. чело-вѣка безграмашнаго?

Послѣ сего онъ нападаетъ на сужденіе о Славянской каршинѣ, напечатанное въ 29 кн. С. О. 1824 года. Князь П. И., по добродушію своему, этого не замѣнилъ, и полага-я, что дѣло идетъ о Сѣверной Пчелѣ, въ замѣчаніи поясняетъ, что сія Газета въ сужденіи о подлинникѣ не виновата. Мы, Издатели Сѣверной Пчелы, душевно благодаримъ его за благосклонное засмунленіе; но въ то же время, какъ Издатели Сына Отечества, объявляемъ, что ошнудю не отказываемся отъ мыслей, изложенныхъ о Славянской Каршинѣ въ Сынѣ Отечества.

Кришикъ выписываетъ изъ Сѣв. Пч. слѣдующія слова: „По *нашему мнѣнію*, надлежало бы въ переводѣ Славянской Каршины сколько можно болѣе изгладить черты подлинника, придавъ ей характеръ Русскій, Славянской.“ Слѣдующее за симъ поясненіе этого мнѣнія: („не лишнее было бы порынься въ старинныхъ книгахъ и рукописяхъ, и поискать приличныхъ словъ для выраженія

предметовъ отечественныхъ; должно было изгнать изъ слога Флоріановскую прищорность и манерность, господствующія во всѣхъ почти Французскихъ сочиненіяхъ сего рода; должно было замѣнить оныя простою, и *нѣкоторою* грубостію пѣхъ вѣковъ, кои изображаются въ книгѣ“) Кришикъ выпускаетъ и предается восклицаніямъ: „Прекрасно, М. Г., очень хорошо! но каково это глаженіе было бы каршинѣ! Напрасно блеснули вы и наслышкою своею о существованіи старинныхъ книгъ и рукописей — здѣсь это вовсе нехстани! Лучше бы побережь это до другаго, удобнѣйшаго случая. Вы пребудете *грубости* выраженій? Вѣроятно и почтенный Авторъ и Переводчикъ и всѣ здравомыслящіе Русскіе не позавидуютъ, если вы спашете имъ ошлчаться...! на здоровье! — Что сказать вамъ о Флоріановской прищорности, на кошорую вы жадуеши? Одно: вы не знаете, что Писатели, кошорыхъ сочиненія принимаются со всеобщимъ одобреніемъ, навѣрное учились и больше и лучше васъ, и потому, проходя Рипорику, еще въ малолѣтствѣ знали, кому, въ чемъ, какъ и гдѣ должно подражать. Напримѣръ, вопль вы очень нехстани вздумали подражать Автору Яшки повара, Пьянющкина и многихъ другихъ Басень и Сказокъ, писанныхъ любимымъ ва-

шимъ *грубымъ слогомъ*.“ Каковъ заклиной врагъ неправды явной, скрытой и прикрытой! Онъ дѣйствительно поступаетъ по правилу, предписывающему *любить враговъ своихъ*! Что строка, то противорѣчїе; что фраза, то неправда! — Почтеннѣйшій Князь Пётръ Ивановичъ! Какъ вы не пожалѣли себя и своихъ чинашелевницъ, и позволили себѣ напечатанъ такія вещи? Вы одарены нѣжнымъ чувствомъ приличія, вы издавна и всегда сдружились въ пользу прекраснаго пола, и теперь позволяете у себя въ Журналъ людямъ необразованнымъ говорить такія грубости, называть правдою сущую неправду, взводите небывлицы на людей, которые хотѣли сразиться съ вами по законамъ благороднаго рыцарства со всевозможнымъ уваженіемъ. — Мы не требовали, въ переводѣ Славянской Картины, грубости Пянюшкина или ему подобныхъ, а *желали*, чтобы слогу придана была *нѣкоторая* грубость въковъ Гомера, Оссіяна, Баяна. Это было наше *мнѣніе*. Если оно несправедливо, то можно опровергать оное. Зачѣмъ бранишься? И вы это позволите въ своемъ прелестномъ будуарѣ? — Et c'est vous? . . .

Помощь Г. Θ. Θ. пускается въ догадки, что *вроятно* спасаясь о Слав. Картины, помѣщенная въ Сѣверной Пчелѣ, писана од-

нимъ изъ Императоровъ, участвующихъ въ изданіи сей Газеты. Въ самомъ дѣлѣ должно было имѣть удивительную проникаемость, чтобы увидѣть это! Послѣ сего поборникъ правды принимается оправдывать галлицизмы перевода Славянской картины, и чѣмъ? Онъ выписываетъ изъ Повѣсти *Желанія*, помѣщенной въ 4й кн. Сына Отечества нѣсколько фразъ, и наказывъ множество грубостей и *неправдъ* (см. ниже), утверждаетъ, что Рецензентъ прописывалъ это Славянской Картины! Каковъ правдолюбецъ!

Если бы даже Г. Θ. Θ. былъ правъ: если бы Повѣсть *Желанія* была *безнравственная*, если бы она не имѣла ни цѣли, ни плана, если бы въ ней не видно было ни *малѣйшаго* познанія въ языкъ (какъ онъ говоритъ), то и тогда это ни мало не извиняло и не исправляло бы ошибокъ въ переводѣ Славянской Картины. Въ самомъ дѣлѣ, что можно сказать о слѣдующихъ заключеніяхъ: „Въ 4й книжкѣ *Сына Отечества*, напечатана оригинальная Повѣсть безнравственная, безполковая, написанная дурнымъ слогомъ: *слѣдственно* можно перевести Славянскую Картину какъ нибудь, ш. е. какъ можно хуже, и если въ *Сѣверной Пчелѣ* замѣчать, что переводъ дуренъ, то мы въ правѣ сказать: извините! онъ не дуренъ,

ибо есть переводы хуже!“ Замѣтите, что никто не обязанъ писать собешвенныя сочиненія, какъ хощаешь другіе: всякъ пишешь, какъ и что умѣешь; не нравишься — не читайше. Но въ переводъ книги, любопытной и достойной вниманія по содержанію и слогу, мы *обязаны* оппечомъ и публикъ и Автору, шѣмъ болѣе, когда Авторъ нашъ соотечественникъ, и когда его сочиненіе, по предмету своему, принадлежить нашему оппечеству. Теперь нелегко приняться за другой переводъ Славянской Карпины, и прекрасная эта Повѣсть пошерана для Русской публики.

Все это говоримъ мы въ шомъ предположеніи, когда бы сужденія Г. О. О. о Повѣсти *Желанія* были справедливы. Но, къ несчастію его, и этого нѣтъ. Повѣсть сія, написанная однимъ молодымъ Лишерашоромъ, вовсе намъ неизвѣстнымъ, конечно не можетъ называться произведеніемъ образцовымъ и классическимъ, но оппюдь не безнравственная (въ этомъ случаѣ она и не была бы пропущена Цензурою), пишешь цѣль хорошую и полезную, и написана гораздо правильнѣе перевода Славянской Карпины и Повѣстей Дамскаго Журнала. Спрашиваемъ: почему неправильны выраженія: *Проигранная сумма была весьма значительна, и чтобъ запла-*

титъ ее, надобно было разстроитъ наше импніе; многіе изъ нихъ имѣли изрядное состояніе (Кришикъ хочеть, чтобъ сказано было: изрядныя состоянія!); все это терза мой духъ; надобна одна только маленькая скважина, чтобъ потопитъ цѣлый котъ; она просила не спышитъ дѣломъ, и ш. д.—? Признаемся, что мы въ этихъ и другихъ фразахъ, выдержанныхъ изъ Повѣсти, не видимъ ничего прошивнаго ни правшвенности, ни Грамматики. Скажущъ: „А чѣмъ можно оправдать слѣдующія, выписанныя Кришикомъ выраженія: *не видалъ браннаго поля, и дышалъ только порокомъ; наконецъ его есть еще красивѣйшіе цвѣты*.“ Тѣмъ, что эти выраженія выдуманы врагомъ неправды, Господиномъ О. О., и что ихъ нѣтъ въ кришикуемой спашѣ; намъ сказано: „Еще я не былъ знакомъ съ ужасами войны, не видалъ браннаго поля, и дышалъ только *порокомъ*, которыи прашили мы на ученыхъ.“ — „Можно сравнить жизнь съ полемъ, усыяннымъ цвѣтами. Надобно срывашъ ихъ, опперегаясь, чтобъ не уколешься, но и не забоясь, что на *кошѣ* его есть еще красивѣйшіе цвѣты.“ Просимъ чинашелей сравнить сіи мѣста въ Дамскомъ Журналѣ и въ Сынѣ Оппечества!

И послѣ этого набора наняжекъ, грубостей и неправдъ, Г. О. О. прошивоппешавляешь Издашелямъ Сѣверной Пчелы и Сынъ Оппечества *людей съ умомъ, вкусомъ и познаніями*, и заклочаетъ спранную спашью свою восклицаніемъ: „Пшшше съ такими галлицизмами, съ какими пишешь Князь

Шаликовы!“ Для чего не присокупилъ оныя, и съ такимъ правдолюбиемъ и правдоушиемъ, какъ закляшой врагъ неправды Θ . Θ .!?”

Заключаемъ: много писано было о Дамскомъ Журналь и о переводъ Славянскій Каршины, но самая сильная и неопределенная спашья противъ сихъ изданій не была пана въ 9 книжкѣ Дамскаго Журнала!

Издатели.

VII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Е К Н И Г И :

1 8 2 5 .

30. *Чернецъ, Кіевская Повесть. Сочиненіе Павла Козлова. С. П. б. 1825, въ шип. Департ. Народн. Просв. въ 8, 64 стр.*
(См. No 47, 48, 49 и 50 Свѣ. Пч.)
31. *Астрологъ древній и новыи, или Оракуль гадательный полный. Изданіе 4. Три части. М. 1825, въ шип. Авг. Семена, въ 8, 496 стр.*
(См. No 10 Библ. Листовъ.)
32. *Лѣтній вечеръ или таинственная пещера въ дремучемъ лѣсу. Старинная Повесть. Соч. Левиса, Автора Монаха, Разбойника въ Венеціи и пр. Переводъ съ Французскаго. 3 части. Орель, 1825, въ шип. Сышина, въ 12, всего 322 стр.*
(См. No 10 Библ. Листовъ.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1 8 2 5 . № X .

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПЕРСИДСКІЙ ЖИЛБЛАЗЪ.

(Въ прошедшемъ году вышла на Англійскомъ языкѣ книга, подь названіемъ: *Похожденія Хаджи-Бабы Испаганскаго*. Сочинитель, Г. Морье, два раза посланный въ Персію по дипломатической части, желая описать нравы и обычаи тамошнихъ жителей, избралъ для сего повѣствовательный родъ, и взялъ въ образецъ Лесажева *Жилблаза*. — Въ томъ же году въ Германіи появились два перевода сей книги, и Нѣмецкіе ученые Журналы ошозвались о ней съ шакою похвалою, что ошдали ей даже преимущество предъ твореніемъ Лесажа. — Кто не имѣлъ случая чипашь первой, и знаешь превосходство послѣдняго, пошь не легко этому повѣришь; но всякій, безъ сомнѣнія, согласится, что похожденія Хаджи-Бабы должны быть для насъ гораздо любопытнѣе, ибо знакомль насъ съ нравами, обычаями, образомъ пра-

вленія и жизни народа, споль еще мало извѣстнаго намъ въ семь отношеніи. — Мы избрали здѣсь (изъ первой части Нѣмецкаго перевода Шошпа) двѣ главы, надѣясь, что чинашели наши прочтуть ихъ безъ скуки, а съ тѣмъ вмѣстѣ, ознакомится и съ духомъ, въ какомъ писано все сочиненіе. Въ послѣдствіи, мы не оставимъ сообщить и другіе отрывки изъ сей книги, которой полный переводъ на Русскомъ языкѣ не замедлитъ явиться въ свѣтъ.

Въ предувѣдомленіе къ первой изъ сихъ главъ, скажемъ, что Хаджи всупилъ въ службу Хакимъ-Баши (Главнаго Лейбмедика) Мирзы Ахмака. Незадолго передъ тѣмъ, въ свѣтъ одного Европейскаго Посланника, прибылъ въ Тегеранъ Докшоръ, который началъ съ успѣхомъ пользоваться Персіянъ, и даже вылечилъ одною пилюлею Великаго Визиря, изволнвшаго за обѣдомъ обременить желудокъ свой нѣсколько болѣе обыкновеннаго. Весь Дворъ заговорилъ объ искусствѣ чужестранца. Вскорѣ за симъ Мирза Ахмакъ былъ позванъ къ Шаху. Хаджи-Баба повѣстствуетъ:)

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Хаджи-Баба описываетъ, какимъ образомъ Персидскій Шахъ принимаетъ лекарство.

Докшоръ былъ потребованъ къ Шаху поздно вечеромъ, и какъ скоро ворошился домой, позвалъ меня къ себѣ. Я нашель его озабоченнаго и въ больномъ разспроиствѣ. „Хаджи!“ — сказала онъ мнѣ: — „подойди поближе!“ Помощь, выславъ всѣхъ изъ комнаты, продолжалъ весьма тихо: „этого невѣрнаго Докшора, какимъ бы то ни было образомъ, надобно намъ сжить съ рукъ; вообрази, что было! Шахъ призывалъ его къ себѣ: сегодня по утру, провелъ онъ съ нимъ цѣлый часъ въ шайныхъ совѣщаніяхъ, не давъ мнѣ о томъ знать. Его Величество позвалъ меня, что-бы сообщить послѣдствія ихъ разговора, и я замѣшилъ, что эшотъ Франкъ (1) успѣлъ уже преклонить Шаха на свою спорону. Кажется, что повелитель нашъ расказалъ ему испорію своихъ недуговъ, своей слабости, своей застарѣлой одышки и дурнаго пищеваренія; съ восхищеніемъ говорилъ онъ мнѣ о

(1) *Неострый, Франкъ* — обыкновенныя имена, даваемые Европейцамъ на Востокѣ Магомешанами. *Пер.*

проищательности этого бездальника. Представив себя: только посмотревши языкъ и пощупавъ пульсъ, не развѣдавъ еще обстоятельно о состояніи больного, невѣрный спросилъ уже, не слишкомъ ли часто употребляетъ Его Величество *теплыя бани* (2), не мучитъ ли его кашель всякій разъ, когда куритъ онъ табакъ, не чувствуетъ ли за столомъ особаго аппетита къ соусамъ, конфетамъ и пиллаву? — Шахъ далъ ему сроку при дни, съ тѣмъ, чтобы онъ хорошенько обдумалъ его болѣзнь, посоветовался съ своими книгами и Европейскими мудрецами о столь важномъ для Персіи дѣлѣ, и потомъ приготовилъ такое лекарство, которое совершенно возстановило бы шлеленныя его силы, и возвратило бы его молодость. *Средоточіе вселенной* (3) спросилъ о моемъ мнѣніи, и прѣбавалъ, чтобы я напрямки сказалъ ему, что думаю какъ вообще о напурѣ и свойствахъ Франковъ, такъ и объ ихъ лекарствахъ. Я не хотѣлъ упустить случая объявить онкровоени мои мысли, и, послѣ обыкновеннаго предисловія, на-

(2) Выраженіе, употребляемое высшимъ соединеніемъ въ Персіи, когда хотишь намекнуть на шайны Гарема. *Сог.*

(3) Одинъ изъ пшшуловъ Шаха. *Пер.*

чалъ такимъ образомъ: „Что касается до ихъ напуръ, то глубокой мудрости Вашего Величества извѣстно уже, что они невѣрной и нечистой породы; безъ всякаго зазрѣнія ѣдятъ свинное мясо и пьютъ вино; по наружности своей, походящій на женщинъ, а по поступкамъ, на медвѣдей; все знаютъ, какъ осторожну надобно быть съ ними, потому что все ихъ дѣла (снотыть только посмотрѣвъ, что накупили они въ Индіи) опнимаешь царства, и Шаховъ и Набобовъ дѣлаешь своими униженными рабами. Что же принадлежитъ до ихъ лекарствъ, то Небо да сохранитъ отъ нихъ Владыку Персіи: они также измѣнчивы въ своихъ дѣйствіяхъ, какъ Франки въ своей полишикѣ; то, что мы даемъ на вѣрную смерть, употребляютъ они для исцеленія. Главнѣйшая составная часть ихъ лекарствъ есть меркурій, а съ своими инструментами и ножами обращающіе они такъ вольно, что даже, сказывали мнѣ, опрѣзываютъ людямъ цѣлые члены, чтобы спасти имъ жизнь.“ По томъ наговорилъ я ему столько спрашнаго объ ужасныхъ послѣдствіяхъ, какія могутъ произойти отъ чужаго лекарства, что принудилъ его дать мнѣ слово, не прежде рѣшишься на пріемъ, какъ употребивъ напередъ все предосторожности, какія внушишь ему его мудрость и

прозорливость. Онъ согласился на то, и сказалъ, что какъ скоро Франкъ пришлетъ ему свое лекарство, дастъ онъ мнѣ другую аудіенцію. „Ну, Хаджи!“ — присовокупилъ Докторъ: — „ты видишь, что Шахъ ни подь какимъ видомъ не долженъ допронуться до лекарства этого невѣрнаго, потому, что если оно случайно поможешь, я пропасть. Кто тогда будетъ совѣтоваться съ Мирзою Ахмакомъ (4)? Ниль! мы никакъ не должны допустить того, хотя бы даже пришлось мнѣ самому принять все его лекарство.“

Мы разсказали, давъ другъ другу слово, что употребимъ все спаранія разстроимъ замыслы невѣрнаго Доктора, и три дни спустя, Мирза Ахмакъ былъ опять позванъ къ Шаху, чтобы осмотрѣть обѣщанное лекарство, состоявшее въ коробочкѣ съ палочками. Разумѣется, онъ придумывалъ все дурныя дѣйствія, какія только могутъ произойти отъ этихъ палочекъ, намекнулъ объ опасности принимать какое бы то ни было лекарство изъ рукъ Агента чужестраннаго Двора, и побудилъ Шаха предложить это дѣло на разсужденіе своихъ Министровъ. Въ слѣдующій

(4) *Ахмакъ*, собственно по Турецки, значить безсмысленный, глупецъ. *Пер.*

день, при обыкновенной публичной аудіенціи, когда Шахъ сидѣлъ на тронѣ, окруженный Великимъ Визиремъ, Хранителемъ казны, Министромъ Внутреннихъ дѣлъ, первымъ Спашсь-Секретаремъ, Оберъ-Каммергеромъ, Оберъ-Шталмейстеромъ, Оберъ-Церемоніймейстеромъ, первымъ Лейбмедикомъ и многими другими Вельможами своего Двора, объявилъ онъ всѣмъ о переговорахъ, въ которыхъ вступилъ съ прибывшимъ въ его столицу чужестраннымъ Врачемъ, касательно возстановленія силъ и возвращенія молодости высокой его особы. Онъ расказалъ, что при первой конференціи, упомянушій чужестранный Врачъ, по надлежащемъ освидѣтельствованіи состоянія здоровья Его Величества, нашелъ многіе признаки разслабленія, а при второй, увѣрялъ, что, употребивъ цѣльяхъ три дня на совѣщаніе съ своими книгами и рукописями, и отобравъ мнѣнія мудрейшихъ изъ своихъ соотечественниковъ о семъ предметѣ, совокупилъ онъ свойства многихъ цѣлебныхъ лекарствъ въ одномъ, которое, будучи принято внутрь, произведетъ столь чудесныя дѣйствія, что никакой палисманъ съ нимъ сравниться не можетъ. Потомъ, продолжалъ говорить Шахъ, похребовалъ онъ мнѣнія своего Хакимъ-Баши или главнаго Врача, который, заботясь о

благосостояніи Персидской Монархіи, не оставилъ основательно размысливъ о семъ дѣлѣ, и призналъ за полезное не сдѣлать предписаній чужестранца, по нѣкоторымъ сомнѣніямъ, имъ встрѣченнымъ, и состоящимъ въ слѣдующемъ: во-первыхъ, согласно ли будетъ съ политикою, внутренніи силы особы Монарха подчинить распоряженію и предписаніямъ чужеземца, и во-вторыхъ, не заключающа ли въ предложенномъ лекарствѣ такіа скрышныя и разрушительныя свойства, которыя, вмѣсто предназначаемаго возстановленія силъ и возвращенія молодости Шаха, могутъ подвергнуть его опасности, и наконецъ вовсе расширить его здоровье. „При такихъ обстоятельствахъ,“ — продолжалъ Средоточіе вселенной, возвысивъ свой голосъ — „призналъ я за благо, прежде, нежели присунулю къ какому либо рѣшенію, предложу это дѣло на ваше разсужденіе, съ тѣмъ, чтобы вы въ соединенной вашей мудрости представили мнѣ мнѣніе; а дабы вы могли имѣть о существѣ дѣла совершенное понятіе, счелъ я необходимымъ, чтобы каждый изъ васъ предварительно извѣдалъ свойства сего лекарства на самомъ себѣ, и такимъ образомъ какъ я, такъ и вы могли бы судить о различныхъ его дѣйствіяхъ.“

На сію благосклонную рѣчь, отвѣтствовала Великій Визирь и всѣ придворные восклицаніемъ: „Да здравствуетъ вѣвѣки Царь Персін! да не умалиши никогда шѣвъ Шаха! За счастье починаемъ не только принять лекарство, но и жизнь нашу положимъ на службу Вашего Величества! Мы твои жертва, о Великій Государь! Мы рабы твои! Да ниспошлетъ Всевышній Шаху здравіе и одолѣніе всѣхъ враговъ его!“ — Послѣ сего, повелѣно было принести изъ гарема коробочку съ пилюлями, и старшій камердинеръ подалъ ее Шаху, на золотомъ подносѣ. Его Величество позвалъ къ себѣ Хакимъ-Башу, вручилъ ему коробочку, и приказалъ обойти всѣхъ присутствующихъ по рангамъ, начиная съ Великаго Визиря, и каждому дать по пилюль.

Какъ скоро было сіе исполнено, все собраніе сдѣлало предписанный глотокъ, и за тѣмъ послѣдовало всеобщее молчаніе, въ продолженіе котораго Шахъ внимательно смотрѣлъ каждому въ лице, чтобы наблюдать первыя дѣйствія лекарства. Когда гримасы кончились, зашла рѣчь о дѣлахъ Европы. Его Величество задавалъ различные вопросы, на которые бывшіи шупъ особы отвѣчали, кто какъ умѣлъ. Мало по малу лекарство стало оказывать свои дѣйствія. Прежде всего на-

чало спановишься дурно Хранишелоу государственной казны, высокому, шолстому мужичинь, который до того стоялъ неподвижно, и шолько повторялъ: „бжали, бжали (да, да)“ всякій разъ, когда Его Величеству угодно было раскрывашь ротъ: проглоченная пилюля, ввропшно, привела въ движеніе скопище закоренялыхъ немощей, которыя до того находились въ упробъ вельможи въ состояніи усыпленія. Всѣ глаза обратились на него, что еще болѣе увеличало невыгодность его положенія; вдругъ первый Сташель-Секретарь, длинный, шонкій, сухощавый челоувѣкъ, поблѣднѣлъ какъ смерть, и пошь градомъ покашился съ чела его. За нимъ сдѣалось то же съ Министромъ Внутреннихъ дѣлъ, умоляющіе взоры котораго, казалось, просили дозволенія оставить высокое пришествіе Монарха. Всѣ прочіе, одинъ за другимъ, начали подъ различными видами испышывашь на себѣ дѣйствіе лекарства — шолько одинъ Великій Визирь, низенькій шаричекъ, крѣпкаго и упорнаго сложенія пребывалъ спокоенъ и, казалось, вшайнѣ забавлялся шпрандіями своихъ сотоварищей.

Шахъ, замѣшивъ, что пилюли подѣйствовали, распустилъ собраніе, и повелѣлъ Мирзѣ Ахмаку, узнавъ исторію каждой пилюли, сосшавишь ему полное опи-

ціальное донесеніе о ихъ свойсшвахъ; послѣ чего Его Величество удалился въ свой гаремъ. — Нужно ли сказывашь, что шеперь соперникъ стараго Докшора былъ совершенно въ его власти? Разумѣется, онъ представилъ Шаху все дѣло въ такомъ видѣ, что Его Величество успрашнлся послѣдствій, какія могли бы произойти отъ предписаній чужестраннаго Врача, оставилъ всякое къ тому покушеніе, и все дѣло было предано забвенію.

Когда Мирза Ахмакъ увидѣлся попомъ со мною, и рассказалъ мнѣ все происшедшее, не могъ онъ скрыть своей радости. „Мы поблѣдали, любезный Хаджи!“ — воскликнулъ онъ: „эпошь невѣрный считалъ насъ за дураковъ; но мы покажемъ ему, каковы Персіяне. Что за выскочка! вздумалъ добивашь чести прописывашь лекарства Царю Персіанъ! Нѣшь, погоди! на это есть люди, каковы Мирза Ахмакъ. Великое намъ дѣло до его новыхъ отккрытій! Что дѣлали опцы наши, шо и мы будемъ дѣлать; снадобья, которыя исцѣляли нашихъ предковъ, должны исцѣлять и насъ, и что предписывали Локманъ и Абу Авиценна (5), шо и мы будемъ предписывашь; болѣе намъ ничего не надо-

(*) Древніе Арабскіе мудрецы и врачи. *Пер.*

бно.“ Съ сими словами оставилъ онъ меня, чтобы помышлять о новыхъ планахъ къ уни-
чтоженію всякаго вліянія, какое только могъ
бы приобрести иностранный Врачъ, и удер-
жать при Дворѣ свою собственную силу и
славу.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Хаджи-Баба, въ одеждѣ Дerviша, отправляется съ карава-
номъ изъ Мешедъ въ Тегеранъ. На дорогѣ онъ останавлива-
ется лечиться. Способъ леченія. Хаджи рассказываетъ ис-
торію.

Мы прибыли въ Семнанъ, не испытавъ
ничего особеннаго; только за день или за
два передъ шѣмъ, пособляя пришедшу своему
Али-Каширу (1) навьючивать мула, опять
насадилъ я себя крещенецъ, и боль шакъ уве-
личилась, что мнѣ никакъ нельзя было итти
далее. По этому рѣшился я остаться
на мѣстѣ, пока вылекуеъ, шѣмъ больше, что
намъ нѣчего уже было опасаться Туркома-
новъ, а следовательно не было и необходи-
мости слѣдовать съ караваномъ.

Я поселился въ одной ямѣ на городской
границѣ, и, раскинувъ себя въ углу козлиную

(1) Катиръ — значить по Персидски мулъ. *Цер.*

свою кожу, принялся, по введенному путе-
шествующими Дerviшами обычаю, объявлять
о своемъ прибытіи, то есть, трубить въ
рогъ и кричать: *хакъ, гу, Аллагу акберъ* (2)!
какъ можно звучнѣе и громче. Я взялъ на се-
бя самый дикій и необыкновенный видъ, и
былъ увѣренъ, что сдѣлаю честь наставле-
ніямъ, которыхъ пріѣхали мои Дerviши пре-
подали мнѣ въ искусствѣ обманывать.

Много женщинъ приходило ко мнѣ: я пи-
сала имъ шалисманы, а онѣ платили мнѣ за
то разными подарками, состоявшими въ пло-
дахъ, молокѣ, медѣ и другихъ бездѣлицахъ. Но
крещенецъ мой шакъ разболѣлся, что я вы-
нужденъ былъ спросить, нѣтъ ли въ Семна-
нѣ челоуѣка, котораго могъ бы мнѣ посо-
бить. Мнѣ ошвѣчали, что въ цѣломъ городѣ
только цырюльникъ и кузнецъ занимающа
медициною. Первый былъ мастеръ пускашъ
кровь, вырываетъ зубы и вправляетъ вывих-
нутые члены; послѣдній былъ извѣстенъ за
знашока конскихъ болѣзней, а пошому съ

(2) *Истинный, се! Богъ Великій* — при имена
Бога изъ числа 101, или пространнѣе, 1001 име-
ни Божія. — Значенія Персидскихъ словъ, не
высказанные въ подлинникѣ, равно какъ и пра-
вильное оныхъ произношеніе сообщены Пере-
водчику однимъ изъ нашихъ Ориенталистовъ. *Пер.*

нимъ часто совѣшовались и о немощахъ людей. Сверхъ того находилась еще въ городѣ одна Чизи Сефидъ (3), или сѣда Азель, спаруха, вся сморщенная и скрюченная, похожая на вѣдму: съ ней, какъ къ оракулу, прибѣгали во всѣхъ случаяхъ, гдѣ искусство цырюльника и кузнеца не помогало, и она знала множество рецептовъ опъ всякаго рода болѣй. Я призывалъ къ себѣ всѣхъ ихъ, одного за другимъ, и всѣ были одинакаго мнѣнія, что болѣзнь моя происходишь опъ простуды; а какъ огонь есть самое горячайшее вещество, въ противоположность къ холоду, то всѣ они признавали необходимымъ, безъ замедленія, начать лечишь болѣную часть пѣла раскаленнымъ желѣзомъ, и кузнецъ, по привычкѣ обращаясь съ горячимъ и холоднымъ желѣзомъ, былъ назначенъ операторомъ. Онъ принесъ жаровню съ угольями, раздуваельный мѣхъ и два небольшие желѣзные пруща, сълъ въ одинъ уголь, раздулъ огонь и накалялъ свои прущья. Когда все было готово, положили меня на брюхо, и съ большими обрядами начали раскаленнымъ желѣзомъ жечь бѣдную мою спину, между пѣмъ какъ всѣ околосполице, при каждомъ прикосновеніи,

(3) По буквальному переводу *блала, мстала* вещь. Пер.

съ большою важностію восклицали: „*худа шефа мидегедъ!* да поможетъ Богъ!“ Мой медицинскій консиліумъ, въ соединенной своей мудрости положилъ, прожечь меня въ принадацати различныхъ мѣспахъ, въ честь пророка (Лжепророка Магомеша) и двѣнадцати Имамовъ, и хотя я еще при половинѣ операціи, не могши болѣе выносить боли, началъ кричать во всю мочь, но это не помогло, и меня не прежде выпустили, какъ по совершенномъ окончаніи врачеванія. Скоро нельзя было залечишь ранъ, которыя мнѣ надѣлали; а какъ онѣ и никогда бы не зажили, если бы я не оспался въ совершенно покойномъ положеніи, то я и рѣшился залючишь въ кельѣ своей на все нужное для того время, по прошествіи. чего крестецъ мой снова выправился, и я опять спалъ какъ ни въ чемъ не бывалъ. Разумѣется, излеченіе мое было приписано принадацати заступникамъ, покровительствовавшимъ операцію, и цѣлый городъ еще болѣе удостовѣрился въ цѣлительномъ свойствѣ раскаленнаго желѣза. Что касается до меня, то я просто полагаалъ, что долговременное усюкоеніе было лучшимъ для меня докторомъ — однако жъ не говорилъ о томъ никому, ибо совсѣмъ былъ не прочъ опъ того, чюбы меня считали подъ покровительствомъ ша-

каго множества чествуемыхъ на Востокахъ особь.

Я собрался теперь продолжать путешествие свое въ Тегеранъ; но прежде вступленія на этой сценѣ въ ролю Дервиша, рѣшился испытать свои способности, и передъ собраніемъ Семнанцевъ рассказать испорію. Для сего ошпавился я на маленькую площадь, вблизи базара, гдѣ въ полдень толпится большая часть празднующихся, и на обыкновенный, въ такихъ случаяхъ упопребишельный крикъ, собралась куча людей, кошорая и расположилась на землѣ, вокругъ мѣста, избранной мною сцены. Небольшая исторія объ одномъ Багдадскомъ цырюльничкѣ (кошорую слышалъ я, когда еще самъ принадлежалъ къ этому цеху) пришла, по счастью, мнѣ на память, и посреди сборища бродягъ, разинувшихъ уже рты и развѣсившихъ уши, сдѣлалъ я первый опытъ въ новомъ своемъ искусствѣ сдѣвающимъ рассказомъ:

„Въ царствованіе покойнаго Халифа Гаруня Аррашида жилъ въ Багдадѣ знаменитый брадобрѣй, по имени Али Сакаль (4). Онъ такъ славился швердою рукою и искусствомъ

(4) Сакаль называется по Турецки борода.
Пер.

въ своемъ ремеслѣ, что съ завязанными глазами могъ обрить голову, и подбритъ бороду и бакенбарды, ни мало не порѣзавъ. Всякій, кто въ Багдадѣ хохля нѣсколько сдѣлывалъ модъ, не прибѣгалъ къ искусству другаго цырюльника, кромѣ Али Сакала: это сдѣлало его гордымъ и надменнымъ до того, что онъ уже не хохля почти принимался за голову, кошорая не принадлежала, по крайней мѣрѣ, какому нибудь Бегу или Агъ. Дрова для топки были всегда дороги въ Багдадѣ, а какъ въ лавкѣ Али былъ на нихъ большой расходъ, то дровосѣки приносили свои связки преимущественно къ нему, будучи увѣрены, что сбудутъ ихъ съ рукъ. Однажды пришелъ къ нему одинъ бѣдный дровосѣкъ, еще новичекъ въ своемъ ремеслѣ, неизмѣннй никогда дѣла съ Али Сакаломъ, и предложилъ ему купить ношу дровъ, кошорую принащилъ онъ издалека на своемъ ослѣ. Али назначилъ пошъ же часъ цѣну, сказавъ припомы: „за всю ношу, кошорая на ослѣ.“ Дровосѣкъ согласился, сложилъ дрова съ осла, и шребовалъ денегъ. „Ты еще не все снялъ съ осла“ сказала цырюльникъ: „подай мнѣ и сѣдло, потому что и оно принадлежишь къ ослиной ношѣ; такъ мы условились.“ — „Какъ!“ воскликнулъ удивленный бѣднякъ: — „слыханое ли дѣло, продавать сѣдло вмѣстѣ съ дро-

вами! — Но какъ бы то ни было, сколько дровосѣкъ ни кричалъ и ни спорилъ, Али схватилъ дрова, сѣдло и все, что лежало на ослѣ, унесъ въ свою лавку, и прогналъ бѣднаго мужика. Несчастный побѣжалъ къ Кади, и расказалъ ему свое горе; но Кади былъ одинъ изъ знакомцевъ цырюльника, пользовавшихся его искусствомъ, а попому и оппказался мѣшаться въ дѣло. Дровосѣкъ бросился къ высшему судѣ, копорый также покровительствовалъ Али Сакалу, и не принималъ его жалобы. Бѣднякъ прибѣгнулъ къ самому Муфшю. Сей отецъ обѣщалъ обдумать и обсудить дѣло; но, выпивъ полдюжину чашекъ кофе, и выкуривъ столько же трубокъ табаку, объявилъ наконецъ, что это весьма запущанный казусъ, что въ Коранѣ о подобныхъ случаяхъ вовсе ничего не упоминается, и что попому онъ долженъ съ первѣнствомъ предаться своей участи. Однако же дровосѣкъ не поперялъ бодрости, кинулся къ писцу, велѣлъ написать просьбу къ Халифу, и подалъ ее самъ въ Пяпницу, когда Царь въ парадѣ вхалъ въ мечеть. Известно, съ какою точностю Халифъ читалъ просьбы, а попому дровосѣкъ не долго дожидался, пока его позвали во дворецъ. Приблизясь къ Монарху, сталъ онъ на колѣни, обლობызалъ земаю, пропянулъ руки впередъ, покрывъ

пальцы рукавомъ своей одежды, и сложивъ ноги плоско одну съ другою: въ такомъ положеніи ожидалъ онъ рѣшенія. „Любезный другъ!“ сказалъ ему Халифъ: „слова на споронъ цырюльника; справедливость на швоей. Но законъ судить по словамъ, и условія заключающіяся въ словахъ: первый долженъ иппни своимъ пушемъ, или онъ ничего не значить; условія должны быть сохраняемы свяпшо, или взаимная довѣренность между людьми исчезнетъ; а попому ноша швоя принадлежить цырюльнику; но“ — пушь подовзалъ онъ дровосѣка къ себѣ, шепнулъ ему что-то на ухо, чего никто не могъ слышать, и бѣднякъ оппправился доволенъ домой.

Здѣсь я оспановился, и, пропянувъ маленькую оловянную чашечку, сказалъ: „ну, почтенные слушатели, если вы мнѣ что нибудъ дадите, я не скрою отъ васъ, что Халифъ шепнулъ на ухо дровосѣку.“ Повесть моя возбудила всеобщее любопытство, и у кого сколько были деньги въ кошелькѣ, всякій положилъ мнѣ по монетѣ.

„И такъ“ — продолжалъ я: — „Халифъ шепнулъ на ухо дровосѣку, что долженъ онъ сдѣлать для получения удовольворенія отъ цырюльника; а въ чемъ именно состояла совѣпъ Халифа, это расказу я вамъ шеперь. Дровосѣкъ, оппкланявшись какъ водится, по-

шелъ назадъ къ своему ослу, который былъ привязанъ на дворѣ, взявъ его за поводъ и оправилиса домой. Нѣсколько дней спустя, являса онъ опять къ цырюльнику, какъ будто между ними ничего не было, и просилъ его показатъ свое искусство на немъ и на его товарищѣ, пришедшемъ вмѣстѣ съ нимъ изъ деревни. Условились въ цѣнѣ. Когда голова дровосѣка была выбрита, какъ слѣдовало, Али Сакала спросилъ, гдѣ его товарищъ. „Онъ здѣсь; я сей часъ приведу его!“ — отвѣчалъ мужикъ, вышелъ изъ лавки, и скоро возвратился, ведя за собою на поводѣ своего осла. „Вошь мой товарищъ“ сказалъ онъ: — „изволь брить его!“ — „Его брить!“ — вскричалъ изумленный Али: — „какъ бы не шакъ! Будешь и того, что я пачкалъ руки свои о твою глупую банку; а ты еще смѣешь требовать, чтобы я то же сдѣлалъ и съ твоимъ осломъ! Вонъ! или я обоихъ васъ отправлю въ Джеганнумъ (5)“ — и съ сими словами выгналъ онъ ихъ изъ лавки.

„Дровосѣкъ пошелъ къ Халифу, былъ допущенъ, и расказалъ ему случившееся. „Хорошо“ — сказалъ Повелитель правовѣрныхъ (6), и обратясь къ одному изъ своихъ офи-

церовъ, велѣлъ немедленно привести къ себѣ Али Сакала съ его бритвами. Не прошло десяти минутъ, и цырюльникъ былъ уже передъ нимъ. „Почему отказываешься ты обрить товарища этого чловѣка?“ спросилъ Халифъ цырюльника: „развѣ не такъ вы условились?“ — Али поцѣловалъ землю и отвѣчалъ: „это правда, о Государь! таково было наше условіе; но слыхано ли, чтобы кто нибудъ дѣлалъ своимъ товарищемъ осла? вѣдано ли, чтобы съ осломъ обходились, какъ съ правовѣрнымъ?“ — „Можетъ быть, ты и не совсемъ неправъ“ — отвѣчалъ Халифъ: — „ло слыханое ли также дѣло, чтобы спорговавъ ношу дровъ, включашъ въ шо число и ослиное сѣдло? Нѣтъ, нѣтъ; теперь твоя очередь: сей часъ принимайся за осла, или, ты знаешь послѣдствія.“ Нѣчего было дѣлать; цырюльникъ принужденъ былъ пригнотить большую чашу мыла, намазнить осла съ ногъ до головы, и въ присутствіи Султана и всего Двора выбрить осла, смиренно слушая, какъ всѣ околосношящіе смѣялись на его счетъ. Бѣдный дровосѣкъ былъ опущенъ съ приличнымъ денежнымъ подаркомъ, во всемъ Багдадѣ разнеслась исторія цырюльника, и всѣ прославляли правоеудіе Халифа.“

(5) Арабское слово, означаешь адъ. Пер.

(6) Такъ величаютъ себя Магометане.

ДРЕВНЯЯ ЛИТЕРАТУРА.

О ТРЕХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ ТРАГИКАХЪ.

Согласие С. С. Уварова, Президента Императорской С. Петербургской Академіи Наукъ, иностраннаго Общника Королевской Парижской Академіи Написей и Словесности, и пр. ()*

Разумъ человеческій, привыкнувъ къ постоянному и осязательному порядку, коимъ управляется міръ вещественный, спарается привыкнуть къ міру нравственному сей законъ постепенности, подчиняющій всё зародыши видимому и послѣдственному развитію. Безспорно, что мы легко находимъ въ успѣхахъ Наукъ, которыя назвали *точными*, сіе непрерывное послѣдованіе понятій, непрестанно обогащающее ихъ открытіями новыхъ истинъ и наблюденіями,

(*) Разсужденіе сіе, или, какъ называешь его почтенный Сочинитель, *Записка (Memoire)*, предсавлено было въ конференцію Императорской С. П. бургской Академіи Наукъ, 24 Ноября 1820 года, и помѣщено въ X томѣ Записокъ Академіи.

превосходящими всё дополь бывшія; но не по бываетъ съ искусствами воображенія и ума. Самое блистательное время сихъ легкихъ и свѣтлыхъ мещеровъ не подчинено никакимъ опредѣленнымъ вычисленіямъ. Ихъ новленія не связаны между собою, и не объясняютъ возврата въ опредѣленное время. Все въ Исторіи Искусствъ (взятыхъ въ обширнѣйшемъ смыслѣ сего слова) неожиданно; образцовыя ихъ произведенія — суть феномены, поржешиво ихъ — нечаянность. Мы не бываемъ при ихъ развитіи, и много, что угадываемъ ихъ успѣхи. Часто они едва родятся, — и уже достигаютъ совершенства. Они не шянутся съ трудомъ къ концу своего поприща, но летящъ. Исторія Искусствъ лсеѣ всего доказываетъ, что обыкновенное вычисленіе времени не можетъ быть примѣнено къ жизни нравственной, къ жизни чувствованія и мысли, которая иногда приостанавливаетъ полеть часовъ, неопредѣленно увеличивая ихъ долготу, иногда же, совокупляя ихъ въ одно, даетъ времени скорость ужасную и новую. Въ Исторіи Искусствъ, всякое правило послѣдованія прерывается, и если новая Живопись началась съ Рафаэля, то Поэзія древнихъ открылась Гомеромъ.

Но вмѣсто того, чтобы описать частные феномены, являющиеся въ Исторіи Искусствъ, Писатели почти всегда старались опредѣлить общій ходъ оныхъ. Подстергаютъ, пакъ сказать, генія Искусствъ на дѣлѣ, вникають въ самыя тайныя его отношенія и поясняютъ самыя тонкія сходства — вошь обязанность, которую обыкновенно возлагали на себя Писатели. Отъ сего произошло множество системъ и ложныхъ предположеній, которымъ навѣкъ придавъ силу закона. Разныя эпохи Исторіи Искусствъ были связаны между собою условными доводами и запасными опредѣленіями; и со всею тѣмъ, если кто старательнѣе обратитъ вниманіе на сіе сцѣпленіе ипопезъ, тошь увидитъ, что оны разрушаются самымъ порядкомъ вещей, и обличаются Исторіею. Между послѣдними опытами Перуджино и первыми великими произведеніями Рафаэля, столько ятъ и болѣе разносія, какъ между хранящимся въ Дрезденской галлерей изображеніемъ Пресвятой Дѣвы (*) и картинами современныхъ нашихъ Художниковъ. Чтобы ни говорили, но подмоспки Тесписа не изыясняютъ Проме-

(*) La Madonna di S. Sisto, одна изъ лучшихъ картинъ Рафаэля Санціо, находящаяся въ Дрезденской галлерей *Пр. Перег.*

ея Эхилова, и геній Искусствъ не раскрываетъ тайны своего происхожденія. Оны какъ бы играють и временемъ и пространствомъ, и какъ конянь боговъ у Гомера — ему нуженъ одинъ шагъ для достиженія предельной тверди небесной.

Исторія ума человѣческаго представляеть весьма многіе примѣры сего страннаго образа сужденій, которое, съ помощію нѣсколькихъ словъ, являетъ въ превращеномъ видѣ самыя ясныя понятія нашего разума. Мы слишкомъ доверяемъ вліянію нѣкоторыхъ извѣстныхъ формулъ, разсѣваемыхъ по привычкѣ и приняныхъ безъ разбора. „Люди,“ говоритъ Баконъ, „думають, что ихъ разумнѣе повелѣвають словами, но часо наиротивъ того случается, что слова „опровергають власть его, и что отблескъ ихъ силы дѣйствуетъ на самое разумнѣе.

Такой *паралогизмъ* случился въ Исторіи Греческой Трагедіи. Обыкновенно говорятъ (и всякій може повторять), что, бывъ создана Эхиломъ, она возведена на сцену совершенства Софокломъ, и понизилась въ рукахъ Эврипида. Первую изъ сихъ эпохъ назвали эпохою дѣтства, еще варварскаго, но уже высокаго, вторую — эпохою высшего совершенства въ Драмматическомъ Искусствѣ, третью — эпохою хилости и наклон-

носи Поезіи къ понятіямъ философическимъ. Сія мысль несправедлива, ибо съ нею соединяется мысль о длинномъ послѣдствіи лѣтъ, а Эсхиль, Софокль и Эврипидъ были *современники*. Первое торжество Софокла заставило Эсхила осудить себя на добровольное изгнаніе въ Сицилію, и ничѣмъ не доказано, чтобы юный еще Эврипидъ не присутствовалъ при семъ представленіи; ибо Діодоръ утвердительно говоритъ, что онъ умеръ въ одинъ годъ съ Софокломъ.

Хотя время рожденія и смерти прехъ Трагиковъ подвержено великимъ сомнѣніямъ; но по достоверно, что вся ихъ исторія занимаетъ пространство времени, чрезвычайно близкое. Известно, что Эсхиль родился за 525 или 526 лѣтъ до Р. X., въ концѣ 63 Олимпіады. Одни полагаютъ время его смерти въ 1 году 81 Олимпіады, за 456 лѣтъ до Р. X.; другіе во 2 году 78 Олимпіады, за 467 лѣтъ до Р. X. Повѣствуютъ, что Софокль былъ только 17 годами моложе Эсхила, и что 24 года спустя по рожденіи Софокла, родился Эврипидъ, въ день Саламинской битвы (въ 20 день мѣсяца Возрожденія, 1 года 75 Олимпіады); Эсхиль былъ въ сей битвѣ, и отличился своею храбростію. Софокль и Эврипидъ оба умерли за 406 лѣтъ до Р. X.; но Эврипидъ сошелъ въ гробъ преж-

де Софокла, ибо известно, что сей послѣдній почпилъ кончину знаменитаго своего соперника всенародными знаками скорби.

Не спанемъ шеряпясь въ лабиринтъ мелкихъ запрудненій хронологическихъ: сіе краткое изложеніе достапночно разрѣшаетъ предложенный нами вопросъ. Во всякомъ случаѣ, это простое сближеніе числа совершенно измѣняетъ главную почку зрѣнія, съ коюрой естественно должно разсматривать Исторію Греческой Трагедіи. Посему должно брать самое короткое пространство времени, коль скоро дѣло идетъ о *золотомъ вѣкѣ* Трагедіи Греческой. Природа, щедрая своими дарами въ сей счастливой странѣ, породила въ ней троихъ изъ превосходнѣйшихъ гениевъ, — гениевъ удивительныхъ, каждый по своему свойству, гениевъ творческихъ, являющихъ въ однихъ себя при различные рода вмѣстѣ. Если бы природа поставила ихъ на разстояніи нѣсколькихъ вѣковъ другъ отъ друга, тогда бы они явственнѣе означили постепенный ходъ Греческой Трагедіи; поспѣшивъ ихъ вывести на свѣтъ въ одно время, въ одной землѣ, въ одномъ городѣ, она сотворила чудо: сблизила начало, зрѣлый вѣкъ и конецъ, безъ дѣтства и дряхлости. Она доставила сему необыкновенному народу дивное зрѣлище прехъ великихъ Поезтовъ, сослзавшихъ

ся на одномъ поприщѣ и объ одномъ лавре-
домъ въикъ средствами, совершенно различ-
ными (*). Можно составить себѣ только,
слабое понятіе объ удовольствіи, каковымъ
зрѣлище сіе восхишило народъ, одаренный
необыкновенною чувствительностію, народъ,
который, по словамъ Эврипида (**): „сладо-
„спно жилъ въ самой блистательной ашмо-
„сферѣ.“ Справедливости пребудетъ однако-
жь сказать, что если природа въ семь оп-
ношеніи была благошворна къ Аѳинянамъ, то
она также удивительно предуготовила жре-
бій Поэтовъ, коимъ дала ихъ судьями и зри-
телями.

Между Эсхиломъ, Софокломъ и Эврипи-
домъ, Трагедія родилась, жила и умерла. Сви-
дѣтельство Древности о семь предметъ еди-
ногласно. Число драматическихъ Поэтовъ,
коихъ имена сберегла намъ Исторія, и нѣко-
торыя слабые отрывки, довольно значитель-

(*) Въ предисловіи, или предварительномъ из-
ложеніи Метэ Эврипидовой, сочиненіомъ Грам-
матикомъ Аристофаномъ, находимъ, что сія
Трагедія была предшавлена въ правленіе Архи-
па Писидора, около 87 Олимпіады, и что пер-
вая награда вручена была Эвѳориону, вторая Со-
фоклу, а третья Эврипиду.

(**) Met. 829.

жо; но ни одинъ изъ нихъ не сравнился, хо-
тя издалека, съ тремя великими творцами
сего Искусства. Торжество, доставленное ими
Греціи, никогда не возобновлялось и никогда
не возобновился. То, что могло бы занять
многіе вѣки, занимаетъ здѣсь малое число
лѣтъ: здѣсь три эпохи Искусства современ-
ны другъ другу — какая минута!

Всѣ тонны, всѣ ошпѣнки Драматическа-
го Искусства, или правильнѣе, Поэзіи вообще,
совокуплены въ твореніяхъ Эсхила, Софокла
и Эврипида. Отъ гармонической пышности
словъ до роскоши мыслей, отъ высокаго въ
вымыслахъ до прогательнаго въ положені-
яхъ, отъ мужественной простоты первыхъ
впечатлѣній стихотворческихъ до самыхъ
тонкихъ красокъ Философіи, — сіи три ве-
ликіе мужа все постигли, все исчерпали.

Древніе никогда не произносили суда не-
ключительно о кошоромъ либо изъ сихъ ве-
ликихъ гениевъ. Вообще, по свойству ихъ по-
нятій объ Искусствѣ, оставляли они спокой-
но другъ подлѣ друга роды совершенно про-
тивоположные. Нынѣшняя наша бранчивая
и мелочная крипика есть такая болѣзнь, ко-
порою они никогда не были заражены. Сви-
дѣтельства Древнихъ о шрехъ Трагикахъ весь-
ма различны; у каждаго изъ нихъ были свои
сшрасшныя почишатели; но эша сшрасшъ,

или пристрастіе, никогда не ознаменовалась неприязнью къ другому. Шутки Аристофана надъ Эврипидомъ, споль оспроумный, а иногда споль глубокомысленный, опзываются напыщенностію комической маски (*); но самъ Аристофанъ, спави Эсхила на первомъ мѣстѣ, и вручая пальму Искусства Софоклу, выражалъ сполько мнѣніе цѣлой Греціи. Вотъ основа его мысли, и она справедлива (**); все прочее самопроизвольно.

Спо разъ пышались изъяснить опличительныя свойства прехъ Греческихъ Трагиковъ посредствомъ сравненій, болѣе или менѣе оспроумныхъ. Словесность каждаго народа въ Европѣ обилуетъ сего рода поршретами; но эпошъ предметъ споль обширенъ, предспавляетъ сполько наружнаго разнообразіа, что всякій разъ ускользаетъ нѣсколько замѣчаній, нѣсколько опшѣнокъ опъ самага навичнаго глаза. Главная ошибка всѣхъ сихъ разборовъ состоитъ въ томъ, что Сочинители ихъ берутъ совершенно опдѣльно каждаго изъ Трагиковъ, и сія ошибка есть, спакъ

(*) Такъ назывались иногда мелкія драматическія сочиненія, принадлежащія собственно къ которому либо изъ главныхъ родовъ, ш. е. къ Трагедіи или Комедіи. *Пр. Переводъ.*

(**) C. Ranae — Acharnenses — passim.

сказать, *погршность оптическая*, ибо основаніемъ ея служить общепринятая система, разматривать Исторію Греческой Трагедіи въ постепенномъ ея развитіи, копорого она не имѣла. Чшобы съ точностію опцнить Эсхила, Софокла и Эврипида, должно положить себѣ за правило болѣе единства и цѣлости въ способѣ ихъ размощрѣнія; должно видѣть въ нихъ не мужей, соспавившихъ при эпохи опличныя и опдѣльныя, но прехъ разнородныхъ и современныхъ Повповъ, какъ мы выше сказали. Сія опчка зрѣнія, бросающая испинный свѣтъ на различіе безмерныхъ ихъ швореній, утверждаетъ между ними связь и какъ бы умешвенное *споручительство*, копорое соглашается съ кратковременнымъ срокомъ цѣвшущаго состоянія Театра Аѣннскаго.

Прежде, нежели начнемъ ихъ разматривать съ сей новой опчки зрѣнія, необходимо должны мы бросить взглядъ на общее свойство Трагедіи Древнихъ, и на ея происхождение. Греческая Поззія сначала является сполько въ двухъ *первобытныхъ видахъ*: Эпонеъ и Поззіи Лирической; опъ опъ не сполько совѣмъ усшранены одна опъ другой, но и опираются на правилахъ, совершенно различныхъ. Поззія Древнихъ не есть запоздалый плодъ образованности, спакъ сказать,

персаженной изъ чужаго расадника: она быспро возникла изъ земли вмѣстѣ съ понятиями о вѣрѣ и преданіями историческими, коихъ была первымъ оглоломкомъ и единственнымъ хранилищемъ. Если, какъ все насъ въ поэмѣ удословляешь, общій источникъ сихъ понятій и преданій находился на пространномъ материкѣ Азии, изъ которой произошли всѣ вѣры; то Поэзія пріемлетъ свойство еще болѣе величественное, ибо дѣлалась малкомъ того великаго преселенія народовъ, которое предшествовало временамъ историческимъ, и котораго слѣды едва намъ указаны. Вошь, что была Поэзія для Древнихъ, и въ семь-шю отношеніи должно ее разсматривать, дабы убѣдиться въ чрезвычайной ея важности, относительно къ нравственной жизни древнихъ народовъ. У Грековъ, какъ и у всѣхъ племенъ *младенчествоющихъ*, первоначальное свойство ея было *расказъ*; ибо первобынное состояніе общесства прежде всего пребуешь сообщенія преданій, какъ до вѣры, такъ и до Исторіи кающихся, устами мужа вдохновеннаго, иногда *первосвященника*, иногда *пѣвкопѣвца* (Рансода), или даже совокупляющаго въ себя оба сіи качества. Такъ родилась *Эпопея*. Если первая нужда общества выразилась въ семь видѣ, блюстишель драгоцннѣйшихъ его

типль, столь же сильная нужда скоро заставила въ Поэзіи почувствовать неутолимое желаніе возвыситься до верховнаго порядка вещей; и сей восторгъ имѣлъ цѣлю или чествованіе божества обшями слабости и благодарности, или въ дерзости своей возвеличивалъ до божества людей необыкновенныхъ, коихъ подвиги исторгали общее удивленіе. Отсюда произошли *Гимны* и *Оды*. Поэзія Греческая была въ началѣ своемъ совершенно воинская и народная. Послѣ сдѣлалась она украшеніемъ пировъ и исполковашельницею сладострасія; но всегда удерживала столько свободы, что не ограждала себя границами непреложными. Пиндаръ, котораго часпо поминають и никогда не читають, есть истинный образецъ Поэзіи Лирической въ ея началѣ. Ставя Пиндара подлѣ Гомера, видимъ крайнее несходство обоихъ родовъ Поэзіи, кои, происходи ошь двухъ разныхъ началъ, являють собою прошивоположности столь же рѣзкую въ ихъ *умственныхъ свойствахъ*, какъ и въ *формахъ метрическихъ*, и въ нѣкоторой спепенекъ бы полагають нерушимый предѣль между двумя *языками*, на коихъ Гомеръ и Пиндаръ сочинили.

Таково было положеніе Греческой Поэзіи среди двухъ родовъ, которые ни въ ка-

жомъ отношеніи не могли, въ первообразныхъ своихъ видахъ, достигъ до точки соприкосновенія, а того менѣе слились въ одинъ и тотъ же родъ; но образованность сдѣлала новый шагъ, и Драматическое Искусство явилось въ самомъ заманчивомъ видѣ сіе желанное совокупленіе Эпопеи съ Поэзіей Лирическою, совокупленіе, въ кошоромъ каждый изъ сихъ родовъ Поэзіи, совлекшись собственнаго своего свойства, принялъ новое, и въ кошоромъ оба, чрезъ сей счастливо обдуманый союзъ, вдругъ вознесли Греческую Поэзію на ту высоту, гдѣ она и теперь еще возносятся надъ завидующими ей вѣками. Эпопея Драматическому Искусству доставила спихіи, и сама пріобрѣла новую степень жизни, ибо она съ тѣхъ поръ, не безпрерывный расказъ одного свидѣшала, но самый расказъ въ ней превратился въ дѣйствіе и повѣствовашель въ героя; не воспоминаніе событій минушаго, но самое событіе, шакъ сказашь, оживленное и содѣлавшееся ощушительнымъ для взора, какъ и для слуха. Съ своей стороны Поэзія Лирическая, являсь на сценѣ, потеряла прежнее свое свойство, неясное и спиртное, и цвѣтъ собственно мѣстный, къ кошорому она допоя, казалось, была обречена. Она перестала вмѣстѣ и теряться въ облакахъ и развле-

кался въ подробностяхъ; познала законныя свои границы, и сбѣнясь, узрѣла предъ собою неизмѣримое поприще. Сдѣлавшись существенно частью Трагедіи, она пріобрѣла болѣе возвышенности и ясности; полетѣла съ спашь выспрениѣе и смѣлѣе; не переставъ бытъ народною, она приняла отличительнымъ своимъ цвѣтомъ благоговѣніе къ вѣрѣ; наконецъ достигла до истиннаго своего совершенства; ибо нѣтъ сомнѣнія, что истинныя образцы Лирической Поэзіи находятся только на сценѣ Греческой. Не Пиндаръ, а Софоклъ далъ Лирической Поэзіи ту возвышенность чувствованій и мыслей, тотъ очаровательный языкъ, то высокое изображеніе, ту восхищительную гармонию, коими отличаются лучшія мѣста хоръ трагическихъ.

(Окончаніе впрѣдъ.)

К Р И Т И К А.

Отрывки Г-жи Сталь о Финляндии (*), съ замѣчаніями.

„При въѣздѣ въ Финляндію, все возвѣщаетъ иной край, иную породу людей опъ Славянской. — Говорятъ, что Финны вышли прямо изъ Сѣвера Азіи, и что языкъ ихъ не имѣетъ ничего общаго съ Шведскимъ, который составляетъ переходъ опъ Англійскаго къ Нѣмецкому. Однако лица Финновъ, по большей части, Германскія; блѣкнрые волосы ихъ и близна имъ въ чемъ не сходствуютъ съ живостью лицъ Русскихъ; за то нравы ихъ кротче. — Низшій классъ народа постоянно чешень, и отличаетъ чистотою нравовъ. По Воскресеньямъ видимъ молодыхъ дѣвушекъ, возвращающихся съ проповѣди верхами, сопровождаемыхъ молодежью. Часто пользуемся гостепріимствомъ Финляндскихъ Пасторовъ, вмѣняющихъ себя въ обязанность принимать путешественника, и ничто не можетъ быть безкорыстнымъ и радущимъ пріема ихъ семействъ. Въ Финляндіи вовсе по-

(*) Изъ книги: *Les dix années d'exil.*

чши пѣтъ ни замковъ, ни знатныхъ владѣльцевъ, и Паспоры суть первые жилили край. Въ нѣкоторыхъ Финскихъ пѣсняхъ, молодыя дѣвушки хваляща передъ женихами, что онѣ рѣшились бы пожертвовать для нихъ даже паспорскимъ домомъ, если бъ его имъ предложили. Это напоминаетъ паспуха, копорый говорилъ: „будь я Король — я насъ бы верхомъ овецъ своихъ!“ Само воображеніе неидетъ даде намъ извѣснаго.

„Видъ природы Финляндской совершенно отличенъ опъ Русской: вмѣсто шундръ и равнинъ, окружающихъ Петербургъ, видишь скалы — почти горы, и лѣса; но скоро замѣчаешь, что эти горы однообразны, а лѣса составлены изъ однихъ и пѣхъ же деревьевъ: изъ елей и березъ. Граншныя громады, разбросанныя по полямъ и близъ дороги, придають спранъ видъ суровой; но какъ мало жизни вокругъ сихъ оставовъ земли! Растительность видимо уменьшается, начиная опъ широты Финляндіи до послѣдняго градуса оживленной земли. Мы провзжали сквозь полусгорѣвшій лѣсъ; свѣрные въпры, усиливающіе дѣйснвыя пламени, поражаютъ частые пожары въ городахъ и селахъ. Въ семъ хладномъ климатѣ человекъ долженъ всячески бороться съ природою. Въ Финляндіи встрѣчаемъ мало городовъ, да и

тъ, которые сущесвуютъ, мало населены. — Нѣтъ средоточія, нѣтъ соревнованія, не о чемъ говорить и нѣчего дѣлать въ провинціи Шведскаго или Русскаго Сѣвера, и въ продолженіе осьми мѣсяцевъ вся живущая природа засыпаетъ. — — — — —

„Я съѣла на корабль въ Або, столицѣ Финляндской. Въ этомъ городѣ находились Университетъ, въ которомъ дѣлають только попытки къ образованію ума; но близкое соседство медвѣдей и волковъ въ зимнее время поглощаетъ всю мысль необходимостью обезпечить себѣ сносное физическое сущесвованіе, и забота, соединенная съ эпимъ, въ спранахъ сѣверныхъ свѣдаетъ большую часть времени, посвящаемого въ другихъ спранахъ наслажденіямъ Искусствъ и ума. Можно сказать, въ замѣну этого, что преласчивѣи, коими природа окружаетъ людей, усиливають твердоснъ ихъ нрава, и не дозволяютъ вгнѣздиться въ умъ безпорядкамъ, порождаемымъ праздносною. Не смотря на то, и безпрестанно жалѣла о лучахъ Юга, которыми до души была проникнута.

„Баснословныя мысли жителей Сѣвера безпрестанно являютъ имъ привидѣнія; тамъ день шолько же благопріятенъ имъ, какъ и самая ночь: что-то блѣдное и облачное, ка-

жется, призываетъ мерныхъ возвратиться на землю, подышать могильнымъ холодомъ, проникающимъ и живыхъ. Въ сихъ краяхъ больше видны двѣ противоположности, чѣмъ степеней переходовъ. Человѣкъ или безпрестанно занятъ борьбою жизни съ природою, или шруды умственные потчасъ берутъ направление мистическое; ибо человѣкъ извлекаетъ все изъ самаго себя, и не можетъ быть вдохновенъ предметами вѣшними.“

Пробѣгая снова книжку Г-жи Спаль : (*Десять лѣтъ изгнанія*), я набрелъ на выше предлагаемый отрывокъ, въ которомъ, не говоря уже о обличеніи вѣтреннаго легкомыслия, отсутствія наблюдательности и совершеннаго невѣдѣнія мѣстности, невольна поразжающихъ читателя, знакомаго съ швореніями Авшора книги о Германіи, я въ свою очередь былъ пораженъ самимъ рассказомъ, во всемъ подобнымъ пошлomu пустомельству пѣхъ щепетильныхъ Французиковъ, которые, не много шому времени назадъ, являясь съ скуднымъ запасомъ свѣдѣній и богаемыми надеждами въ Россію, шакъ радостно принимались щедрыми и подѣ часъ неушѣбно - добродушными нашими соощече-

свѣтниками (только по образу мыслей и нашими современниками.)

Кто читал творения Г-жи Спаль, въ коихъ такъ часто ширяется она въ пре-выспренней воображеніи, безпрестанно и при малѣйшемъ случаѣ возбуждающимся, кто видѣлъ, а можешь быть, и воображалъ себя, по описаніямъ, исполненную природу Финляндіи, эти осуществленные призраки чудесъ и вымысла — тому почто покажешся спраннымъ, какъ безпредѣльные лѣса, озера, пустынные и гранишныя скалы, съ громадными ихъ разщелинами, не сдѣлали другаго впечатлѣнія на Авпора Корины, кромѣ скуки ошъ единообразія! Разбросанныя по равнинамъ гранишныя громады, которыя такъ живо называешь она *землями оставами*, не сушь ли уже неисчерпаемые источникники возвышеннаго удивленія, глубокихъ мыслей и чувствъ! И гдѣ жъ могущъ вишашъ прямыя наслажденія воображенія, если созерцаешь природу и всего прекраснаго взглянешъ съ безчувствіемъ на эти безмолвные и могильные памяшники, какого-шо кладбища міра и народовъ, гласящія намъ о грустномъ забвеніи поколѣній, протекшихъ безвѣстно, но, можешь быть, славно? Я не проикнушь до души, какъ Г-жа Спаль, лучами Юга, а принадлежу къ числу шѣхъ людей,

которымъ не удалось еще погрѣшься на полуденномъ солнцѣ, и это можешь быть естественною причиною, что намъ доступнѣе суровыя наслажденія сѣверной природы. Да и почему, восхищаясь небомъ Рима и Венеціи, должно непременно распаяшь въ знойномъ воспоргѣ, и презирашь поржественныя явленія природы полуночной? Кто не вспомнишь съ живѣйшимъ удовольствіемъ зимнихъ ночей Финляндіи, озаряемыхъ сѣверными сіяніями, мерцаніемъ луны, отражающимся съ ясной и звѣздистой шверди на раскинутыхъ снѣговыхъ скаперняхъ озеръ пустынныхъ, на мрачныхъ дремучихъ лѣсахъ, — безбрежныхъ для глазъ и воображенія; на оледенѣлыхъ, но полныхъ жизни и движенія, попокахъ; на черной нагошъ скалъ, возвышающихся призраками - великанами среди пустыни, безплодія и ужаса? Нѣтъ! никогда не забуду я волненія души моей, расширявшейся для вмѣщенія споль сильныхъ впечатлѣній. Всегда буду поминишь упура, который часто проводилъ на берегу залива; какъ творжественно всныхивало погда безоблачное небо заревомъ денницы, какъ, словно пламя пожарное, обливалоь вокругъ грозныхъ и неприступныхъ бойницъ Свеаборга — горделиваго памяшника дерзкой отваги Русскихъ!

Увлеченный моими воспоминаніями, возвращусь къ Г. Спаль, которая, говоря о провѣдѣ своемъ мимо сгорѣвшаго лѣса и о сѣверныхъ вѣтрахъ, усиливающихъ дѣйствіе пламени, приписываетъ, кажется, только имъ и случайности причину частыхъ пожаровъ. Если бы она потрудилась, посредствомъ какого либо полмача, распросить извозчиковъ своихъ о точной причинѣ сихъ пожаровъ, каждый изъ нихъ объяснилъ бы ей, что дешевизна или вовсе ничтожная цѣнность лѣсовъ Финляндіи заставляетъ хлѣбопашцевъ пожигать участками лѣса свои, для расчищенія и распашки полей.

Что же касается до мнѣнія ея о томъ, что: „нѣтъ средоточія, нѣтъ соревнованія, „не о чемъ говорить, и ничего дѣлать въ „провинціяхъ Шведскаго или Русскаго Сѣвера,“ по трудно опредѣлить, въ отношеніи къ чему Г. Спаль высказала такой образъ мыслей, ибо само географическое положеніе края дѣлаетъ Финляндцевъ народомъ двѣшатымъ. Омываемая съ запада и юга заливами Бошническимъ и Финскимъ, а къ востоку Ладожскимъ озеромъ, Финляндія пользуется всеми выгодами береговыхъ промысловъ (саботаж), предохраняющихъ ее отъ бездѣйствія, — всегда пагубнаго для благоденствія народаго. — Тамъ же, гдѣ ошуществіе каменде-

стой почвы допускаешь хлѣбопашество, оно доведено до совершенства, чему примѣромъ можетъ служить Вазовская губернія.

Наконецъ, говоря объ Абовскомъ Университетѣ, въ коемъ, по словамъ Г^{жа} Спаль, *дѣлають еще только попытки въ образованіи ума* (on s'y essaie un peu à la culture de l'esprit) она не допускаетъ успѣховъ въ просвѣщеніи отъ соседства волковъ и медвѣдей, которое, по ея мнѣнію, причиной, что мысли поглощаются тамъ необходимою обезпеченіемъ себя только сноснаго физическаго существованія. Замѣчаніе такого рода намъ показалось тѣмъ болѣе страннымъ, что если представимъ себѣ правленіе Абовской Академіи, составленное изъ нѣсколькихъ образованныхъ Профессоровъ, по неужели 400 студентовъ, тамъ воспитывающихся, готовяшь себя въ звѣроловы? Въ этомъ случаѣ, Академію сію могла бы она почтѣ назвать царнымъ дворомъ. — Ужели Г^{жа} Спаль не нашла другаго способа ошскивать причинъ, замедляющихъ ходъ просвѣщенія, какъ перерядившись Діаной, заставитъ читателя рыскашь вмѣстѣ съ собою въ лѣсахъ Финляндскихъ, по порошамъ за медвѣдями и волками, и зачѣмъ ихъ искашь въ берлогахъ. . . . ? Помѣшали ли необозри-

мые леса, съ населяющими ихъ вебрями, покрывавшіе некогда всю Германію, успѣхамъ просвѣщенія? И гдѣ успѣхи умственныхъ усовершенствованій могутъ быть ошущительнѣе, нежели въ Германіи? Финляндія, хотя и отщипнулася къ Сѣверу Европы, въ коемъ вообще, за исключеніемъ одной Англіи, никто, по истинѣ, не можетъ похвалиться роскошью просвѣщенія; все таки она, въ отношеніи къ Европѣ, не можетъ стоять на ряду съ странами мало извѣстными, и рассказывать Европейцамъ 19 столѣтія, что у нихъ подъ бокомъ есть земля, гдѣ волки и медвѣди прошивоборствуютъ просвѣщенію, также странно, какъ смѣшно слушать нашихъ добродушныхъ нянь и мамокъ, рассказывающихъ про чертей и лѣшихъ.

Наконецъ отъ страха, наведеннаго на робкую душу нашей барыни, ей чудящейся, среди бѣды дня, привидѣнія, кошмарыхъ она видѣшь за себя и за другихъ въ одно время, и мершвецы выходящъ изъ холодной своей обители даже не въ условное время! —

Заключу слишкомъ уже длинныя замѣчанія мои на грѣзы Гжн Спаль, сказавъ, что по моему, мнѣнія ея на эпоху разъ во всемъ оправдываютъ легкомысліе ея пола, и она, какъ кажется, слишкомъ поспѣшила выска-

зать читателямъ впечатлѣнія, уцѣлѣвшія отъ пролетнаго ея пребыванія въ Финляндіи.

А. М — въ.

С. Петербургъ

20 Апрѣля 1825.

IV.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I.

Отвѣтъ на Критику *Замѣчаній о родахъ Грамматическихъ въ языкѣ Русскомъ.*

(Сынъ Отеч. 1825. № 5. стран. 36; Сочин. въ прозѣ и стихахъ, Тр. Общ. Л. Р. Сл. Ч. V.)

(Продолженіе.)

Спр. 47. Г. Кришкѣ говорить: „но правильно ли самъ Авторъ пишетъ: медвѣжаты, телматы, вмѣсто медвѣжата, телмта? Ошибочное употребленіе не можетъ быть закономъ; слѣдственно можно писать также: *войски, окны, озеры?*“ И безъ сомнѣнія можно: можно писать *войски*, какъ сіе сдѣлалъ Ломоносовъ въ одной своей Рѣчи, и можно писать *войскѣ*, какъ мы говоримъ обыкновенно; *окны* весьма часто можно слышать, по крайней мѣрѣ, у насъ въ Москвѣ; *Озѣры* есть даже село Московской

губерніи въ Московскомъ уѣздѣ. Буква *ѣ* замѣцала нѣкогда букву *о*; *ѣ* перемѣняется въ нѣкопородныхъ именахъ и на *и* или *ы*, и на *а*; такъ и буква *о*. Ешо двойное окончаніе именишельнаго падежа похоже на двойное окончаніе падежей родимельнаго и предложнаго (въ темномъ лѣсѣ, въ лѣсу), и составляетъ богатство формъ нашего склоненія. За чѣмъ же лишашъ насъ сего богатства? И не ужѣ ли, въ прошивность обыкновеннѣйшему употребленію, должно *всегда* говорить и писать: *котята, цыплата, плѣча, лица, кольца, солнца*? Такъ *солнцу* отъ Тебя родился, говорить Державинъ (Ода: *Богъ*). Гдѣ-же тутъ *ошибочное* употребленіе? и о какомъ *моемъ законѣ* говорить Кришникъ?

Стр. 47. Г. Кришникъ говоритъ: „*слѣдующее за симъ правило (будто бы прилично отнести всѣ названія буквѣ къ роду среднему и проч.) мнѣ кажется излишнимъ и невѣрнымъ.*“ Правда, мы почно говоримъ большой азѣ, старинный юсѣ, маленькое мыслете; но для того-то я и помѣспилъ мнѣніе свое въ примѣчаніи (стр. 134), а не сдѣлалъ правила, какъ говоритъ Кришникъ; я сказалъ *прилично бы* — потому что названія буквѣ суть имена предметовъ, неозначающихъ пола. Впрочемъ родъ именъ сихъ не *всегда* зависитъ отъ ихъ окончанія (въ про-

тивность сказанному пошомъ Г. Кришникомъ): мы не можемъ сказать *большой червь*, но скажемъ или *большое червь*, или *большая буква червь*; не можемъ и склонять сего имени. — На замѣчаніе, которое Кришникъ дѣлаешъ ниже, что названіе первой Греческой буквы должно писать *алфа*, а не *альфа*, скажу, что въ буквѣ *ѳ* почно ошибка, но букву *ѳ* не должно выкидывать изъ сего слова; доказательство — произношеніе. Въ Библии пишется: *жителствую, доброхвалный* (Филипис. III, 16; IV, 8), а мы пишемъ *жительствою, доброхвалный*; такъ почно и *алфа* должно писать *альфа*.

Стр. 48. Г. Кришникъ говоритъ, будто бы „*по точному Русскому произношенію надлежитъ произносить емѣ, енѣ, ерѣ, есѣ* (названія буквѣ: *м, п, г, с,*) *вѣ семѣ начертаніи* (т. е. съ буквою *е*, а не *ѣ*) *какъ йомѣ, йонѣ, йорѣ, йосѣ.*“ Никогда буква *е* не имѣла такого произношенія, иначе надлежало бы напр. и глаголь *есмѣ, еси, есть* произносить *йосмѣ, йоси, йость*. Когда буква *е* произносилась какъ *йо*, тогда спавяшся надъ нею двѣ почки: *ѣ* (замѣнимъ *кспати*, что сей звукъ находишся только въ новомъ языкѣ нашемъ). — Кришникъ продолжашъ: „*Не понимаю, для чего хотятъ у насъ истребить букву ѣ, необходимую для выраженія чи-*

стаго произношенія Латинскаго *e* или *æ*, которое встрѣчается и въ нѣкоторыхъ Русскихъ словахъ! Вначалѣ въ весьма не многихъ (ешопъ, екой, епаккой, е! ей! еге! ехъ!). О звукѣ или понѣ *e* можно замѣтить, что Русской языкъ имѣетъ только два вида сего тона: твердый, какъ Латинское *e*, или, если угодно, какъ *э*, и мягкій какъ *йе*, Латинское *je*. Мы имѣемъ и двѣ буквы для означенія сихъ звуковъ: *e* и *ъ*; а посему одну изъ нихъ слѣдовало бы употреблять для одного, другую для другаго. Но каково же ихъ употребленіе? Самое неправильное. Мы выговариваемъ букву *e* и какъ *e* Латинское (въ срединѣ и на концѣ всѣхъ Русскихъ словъ, когда ей не предшествовала гласная или полугласная, и въ началѣ почти всѣхъ чужезычныхъ и Русскихъ, изчисленныхъ выше), и какъ *je* (въ началѣ прочихъ Русскихъ словъ и нѣкоторыхъ чужезычныхъ, а въ срединѣ и на концѣ послѣ гласныхъ и полугласныхъ); мы выговариваемъ и букву *ъ* какъ *e* Латинское (въ одинакихъ случаяхъ съ буквою *e*, а въ чужезычныхъ, словахъ, кажется въ немногихъ: *Вѣна*, *Печеньги*, *Нѣмецъ*, *Алексѣй* и пр.) Напр. сравните множественнаго числа родительнаго падежъ существительнаго *ръка* съ прошедшимъ временемъ глагола *реку*: *ръкъ*, *рекъ*. Вообще должно замѣтить, что

въ Московскомъ нарѣчій буквы *e* и *ъ*, въ показанныхъ случаяхъ, едва ли оплчаются произношеніемъ; но Малороссіяне произносятъ *ъ* мягко, даже почти какъ *и*, и какъ *je* (въ одинакихъ случаяхъ съ буквою *e*). Что жъ изъ сего слѣдуешь? То, что намъ должно бы было разсмотрѣть строжайшимъ образомъ употребленіе буквъ *сихъ*, и положить для онаго твердыя, основанныя на произношеніи, правила. Я знаю, что многіе будущіе несогласны съ моимъ мнѣніемъ; многіе, можешь бышь, станутъ утверждать, что опъ сего разрушился вся наша Орфографія; но я прошу шаковыхъ обратишь вниманіе на слѣдующее коренное правило Философской Грамматики: ша Орфографія совершеннѣе, которая ближе другихъ подходитъ къ произношенію. — Безспорно, что кромѣ произношенія мы не должны опускать изъ виду показанія происхожденія или сложности слова, и различенія на письмѣ шѣхъ Етимологическихъ измѣненій, которые произношеніемъ не разнятся, но различествующъ значеніемъ, (какъ сіе дѣлали предки наши, которые, напр. въ творительномъ падежѣ единственнаго числа писали: *сѣдѣвшимъ*, а въ дательномъ множественнаго: *сѣдѣвшимъ*; какъ сіе дѣлаемъ и мы нынѣ, напр. въ винительномъ падежѣ пишемъ: *въ море*, а въ предложномъ: *въ мо-*

рѣ): первое много способствуешь къ уразумѣнію кореннаго значенія слова, послѣднее способствуешь ясности письменнаго языка. Но всему есть мѣра. Впрочемъ для сего мы могли бы употреблять или тѣ же двѣ буквы одну вмѣсто другой (но строго опредѣливъ всѣ шакковые случаи), или особые надспрочные знаки (какъ дѣлали и предки наши), или, наконецъ, могли бы принять въ нашу Азбуку еще одну или двѣ буквы (но совершенно одинакія съ прежними произношеніемъ.) Но довольно; въ своемъ мѣстѣ я поговорю, можешь быть, больше о нашей Орфографіи и Просодіи. — Г. Крипикъ продолжаетъ: „*Берусь доказать, что по такому же праву можно бы было изгнать и первую изъ Русскихъ буквъ: азъ.*“ Не знаю, какими правомъ Г. Крипикъ надѣется это сдѣлать; я знаю только, что мы, Русскіе, имѣемъ неотъемлемо пять простыхъ *тоновъ*: *a, e, i, o, y*; пять соотвѣствующихъ имъ сложныхъ: *ѡa, ѣe, ѣi, ѣo, ѣy*, (или *ѡa, ѣe* и проч.), и еще одинъ сложный: *ѣi* или *ѣy* (1). Для означенія перваго, третьяго и пя-

(1) Кромѣ сихъ 11 тоновъ, мы имѣемъ еще средній между *o* и *a* (такъ произносятся крашкое *o* въ Русскихъ словахъ); Шведы имѣють подобный тонъ, и означаютъ его буквою *a* надъ

паго мы имѣемъ по двѣ буквы (*a—я i—и, y—ю*), какъ и слѣдуетъ; для означенія втораго дають намъ три (*e, ѣ, ѡ*), а для чеп-вертаго только одну (*o*). Правда, мы съ нѣкотораго времени употребляемъ букву *ѣ*, которая точно отвѣщиваетъ пону *yo* или *jo*, но не во всѣхъ случаяхъ можемъ употребить оную. Мы можемъ употребить сію букву въ тѣхъ словахъ, кои въ Славянскомъ языкѣ или въ высококомъ слоgѣ имѣють *e*, каковы напр. *медъ, зеленый—мѣдѣ, зелѣный*, и сіе для показанія двокаго произношенія словъ сихъ и ихъ происхожденія; но не можемъ употреблять оную въ словахъ чужезычныхъ, каковы напр. *Порикъ, майоръ, ме-*

кошорой находится *o* (симъ замѣчаніемъ обязанъ я П. И. Д.). Разница нашего и Шведскаго произношенія въ семъ случаѣ та, что у насъ *o* приближается къ *a*, а у нихъ (сужу по начертанію буквы) *a* къ *o*. Мы имѣемъ и другіе средніе тоны: между *a* и *e* (*a* крашкое послѣ *ж, з, ш, щ*, напр. жалѣю, часы и пр.), между *я* и *e* (*я* крашкое вначалѣ словъ и послѣ гласныхъ: *заяцъ, добрыя, яснѣю*), между *e* и *i* (*e* крашкое послѣ гласныхъ: *знѣешь, добрые*: посему-по нѣкоторые писали: *добрыи*); найдутся и другіе. Впрочемъ вообще должно замѣтить, что сіи средніе тоны превращаются почти въ чистые, когда мы произносимъ слова громко и явственно. *Сог.*

дальднѣ, *Тайно*, не должны писать даже и въ Русскихъ словахъ, копорыя и въ высокомъ слогѣ и въ производныхъ или коренныхъ словахъ не имѣють буквы *e*, наприм. въ словѣ *раекѣ*. И вопшъ одинъ изъ случаевъ, когда мы могли бы употреблять двѣ различныя буквы для выраженія одного и того же тона (2). О буквахъ *и* и *i* замѣшимъ мимоходомъ, что и онѣ также неправильно употребляются. Мы слышимъ тонъ Лапинскаго *i* послѣ всѣхъ согласныхъ и въ началѣ почти всѣхъ словъ; но послѣ гласныхъ и полугласныхъ, также въ началѣ словъ: *ихѣ*, *ими*, слышимъ тонъ *йi* (3). Буква *и* еснѣ,

(2) Нѣкоторыя употребляютъ для означенія тона *йo* буквы *i* и *o*, и пишутъ надъ ними обличенную; но сія выдумка кажется мнѣ неудачною, пошому, 1, что *одинъ* тонъ означается двумя буквами, 2, что безъ нужды вводится лишній надспрочный знакъ. Надежишь избрѣши особенную букву. *Сог.*

(3) Слова *мирѣ* и *миръ* хорошо различаются посредствомъ буквъ *и* и *i*, копорыя послѣ согласной могутъ имѣть шолько одинъ тонъ — Лапинскаго *i*. Въ семь намѣреніи можно удерживать и букву *r* (но шолько не въ значеніи буквы *e*): у Державина слово *мироносица* употреблено въ смыслѣ *нослица* или *несущая мирѣ* (на Шведскій мирѣ, стихъ 17); но въ церковныхъ

вѣроятно, удвоенное *i*, и слѣдственно могла бы означать тонъ *йi*). — И такъ опять повторю, какъ можно выкинуть букву *a*? и не ужѣ ли Орфографія наша не имѣетъ нужды въ исправленіи (4)?

Спр. 48. Г. Крипикъ, упомянувъ о предложенномъ мною изслѣдованіи, какъ узнавать роды именъ множественнаго числа, говоришь: „*въ семь случаевъ Авторъ правѣ, ссылаясь на аналогію въ склоненіяхъ.*“ Здѣсь Крипикъ противорѣчитъ пому, что самъ повторять неоднократно. — Онъ продолжаетъ: „*только мнѣ кажется, что онѣ слишкомъ распространилъ свои правила и подраздѣленія.*“ Правило вмѣщено въ семь строкъ. — Далѣе: „*притомъ, онѣ напрасно говоритъ, что имена, коихъ единственнаго числа доискаться нельзя, надлежитъ относить къ среднему роду.* По моему мнѣнію; здѣсь должны рѣшить именительный и родительный надежи множествен-

Пѣсняхъ, *Мироносицы* означаютъ *нослицѣ миро.* *Сог.*

(4) Г. Кеппенъ въ своихъ *Библиографическихъ Листахъ* весьма хорошо (по моему мнѣнію) дѣлаешь, различая въ Русскомъ языкѣ Лапинскія буквы *g* и *h*, копорыя въ немъ шочно находящіяся. Такъ слѣдовало бы исправлять и прочее.

наго числа: *брюки, брюковъ, видимо мужскаго, а каникулы, ѳ, и крестины, ѳ, женскаго рода.*“ Если бы я слышалъ, что *брюки* перемѣняется на *овъ*, по, безъ сомнѣнія, опънесь бы сіе слово къ мужескому роду. Объя окончаніяхъ же именишльнаго и родительнаго падежей (кромя родительнаго на *овъ*) я доспашочно сказала (на спр. 185), что они не принадлежать исключительно одному роду; слѣд. по окончанію *ѳ* не лзя еще заключить о словахъ *каникулы, крестины*, чтобы они были женскаго рода.

Спр. 49. Г. Кришкь, выписавъ предложенное мною правило для прилагательныхъ, говоритъ : „*по моему мнѣнію, трудно составить, подѳ названіемъ общаго правила, періодъ, въ которомъ было бы столь мало ясности, и столь много несообразностей, какъ въ приведенномъ мною. Разберемъ по частямъ.*“ Разберемъ и мы разборъ Кришкика по частямъ.

„1. Окончаніе *ой* не можетъ предшествовать окончанію *ый*: оно есть уклоненіе отъ онаго, какъ въ старину ей писалось вмѣсто *ій*, напр. *кравчей, ловчей.*“ Надобно знать, что у меня на спр. 187 окончанія прилагательныхъ находяща въ такомъ порядкѣ: *ой, ый* и проч., и сей-по порядоку не явились Г. Кришкису. На сіе

скажу, что окончаніе *ой*, въ такъ называемыхъ *полныхъ* прилагательныхъ, едва ли не предшествовало окончанію *ый*: ибо, придавши мѣспоименіе *и* (см. Разс. о Славянскомъ языкѣ А. Воспокова, въ XVII ч. Тр. Общ. Л. Р. Сл.) къ окончательной буквѣ прилагательнаго *ѳ* (копорая естъ сокращеніе буквъ *о*), мы получимъ *ѳи*, или *ои*, или наконецъ, чрезъ сокращеніе, *ой*. Труднѣ вывести происхождение слога: *ый* — *ѳи, ѳ, ѳи, ый*. Сверхъ сего нѣкоторыя прилагательныя, кончающіяся на *ой*, никогда не оканчивались на *ый*, шакковы *мой, твой, свой, той*. Впрочемъ можно было сказанныя окончанія поспавишь въ слѣдующемъ порядкѣ: *ой, ый (ой)*. — Г. Кришкь продолжаетъ: „*окончаніе ой употребляется нынѣ только въ именахъ прилагательныхъ, ильющихъ удареніе на послѣднемъ слогѣ: портной, слплой, глухой.*“ Можно бы замѣнить здѣсь, что слово *портной* мы употребляемъ какъ существительное, а не какъ прилагательное; но я шолько спрошу у Г. Кришкика: не ужѣ ли должно всегда оканчивашъ на *ій* насплѣдующія и подобныя слова: *всѣкій, Русскій*? — Примѣры окончанія на *ой*, безъ ударенія на послѣднемъ слогѣ, многочисленны въ лучшихъ новѣйшихъ Писателяхъ.

„2. Прилагательныя, кончающіяся на жій, чій, шій, щій, перемѣняютъ сїи окончанія въ ая и ее, а не ое. Но, можетъ быть, это типографская ошибка.“ И безъ сомнѣнія; епо слишкомъ явно.

3. Прилагательныя, кончающіяся на ій, происходящія отъ именъ одушевленныхъ существъ (т. е. прикательныя), оканчиваются въ женскомъ и среднемъ родахъ не на ъя, ѡя, а на ѡя, ѡе (лисій, ѡя, ѡе; волчій, ѡя, ѡе). И это, можетъ быть, вина Корректора. Но какъ не пожелать, чтобъ книги ученныя и учебныя печатались исправнѣе? это не Романы, не Газеты.“ Чтобы слова лисій, волчій были прикательныя, на сіе я еще не могу согласиться. Точныя прикательныя означаютъ принадлежность одного лица (или предмета), именно того, о которомъ говорится, таковы напр. Петровъ, солдцевъ (5); а лисій, волчій и имъ подобныя означаютъ принадлежность общаго, родоваго имени. Ссылаюсь на Академическую Грамматику, въ которой именно сказано, что не должно смѣшивать сїи разныхъ знаменованій слова. — Вразсуж-

(5) Я солдцевъ брашь, и зимнею порою
Чудесь не меньше солнца спрою.
Крыловъ въ Баснѣ Роца и Огонь.

деніи же грубыхъ опечашокъ (ее и ѡи вмѣсто ое и ѡе) скажу, что я никакъ не могу думать, чтобы Г. Крипикъ сомнѣвался ко-го изъ двоихъ обвинить: меня ли — въ крайнемъ незнаніи, или Корректора — въ несправности. Я самъ укажу Г. Крипику еще на двѣ опечашки въ спискѣ моей, которыхъ однако жъ и онъ не досмотрѣлъ: на стр. 179 въ 4 строкѣ напечатано колѣ вмѣсто цо-колѣ; шой же страницы въ 6 строкѣ снизу, слово пустыня напечатано безъ ударенія надъ буквою ѡ, которое тамъ необходимо. Въ сей-же книжкѣ, въ другой спискѣ моей, сряду на прехъ спрокахъ находились по опечашкѣ: спран. 359, спр. 3 еватъ вмѣсто оватъ; спр. 4, оватъ вмѣсто еватъ; спр. 5, щ, вмѣсто щна. Находятся и другія.

„4. Прилагательныя должны кончиться на жъ, чъ, шъ, щъ, или на жь, чь, шь, щь.“ А почему не на жѣ, чѣ, шѣ, щѣ? — „Должно держаться того или другаго правила, а отнюдѣ, не отдѣлять ч и щ отъ буквъ ш, отъ коей онѣ происходятъ.“ Еслибы Г. Крипикъ сказалъ, что буква щ состоитъ изъ ш и ч, то на сіе еще можно бы было согласиться; но какъ онъ произведетъ букву ч отъ ш? — „Пишите: дюжь, горлячъ, хорошѣ, тощѣ, или же дюжь, горлячъ, хорошъ, тощъ, хотя по-

слѣднее видимо неправильно.“ Г. Крипикъ не говоритъ, почему шакъ или сякъ писать должно; мы же думаемъ, что должно писать *дюжь, хорошь, горячь, тощъ*, и доказываемъ это на стр. 196 и 197 Тр. Общ., и здѣсь — ниже.

„5. Надлежало бы сказать, что прилагательныя, кончающіяся на *жь, чь, шь* и *щъ*, (а не одни кончающіяся на *чь*), имьютъ въ среднемъ родѣ окончаніе *о*, когда удареніе находится на послѣднемъ слогѣ.“ Это правда; здѣсь я не догадывалъ. Впрочемъ такихъ словъ весьма мало, шакъ что они всь удобно могутъ быть перечислены въ заключеніи.

„6. Прочія слова, (слѣдственно и глаголы); потомъ прочія прилагательныя: это очень сбивчиво.“ — У меня находишь: прочія слова, кончающіяся на *ь*, перемѣняются и проч. Слово *прочія* поставлено для того, чтобы исключить прилагательныя, кончающіяся на *жь, шь*, о которыхъ только-что было сказано; *словъ*, а не *прилагательныя* поставлено для того, чтобы включить и глаголы, т: е. прошедшія времена ихъ, которыхъ, какъ извѣстно, перемѣняются по родамъ. Также, у меня находишь: *прочія прилагательныя, кончающіяся на ь, перемѣняются и проч.* И здѣсь слово *про-*

чя поставлено для того, чтобы исключить прилагательныя, кончающіяся на *чь, щь*, о которыхъ только-что было сказано. — И шакъ сбивчивость произошла отъ того, что Г. Крипикъ пропустилъ нѣкоторыя слова мои, и оставилъ безъ вниманія сказанное мною о прошедшихъ временахъ глаголовъ (предъ самымъ общимъ правиломъ.)

Г. Крипикъ симъ окончилъ разборъ общаго правила. Гдѣ-же находишь онъ столь мало ясности, столь много несообразностей, что ему кажется трудно составить подобный неправильный *періодъ*? Во всемъ правилѣ нахожу только одно упущеніе (именно, что не одни кончающіяся на *чь* прилагательныя имьютъ средний родъ на *о*), въ чемъ и признаюсь; но сія ошибка шакъ маловажна, что никакъ не заслуживаетъ такого суроваго приговора.

Крипикъ прибавляетъ: „*сіи правила можно привести въ систематической порядокъ, если изложить сначала сочетаемость буквъ согласныхъ съ гласными, а потомъ отдѣлить имена притяжательныя отъ качественныхъ.*“ Сочетаемость буквъ не принадлежитъ къ замѣчаніямъ о родахъ, она же еще пребудетъ особенной теоріи, и я не знаю ни одной, вполне удовлетворительной. А что касаешь до оп-

дѣленія припязательныхъ отъ качественныхъ, по Г. Кришкѣ могъ бы сказать лучше, что всё вообще правило, предложенное мною, можно раздѣлить на 4 или на 8 частныхъ правилъ (смотря по различію окончаній и перемѣнъ словъ). Я самъ сдѣлалъ бы это, еслибъ писалъ *Грамматику для начинающихъ*; но въ опдѣльной спашь, какова моя, чѣмъ сжатѣе правило, тѣмъ лучше.

Стр. 51. „Въ заключеніе сей статьи Авторъ говоритъ: о безродныхъ частяхъ рѣчи относительно къ родамъ говорить ничего: они не подлежатъ никакому правилу. — Точно такъ, но это уже сказано выше. Притомъ же эта оговорка кажется мнѣ нѣсколько странною. Это то-же, еслибъ кто сказалъ въ *Естественной Исторіи*: о ногахъ рыбъ говорить ничего, ибо у нихъ ногъ неимѣется.“ Правда; я и самъ вижу спранныость епой оговорки, и гошовъ, вмѣстѣ со всѣми, смѣяться надъ собою.

Стр. 52. Г. Кришкѣ, упоминая о предлагаемомъ мною раздѣленіи *Етимологіи* на три главы: на ученіе о способъ распознаванш часши рѣчи, на ученіе объ измѣненіяхъ оныхъ, и на ученіе о произвожденіи словъ, говоритъ: „Мнѣ кажется, что произведеніе словъ должно непосредственно слѣдовать (правильнѣе: слѣдовашъ непосред-

ственно) за теорією частей рѣчи, а измѣненіе словъ, т. е. склоненіе и спряженіе, должно быть излагаемо послѣ онаго. Авторъ говоритъ: „Въ самомъ дѣлѣ, по естественному ходу понятій, сія глава (т. е. о произвожденіи словъ) должна быть послѣдняя въ *Етимологіи*, ибо въ ней предполагается совершенное значеніе различенія словъ и умльиѣ измѣнять ихъ. Начинаящій учиться понимаетъ знаніе словъ производныхъ по навыку, иностранцевъ найдеть ихъ въ *Лексиконѣ*; и такъ до еремени нѣтъ нужды говорить о средствахъ ихъ произвожденія.“ Послѣдняя мысль справедлива, но выведенное изъ оной заключеніе неосновательно. Дѣло состоитъ не въ томъ, чтобы начинающему или иностранцу предлагать сначала склоненія и спряженія, а потомъ произведеніе словъ: Надлежитъ для разныхъ учениковъ писать разные *Грамматики*: въ первоначальныхъ учебныхъ книгахъ для дѣтей и для иностранцевъ, вовсе не нужно распространяться о произвожденіи словъ.“ Кришкѣ говорить: вовсе не нужно распространяться; и пакъ онъ согласенъ, что однако жъ нужно говорить хотя нѣсколько. А какъ онъ не объявляешъ, чего послѣ въ *Грамматикѣ* для начинающихъ слѣдуешъ говорить о произвожде-

ниі словъ, шо я еще не могу согласиться съ нимъ, чшобы заключеніе, выведенное мною, было неосновательно. — „Въ полной же Грамматикѣ, составляемой для взрослыхъ Русскихъ читателей (почему для однихъ Русскихъ?) должно, какъ мнѣ кажется, слѣдовать порядку, изложенному мною выше.“ Полная Грамматика для взрослыхъ читателей есть Философская Грамматика. Образцы мы имѣемъ; спшбшь только держаться ихъ болѣе или менѣе, смотря по обстоятельству. Изложеніе же порядка Грамматики, предложенное Г. Кришикомъ на стр. 40^я, желательнѣе бы видѣть болѣе раскрытымъ; тогда можно бы было сказать: хорошо ли оно, или худо.

Стр. 53. Г. Кришикъ говоритъ: „Въ четвертомъ приложеніи помѣщена таблица именъ мужскаго рода, кончающихся на *ь*, и неозначающихъ половъ. Сія таблица недостаточна, и несовершенно правильна. Впервыхъ, вначалъ надлежало бы сказать, что всѣ имена предметовъ отвлеченныхъ, кончающихся на *сь*, *жь*, *чь*, *шь*, *щъ*, (какимъ образомъ предметы кончатся на *сть*, *жь* и пр.?) суть, безъ исключенія, женскаго рода.“ У меня, предъ самою таблицею, сказано именно слѣдующими словами: „Впрочемъ можно замѣтить, что имена, кончающіяся

на *сть* (до 220 словъ) всѣ (всѣ, а не одни отвлеченныя, какъ говоритъ Кришикъ) суть рода женскаго. — Окончанія *жь*, *чь*, *шь*, *щъ* у меня также не пропущены: въ семь-же четвертомъ приложеніи, ниже, находящаяся таблицы именъ сихъ четырехъ окончаній (спр. 196 и 197). Спрашно для меня, что Г. Кришикъ не замѣтилъ ни этого, ни другаго. — „Во вторыхъ, въ исчисленіи именъ мужскаго рода пропущены: *агарь*, *бекрень*, *блазень*, *будьдень*, *веррь*, *вертель*, *взель*, *голень*, *колоштарь*, *коштрель*, *лось*, *мотыль*, *мотодыль*, *опашень*, *пискарь*, *подкладень*, *прихвостень*, *профиль*, *складень*, *сочень*, *таймень*, *токмарь*, *треньзель*, *трюфель*, *түфель*, *түлень*, *уголь*, *угорь*, *чекмарь*, *чечень*, *чихирь*, *хирогриль*, *шеломль*, *ясень*, *ячмень*; сверхъ того множество корабельныхъ терминовъ: *румель*, *трюмель*, *брамель*, *руслень*, и мн. др.“ За приисканіе пропущенныхъ словъ благодарю: но замѣчу: 1^о, что таблица сія не названа мною полною, хотя она и слишкомъ вдвое полнѣе всѣхъ, доселѣ мнѣ извѣстныхъ; 2^о, что изъ корабельныхъ терминовъ, такъ какъ и вообще изъ техническихъ, въ Словарь, назначаемомъ для начинающихъ (какимъ я оглавилъ свой на стр. 192), должно помѣщать только *шь*, кои употребляются въ разговорахъ и въ литературѣ

пурныхъ сочиненіяхъ; *Зе*, что я не помѣспилъ здѣсь существительныхъ *лось* и *профиль* попому, что они помѣщены мною въ число именъ двойкаго роду (стр. 175), къ которому и принадлежашь дѣйствительно; не помѣспилъ слова *лсень* попому, что всегда слыхалъ оное въ женскомъ родѣ (впрочемъ, вѣроятно, оно двойкаго рода); не помѣспилъ *бекрень* попому, что оно упошребляется нами полько въ видѣ нарѣчія: *набекрень*; *голень* женскаго рода (Слов. Акад.), и попому также не могло имѣшь мѣспа въ словарь моемъ; *мотодыль*, *таймень*, *хирогриль* въ Словарѣ Академіи оканчиваются не на *ь*, какъ пишешь Крипикъ, а на *ъ* (моподыль, шаймень, хирогриль), и посему не должны бышь помѣщены; *прихвостень* и *блазень* сущь имена лицъ, означающія мушину, и слѣд. не могли бышь въ словарь именъ *незначающихъ половъ*; Малороссійское *будденѣ* и спаринныя: *колотарь*, *шеломлянѣ*, *чекмарѣ*, едва ли должны имѣшь мѣспо въ Словарѣ Русскаго пишущяго нарѣчія. „*Встрѣихъ: борть*, какъ мнѣ кажется, *есть имя женскаго рода.*“ Въ Словарѣ Акад. дѣйствительно женскаго; но я слыхалъ оное и въ мужескомъ родѣ. — „*Мозоль рѣшительно рода женскаго (смотри Словарь Рос. Ак.).*“ Я смосрѣль въ Словарь Академіи, и нашель,

что *мозоль* и мужескаго и женскаго рода, и такъ мы, съ Г. Крипикомъ, оба не правы. — „*Вчетвертыхъ, какъ зашло въ списокъ именъ, кончающихся на ъ, слово вътрѣ?*“ Въместо слова *вепрь*, которое находилось въ моей рукописи. Впрочемъ, на правописание словъ *шпензерь*, *ридикюль*, *риторнелъ*, *мърсель*, *стѣксель*, и на объясненія значеній словъ *курень* и *цоль*, показанныя въ пятомъ и шестомъ замѣчаніяхъ Г. Крипика, я съ нимъ соглашаюсь.

(*Окончаніе впрѣдъ.*)

2.

Мои мысли о замѣчаніяхъ Г. Мих. Дмитріева, на Комедію: *Горе отъ ума*, и о характерѣ Чацкаго.

„Сколько такихъ, которые не подозрѣваютъ, что кромѣ законовъ Логикѣ и вкуса — есть въ Литературѣ еще другіе законы, основанные на отношеніи къ лицамъ! — Чтобы имѣшь ключъ ко многимъ литературнымъ истинамъ нашего времени, надобно знать не теорію Словесности, а сіи отношенія!“

М. Дмитріевъ (*Вѣстн. Европы*, 1826, № 6, стр. 110.)

Привожу эти слова, вмѣсто эпиграфа, полько попому, что они нѣкоторымъ об-

разомъ бросаютъ свѣтъ на многія мѣста замѣчаній Сочинителя на *Комедію: Горь отъ ума*, и даютъ право, если не говорить положительно, то по крайней мѣрѣ, догадываться о причинахъ, по которымъ онъ находилъ посредственнымъ и даже дурнымъ то, что истинно хорошо и весьма нравится. И какъ это принять иначе? Если опнеси рѣзкія и безосчетныя сужденія Г. Дмипріева на счетъ его вкуса, то прежнія его крипики служатъ тому опроверженіемъ. Скрѣпя сердце, и съ печальнымъ предчувствіемъ, вспоминаю послѣдніе списки одной изъ послѣднихъ Басень Крылова:

„Ну какъ не понимать!

Да плакать мнѣ кака я спашъ:

Вѣдь я не этого прихода.“

Неужели у насъ, въ литературномъ быту, никогда не будетъ общаго, единодушнаго и единогласнаго признанія хорошаго за хорошее и дурнаго за дурное? Неужели одна половина Литераторовъ всегда будетъ разцѣнивать безъ пощады хорошее, за то только, что другая, противная ей половина, нашла его хорошимъ? Что жъ будетъ съ нѣми изъ чипашелей, которые, по словамъ самаго Г. Дмипріева, безусловно впрягъ *Журналисту*, прибавимъ: и всему печатному. Когда жъ соснавшись общее мнѣніе, которое очищаетъ

вкусъ народа, и способствуетъ просвѣщенію въка?

Я это говорю потому, что дѣло идетъ не о какомъ нибудь эфемерномъ сочиненіи, не о мелкихъ спискахъ и мелкихъ Спихопворцевъ. *Комедія Горь отъ ума* выходитъ изъ категоріи нѣхъ произведеній, которыя мы условно называемъ *прекраснымъ литературнымъ подаркомъ*, и безусловно вносимъ въ *Образцовыя сочиненія*. Чтобы разсмащивать ее съ настоящей почки зрѣнія, должно опкинуть пристрастіе духа паршій и литературное старовѣрство. Сочинитель ея не шель, и, какъ видно, не хотѣлъ ниши свою дорогою, которую углаживали, и наконецъ испопшали комическіе Писатели, отъ Модіера до Пирона, и нашихъ времянь. Посему обыкновенная Французская мѣрка не придется по его *Комедіи* (*), здѣсь нѣтъ ни

(*). Думаю, что я не ошибся въ моемъ предположеніи. Французско-классическій вкусъ выкрадывается наружу сквозь всю массу ошибочныхъ мнѣній Г. Дмипріева. Общія мѣша сапиры нравятся ему болѣе, нежели живая картина живаго общесства. Иначе, опкинувъ всѣ другія догадки, чему бы можно было приписать его благоговѣніе предъ духомъ Перболосомъ, о которомъ онъ говоритъ со атоге, и котораго *однѣ моно-*

лауша слуги, около котораго вьтхся всѣ иншрига, нѣтъ ни jeune premier, ни grande coquette, ни père noble, ни raisonneur, словомъ, ни одного сколка съ тѣхъ лицъ, которыхъ полное число служилъ во Французскихъ театрахъ уставомъ для набора театральнѣй челяди. Въ первомъ явленіи перваго дѣйствія, не выведены слуга и служанка, или два другіе изъ дѣйствующихъ лицъ, чтобъ высказывать зрителямъ или читателямъ характеры главныхъ лицъ Комедіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, сообщить напередъ, въ чемъ состоитъ завязка пьесы. Здѣсь характеры узнаются, и завязка развертывается въ самомъ дѣйствіи; ничто не подготовлено, но все обдуманно и взвѣшено, съ удивительнымъ расчетомъ. — Не слѣдуя за ходомъ цѣлой Комедіи до самой развязки, я долженъ ограничиться тѣмъ, надъ чѣмъ Г. Дмитріевъ произнесъ строгій свой судъ, а именно, отрывками, помѣщенными въ Русской Талии.

Изъ этихъ отрывковъ, Г. Дмитріевъ выводитъ общее заключеніе о характерѣ главнаго дѣйствующаго лица — Чацкаго. Г. Грибоевъ,“ говоришь онъ: „хотѣлъ пред-

логъ, по мнѣнію его, заключаетъ въ себя болѣе остроумія, нежели весь длинный отрывокъ Г. Грибоедова? . . . С.

„ставилъ умнаго и образованнаго человѣка, „который не нравился обществу людей не- „образованныхъ. Если бы Колюкъ исполнилъ „свою мысль, то характеръ Чацкаго былъ бы „занимательнѣе, окружающія его лица — смѣ- „шны, а вся картина забавна и поучитель- „на!“ — То есть: Г. Грибоевъ долженъ былъ сдѣлать изъ Чацкаго то, что Фран- „цузы называютъ un raisonneur, самое скуч- „ное и тяжелое лице въ Комедіи; не шакъ ли, „Г. Кришикъ?“ — Далѣе: „но мы видимъ въ „Чацкомъ человѣка, котораго злословилъ и „говоришь все, что ни придетъ въ голову: „естественно, что такой человѣкъ наску- „читъ во всякомъ обществѣ, и чѣмъ обще- „ство образованнѣе, тѣмъ онъ наскучитъ „скорѣе! Напримеръ, встрѣтившись съ дѣ- „вицей, въ которую влюбленъ, и съ которой „нѣсколько лѣтъ не видался, онъ не захо- „дитъ другаго разговора, кромѣ ругательствъ „и насмѣшекъ надъ ея бабюшкой, дядюшкой, „шешушкой и знакомыми; потомъ, на во- „просъ молодой Графини, зачѣмъ не женился „въ чужихъ краяхъ, отвѣчаетъ грубою дер- „зостію! — Сама Софія говоришь объ немъ: „не человѣкъ, злыя! И шакъ, мудрено ли, „что онъ шакого лица разбѣгушся, и при- „мушь его за сумасшедшаго“?..

„Впрочемъ, идея въ сей Комедіи не по-
 „вая; она взята изъ *Абдеритовъ*. Но Виландъ
 „представилъ своего Демокрипа умнымъ,
 „любезнымъ, даже снисходительнымъ челове-
 „комъ, который про себя смѣется надъ глуп-
 „цами, но не старается выказывать себя
 „передъ ними. Чацкій же, напропивъ, есть
 „не что иное, какъ сумасбродъ, который на-
 „ходился въ обществѣ людей *совсѣмъ не*
 „*глупыхъ, но необразованныхъ*, который
 „умничаешь передъ ними потому, что счи-
 „таешь себя умнѣе: сдѣлственно все смѣ-
 „шное — на споронъ Чацкаго! Онъ хочешь
 „опличиться по остроуміемъ, *то какимъ-*
 „*то бранивымъ патриотизмомъ* передъ
 „людьми, которыхъ презираешь; онъ прези-
 „раешь ихъ, а между тѣмъ, *очевидно*, хо-
 „щешь бы, чтобъ они его уважали! Словомъ:
 „Чацкій, который долженъ быть умнѣйшимъ
 „лицемъ пьесы, представленъ *(по крайней*
 „*мѣрѣ, въ сценахъ лишь известныхъ)* менѣе
 „всѣхъ разсудительнымъ! Это Молиеровъ ми-
 „зантропъ, въ мелочахъ и въ каррикатурѣ!
 „Это такая несообразность характера съ
 „его назначеніемъ, которая должна опнять
 „у дѣйствующаго лица всю его заниматель-
 „ность, и въ которой не можешь дать оцѣ-
 „нча ни Авторъ, ни самый *изыскатель-*
 „*ный Критикъ!* — Пріемъ Чацкаго, какъ

„пуншешественника, есть, *по моему мнѣ-*
 „*нію, грубая ошибка противъ мыслныхъ*
 „*правовъ!* — Абдериты, послѣ возвращенія
 „Демокрипа, запретили пуншешествовать; у
 „насъ совсѣмъ другое! у насъ всякій, возвра-
 „тившійся изъ чужихъ краевъ, принимается
 „съ восхищеніемъ!... Короче, Г. Грибовдовъ
 „изобразилъ очень удачно пѣкопорые *пор-*
 „*теты*, но не совсѣмъ попалъ на нравы
 „иного общества, которое вздумалъ описы-
 „вать, и не далъ главному характеру *надле-*
 „*жащей съ ними противоположности!*“

Выписываю подъ рядъ всѣ обвиненія, взво-
 димыя Г. Критикомъ на Чацкаго, или на
 его Автора. Я не хотѣлъ ихъ выставить
 и опровергать по одиначкѣ; но, желая быть
 справедливымъ къ моему противоборнику,
 представляю читателямъ все, что сказано
 Г. Дмитриевымъ на счетъ характера Чацка-
 го и его отношеній къ другимъ лицамъ:
 пусть сами читатели сначала взвѣсятъ и
 оцѣнятъ его сужденія. Теперь за мною оче-
 редь сообщить имъ мои мысли.

Г. Грибовдовъ, сколько могъ я постиг-
 нушь цѣль его, вовсе не имѣлъ намеренія
 выславлять въ Чацкомъ лицѣ идеальное:
 зрѣло судя объ Искусствѣ драматическомъ,
 онъ зналъ, что существа заоблачныя, образ-
 цы совершенства, являлись намъ, какъ мезъ

пы воображенія, но не оставляющъ въ насъ впечатлѣній долговременныхъ, и не привязывающъ насъ къ себѣ. Онъ знаетъ, что слабость человѣческая любитъ находить слабости въ другихъ, и охотно ихъ извиняетъ, нежели шершитъ совершенства, служація ей какъ бы укоромъ. Для сего онъ представилъ въ лицѣ Чацкаго умнаго, пылкаго и добраго молодого человѣка, но не вовсе свободнаго отъ слабостей; въ немъ ихъ двѣ, и обѣ почти неразлучны съ предполагаемымъ его возрастомъ и убѣжденіемъ въ преимуществѣ своемъ передъ другими. Эти слабости — заносчивость и неперпльчивость. Чацкій самъ очень хорошо понимаетъ (и въ эпюмъ со мною согласился всякъ, кто внимательнo читалъ Комедію *Горе отъ ума*), что, говоря невѣждамъ о ихъ невѣжествѣ и предразсудкахъ, и порочнымъ о ихъ порокахъ, онъ только напрасно шеряетъ рѣчи; но въ ту минуту, когда пороки и предразсудки прогающъ его, такъ скажешь, за живое, онъ не въ силахъ владѣть своимъ молчаніемъ: негодованіе прошивъ воли вырывается у него потокомъ словъ, колкихъ, но справедливыхъ. Онъ уже не думаетъ, слушающъ и понимающъ ли его, или нѣтъ: онъ высказалъ все, что у него лежало на сердцѣ — и ему какъ будто бы стало легче. Таковъ вообще харакъ

теръ людей пылкихъ, и сей характеръ схваченъ Г. Грибоевымъ съ удивительною вѣрностію. Положеніе Чацкаго въ кругу людей, которыхъ Г. Крипикъ, такъ снисходительно, принимаетъ за *людей совѣсть не глупыхъ, но необразованныхъ*, прибавимъ, — набиныхъ предразсудками и законныхъ въ своемъ невѣжествѣ (качества, вопреки Г. Крипику, весьма въ нихъ замѣсныя), положеніе Чацкаго, повсюду, въ кругу ихъ шѣмъ интереснѣе, что онъ видимо спрадаетъ отъ всего, что видишь и слышишь. Невольно чувствуешь къ нему жалость и оправдываешь его, когда онъ, какъ бы въ облегченіе самому себѣ, высказываетъ имъ обидныя свои истины. Въшь по лицу, которое Г. Дмитриеву угоднo называть сумасбродомъ, по какому-то благосклонному снисхожденію къ подлиннымъ сумасбродамъ и чудакамъ. Хотя въ эпюмъ случай, я, по совѣсти, не понимаю его цѣли, но охотно предполагаю самую похвальную.

Взаимныя отношенія Чацкаго съ Софьею позволяли ему принять тонъ шушлывый, даже при первомъ съ нею свиданіи. Онъ вмѣстѣ съ нею росъ, вмѣстѣ воспитанъ, и изъ рѣчей ихъ можно выразумѣшь, что онъ привыкъ забавлять ее своими колкими замѣчаніями на счетъ чудаковъ, которыхъ онъ

знали прежде; естественнo, что по старой привычкѣ, онъ и теперь ей дѣлаетъ забавные распросы о пѣхъ же чудакахъ. Самая мысль, что это прежде правилось Софьѣ, должна была увѣрять его, что и нынѣ это былъ вѣрный способъ ей нравиться. Онъ еще не зналъ и не угадывалъ переменъ, происшедшей въ характерѣ Софьи. По сему-то онъ и дѣлаетъ переборъ всею смѣшнымъ дядюшкамъ, шешушкамъ и знакомымъ, надъ которыми они когда-то вмѣстѣ подшучивали; но я не думаю, чтобъ какая-либо, и самая строгая Софья, могла обидѣться слѣдующимъ вопросомъ о ея башюшкѣ:

„Ну что вашъ башюшка? все Англійскаго клоба Усердный, вѣрный членъ до гроба?“

Неужели такъ зазришельно быть усерднымъ членомъ Московскаго Англійскаго клоба? Этимъ вопросомъ нельзя ограничиться: здѣсь необходимо слѣдуютъ другіе. Неужели непрелѣпнымъ условиемъ должно быть, чтобы Чацкій, при первомъ свиданіи съ Софьей поелъ разлуки, напѣвалъ ей спрасшную Эклогу, какъ Аркадскій паспушокъ, или новый Донъ-Кихотъ, повѣствоваль ей о своихъ похожденіяхъ и подвигахъ? — Но нельзя наполнить дѣлаго явленія одними восклицаніями: увы и ахъ, или расплодись въ немъ повѣствованія, кошорья, даже и въ силу Французской Дра-

матургіи, должно сбереганъ къ концу пѣсы. Чацкій, не измѣнилъ своему характеру, начинаешь съ Софьей веселый и остроумный разговоръ, и шамъ только, гдѣ душевныя чувствованія пересиливаютъ въ немъ и веселость, и остроуму ума, говоришь ей о любви своей, о которой она, вѣроятно, уже довольно насыщалась. За по онъ говоришь ей языкомъ не книжнымъ, не элегическимъ, но языкомъ истинной спрассти; въ словахъ его ошевѣчивается душа пылая; они, такъ сказавъ, жгутъ своимъ жаромъ. Таковы, между прочими, слѣдующіе стихи (Д. III, явл. 1): „Пускай въ Молчалинѣ умъ бойкій, геній смѣлый; Но если ли въ немъ ша спрассъ, то чувство, пылкость ша,

Чтобъ кромѣ васъ ему мѣръ цѣлый

Казался прахъ и суеша?

Чтобъ сердца каждое биење

Любовью ускорялось къ вамъ?

Чтобъ мыслямъ были всею, и всею его дѣламъ
Душею вы, къ вамъ угожденье?...

Самъ это чувствую, сказавъ я не могу.“

Гдѣ нашелъ Г. Крипикъ, будто бы Чацкій *злословитъ и говоритъ все, что ни придетъ въ голову?* Я совершенно согласенъ съ нимъ, что такой человекъ *наскучитъ во всякомъ обществѣ, и чѣмъ общество образованнѣе, тѣмъ онъ наскучитъ скорѣе.* Этого нельзя однако жъ примѣнить

хъ Чацкому, который нигдѣ не говоритъ безъ разбору всего, что ни придетъ въ голову, и я не вижу образованнаго общества, коимъ Чацкій окруженъ. Но если бѣ, напротивъ, нашелся Кришикъ, который бы вздумалъ говорить, что ни придетъ въ голову, не справляясь съ разбираемымъ сочиненіемъ, не вникнувъ, или не хотя вникнуть въ смыслъ его, что сказалъ бы о немъ Г. М. Дмипріевъ? — Публика, читающая Журналы, гораздо образованнѣе того общества, въ которое попался бѣдный Чацкій; не слишкомъ ли отважно (я стараюсь, по возможности, смягчать выраженія) явиться передъ нею съ такою критикою?

Чацкій отвѣчаетъ такъ-названною *грублю дерзостию* не на вопросъ зрѣло-молодой Графини, зачѣмъ онъ не женился въ чужихъ краяхъ, а на колючую эпиграмму, сказанную на счетъ его. Въ доказательство приведемъ слова Графини (Д. III, явл. 3):

„Графиня внучка. (Направя на Чацкаго, двойной лорнетъ).

Мсье Чацкій! вы въ Москвѣ! какъ были, все-таки?

Ч а ц к і й.

На что мѣнялся мнѣ?

Г р а ф и н я в н.

Вернулись холосые?

Ч а ц к і й.

На комъ женишься мнѣ?

Г р а ф и н я в н.

Въ чужихъ краяхъ на комъ? О! нашихъ пьема, безъ дальнихъ справокъ, Тамъ женятся, и насъ дарятъ родствомъ Съ искусницами модныхъ лавокъ.

Долгъ платежемъ красенъ. Разумѣется, что Чацкій, по пылкому своему характеру, не вытерпѣлъ этой насмѣшки ошъ посядь-лой модницы. Вотъ его отвѣтъ:

„Несчастные должны ль упреки нести
Ошъ подражательницъ модискамаъ,
За шо, что смѣли предпочесть
Оригиналы спискамаъ!“

Я согласенъ, что не всякой молодой чело-вѣкъ рѣшился бы такъ отвѣчать двѣницъ, даже и на эпиграмму; но Чацкій, до нѣкоторой степени, сбросилъ съ себя иго свѣтскихъ приличій, и говорить такія истины, которыя другой, по совѣту Фонсенеля, сжалъ бы покрывче въ рукъ.

Сравненіе Чацкаго съ Виладовымъ Демокрипомъ кажется мнѣ и лишнимъ, и неудачнымъ. Лишнимъ потому, что Г. Грибодовъ, выводъ въ Чацкомъ возвратившагося на родину путешественника, конечно не думалъ бласнуть новостью сего положенія, которое такъ просно и обыкновенно, что разыски-ваніе, ошкуда взята идея сей Комедіи, —

есть напрасный трудъ. Неудачнымъ, сіе сравненіе кажется мнѣ потому, что Виландовъ Демокрипъ, возвратясь изъ путешествія, приноситъ съ собою удивленіе и уваженіе къ чужимъ краямъ, и совершенное презрѣніе къ своей отчизнѣ; напросивъ того Чацкій, и прежде и послѣ путешествія, питаетъ пламенную любовь къ родинѣ, уваженіе къ народу, и только сердился и негодуешь на грубую закоснѣлость, жалкіе предразсудки и смѣшную страсть къ подражанію чужеземцамъ, — не всѣхъ вообще Русскихъ, а людей нѣкоторой касты. Демокрипъ хотѣлъ бы преобразовать своихъ земляковъ по образцу чужеземному — Чацкій желаетъ, чтобы коренные нравы народа и дѣдовскіе Русскіе обычаи были удержаны. . . . Какое жъ сходство между сими двумя путешественниками? — Невольно подумаешь, что Г. Крипикъ писалъ и о характерѣ Чацкаго, и о Виландовыхъ *Абдеритахъ* — по наслышкѣ. Нужны ли еще тому доказательствъ? Вотъ они: Г-нъ М. Дмитриевъ говоритъ, что „Виландъ представилъ своего Демокрита умнымъ, любезнымъ, даже снисходительнымъ, человекомъ, который про себя смѣется надъ „глупцами, но не старается выказывать себя передъ ними.“ Точно ли такъ? Сдѣлаемъ небольшую повѣрку: раскроемъ IV главу I

шюма *Абдеритовъ*, гдѣ Демокрипъ открыто и явно смѣется надъ своими единосемцами въ глазахъ всей Абдеры, *мистифируетъ*, своими рассказами о Эѳіонскихъ красавицахъ, и мужчинъ и женщинъ, и говоритъ симъ послѣднимъ не колкости и не эпиграммы, а едва ли приспойные намъки. Споишь только напомишь его *уподобленіе розъ*, и приглашеніе Меридъ, сдѣланное съ *самою неприцужденною учтивостію* (*).

Всего загадочнѣе для меня *бранчивый патриотизмъ Чацкаго*. Любовь къ отечеству, изливающаяся въ жалобахъ на то, что многие сыны его опспали опъ коренныхъ доблестей своихъ предковъ, и, не достигши до насюющей степени образованія, заняли у иностранцевъ только то, что вовсе недостойно подражанія: роскошь, моды, и полу-Французскій тонъ разговора; негодованіе на то, что все чужеземное предпочитается всему отечественному, — вотъ *бранчивый патриотизмъ Чацкаго!* И сіе-то лице, съ чувствами благородными и душею возвышенною, сей-то Чацкій, осуждающій одни старыя и новые пороки и странности въ землякахъ своихъ, есть, по словамъ Г-на М. Дмитриева, *сумасбродъ и Молиеровъ мизан-*

(*) Выраженіе Виланда.

тропѣ въ мелочахъ и каррикатурѣ! Послѣ шакого нещаднаго приговора (NB. если бѣ онъ былъ всеми единодушно принятъ за силу закона), кто же осмѣлился казать своимъ единосемцамъ зеркало сапирѣ, и напоминать имъ о исправленіи недоспаикувъ? —

У всякаго еслѣ свое стеклышко, сквозь копорое онъ смопритъ на шакъ называемый *свѣтъ*. Не мудрено, что у Г. Грибоѣдова и Г^{на} М. Дмипріева, сіи стеклышки разнаго цвѣта. Къ эпому надобно прибавитъ и разность высоты *подзорнаго мѣста*, съ котораго каждый изъ нихъ смотрѣлъ въ свое стеклышко. Отъ того Г. Кришкѣ кажется, что „Г. Грибоѣдовъ изобразилъ очень „удачно нѣкоторые *портреты*, но не со- „всѣмъ попалъ на нравы того общесства, ко- „торое вздумалъ описывать, и не далъ глав- „ному характеру надлежащей съ ними про- „спивуположенности.“ Со всѣмъ шѣмъ, весьма многіе, даже весьма разборчивые судьи, съ полнымъ запасомъ безприсрастїа смотря на произведеніе Г. Грибоѣдова, находятъ не одинъ портреты, но и цѣлую каршину весьма вѣрною, а лица превосходно *группированными* (*); нравы общесства схваченными

(*) Техническое выраженіе въ живописи. *Замѣчаніе для Г. Кришкѣ.*

съ природы, а *противоположность* между Чацкимъ и окружающими его, весьма ошупительною. Въ доказательстввахъ не было бы недоспапка, но они завлекли бы меня слишкомъ далеко.

Остаешся сказать нѣсколько словъ о языкѣ, копорымъ написана сія Комедїа, или напечатанные опривки изъ оной. Г. Дмипріевъ называетъ его *жесткимъ, неровнымъ и неправильнымъ, слоги во многихъ мѣстахъ не разговорнымъ, а книжнымъ*, и, приписывая въ вину Сочинишеля, что у него вспрѣчаются слова, и даже цѣлыя стихи Французскїе, заключаетъ: „словомъ (упо- „требимъ счастливое выраженіе самого Ав- „тора) въ сей-шо піесѣ — „Господствуетъ смѣшенье языковъ Французскаго съ Нижегородскимъ (*).“

Г. Грибоѣдовъ, желая соблюсти въ каршину своей всю вѣрность красокъ мѣстныхъ, вставилъ въ рѣчи нѣкоторыхъ чудакѣвъ Французскїя слова и фразы. Если под-

(*) Г. Кришкѣ, между прочимъ, говоритъ что „слоги во многихъ мѣстахъ не разговорный, а книжный.“ Вопросъ: неужели въ Нижнемъ Новгородѣ говорятъ книжнымъ языкомъ? Не худо было бы справиться о семъ отъ Нижегородцевъ. С.

ленно въ нихъ видишь смѣсь языковъ Французскаго съ обласными Русскимъ — то цѣль его достигнуша.

Что касается до стихосложенія, то оно таково, какого должно было желать въ Русской Комедіи, и какого мы донынѣ не имѣли. Это не пошій наборъ звонкихъ или плавныхъ словъ и обоченныхъ риемъ, при изыскиваніи которыхъ часто жертвовали или словомъ сильнымъ, или даже самою мыслью. Г. Грибоѣдовъ очень помнилъ, что пишеть не Элегію, не Оду, не Посланіе, а Комедію: онъ того онъ соблюлъ въ стихахъ всю живость языка разговорнаго; самыя риемы у него нравятся своею новостью, и въ чтеніи заславляютъ забываясь однозвучіе ямбическаго мѣтра, и однообразіе стиховъ риемованныхъ. Таковы напримѣръ:

... Теперь мнѣ до того ли!
Хотѣлъ объѣхашъ цѣлый свѣтъ,
И не объѣхалъ сошой доли.

Ч а ц к і й.

... Съ ней вѣкъ мы не встрѣчались;
Слыхалъ, что вздорная...

М о л ч а л и н ѣ.

Да это, полно, та ли-съ!

Въ заключеніи, Г. Кришикъ совѣщуетъ попросить Автора не издавать своей Комедіи, пока не перемышитъ главнаго ха-

рактера, и не исправитъ слога. Это слишкомъ скромно! Не лучше ли бы было посовѣтовать Г. Грибоѣдову бросить въ печь свою Комедію, и попросить своего Кришика, чшобъ онъ начерпалъ ему новый планъ, расписавъ характеры дѣйствующихъ лицъ, сообщилъ свой лексиконъ словъ и риемъ, и далъ опредѣленную мѣру стиховъ и звуковъ, по которымъ бы Сочинитель Комедіи могъ прикраивать свое стихосложеніе?— Тогда, можешь быть, Комедія его будеть ни хороша, ни дурна; но не выведеть его изъ ряду строгихъ успавщиковъ посредственности, а этого *нельзя* и надобно.

О. Солов.

3.

ЧЕТВЕРТОЕ ПИСЬМО НА КАВКАЗЪ.

(Окончаніе.)

Въ нѣвѣншемъ году въ Полярной Звѣздѣ помѣщено сорокъ девять стиховвореній, произведенія двадцати шести Поэтовъ. Каждое изъ сихъ произведеній есть любимое дѣшнице нѣвнаго опца; попробуйте пронуть это милое чадо, или забудьте его на перекличкѣ славы, вы увидите, какъ отзовушся родные-

ли! Мнѣ же невозможно не только разбирать всего, но даже упомянуть обо всѣхъ пѣсахъ въ моемъ письмѣ, которое въ такомъ случаѣ надлежало бы опривавить съ тяжелою почтою; и шакъ прошу тебя, не показывай сихъ спрокъ сынамъ Аполлона, а прочши, если онъ шпого споятъ, въ небольшомъ кругу любителей Словесности. —

У меня сердце вздрогнуло отъ радости, когда я прочель въ No 53 Съверной Пчелы о скоромъ изданіи новой Поэмы А. Пушкина *Цыгане*. Любопытство мое не имѣешь предъловъ послѣ отрывка, напечатаннаго въ Полярной Звѣздѣ. Живая картина цыганскаго шабора, характеръ прелестной цыганки, обрисованный однимъ почеркомъ; отецъ ея, идеаль дикой природы — все прелестно. Одно только досадно: зачѣмъ шакъ мало напечатано. — Прислушивался къ различнымъ шолкамъ о нашей Поэзіи, я слыхалъ довольно рѣзкіе приговоры отрывку изъ Поэмы; *Братья разбойники*. Главнѣйшее изъ обвиненія есть то, что рассказывающій разбойникъ не вездѣ говоритъ свойшвеннымъ ему языкомъ, часто сбивается на возвышенную Поэзію, употребляетъ слова, разрушающія очарованіе правдоподобія, и, такъ сказать, показывающія своего суфлера. Ошчастіи замѣчаніе это справедливо, но нѣсколько несвой-

швенныхъ простотѣ рассказа выражений ни мало не ослабляютъ достоинштва пѣсы. Чувствования, положенія, звѣрскія забавы и ужасы списаны съ натуры. Какая быстрота дѣйсвія и рассказа, какое картинное описаніе разбойничьяго пришина, какія ужасныя мѣстности! Ты спросишь меня: какая цѣль этой пѣсы? Прочши описаніе угрызеній совѣсти, изображеніе смерти младшаго брата: вопшь мой ошвѣшь.

Посланіе къ А. сего же Поэша принадлежить къ тому роду Поэзіи, которую Г. Кюхельбекеръ весьма удачно обозначилъ въ 3 части Мнемозины, подѣ именемъ *тоски о погибшей молодости*. Признаюсь тебѣ, я не люблю этого рода; не люблю слышать Поэшовъ во цвѣтѣ лѣтъ, и въ полномъ блескѣ славы, швердящихъ намъ о своей горькой ошшности, о разочарованъ въ жизни, объ увядшей душѣ, и ш. п. Впрочемъ это Посланіе имѣешь свое піишическое достоинштво и найдешь своихъ шипашелей и почишашелей. — Отрывки изъ Поэмы: *Наливайко*, соч. Г. Рыльева, опредѣляютъ мѣру его дарования, и возбуждаютъ пламенное желаніе, чтобъ сія Поэма скорѣе вышла въ свѣтъ. Въ описаніи *смерти Чигирискаго старосты*, находяшся шакія подробности единоборшва, такая быстрота въ рассказѣ, шакая

пылкость въ движеніи, что это иѣспо безспорно могло бы украсить лучшую изъ эпическихъ Поэмъ. *Описание Кіева* можно назвать историческою панорамною мѣстности. Поэмъ, въ иѣсныхъ рамкахъ, предсавилъ все прежнее его величіе, всю красоту и богатство древняго Русскаго града, и все его уничтоженіе подъ игомъ чуждыхъ властителей. Но самая цвѣтущая вѣтвь въ спяжанномъ Авторѣмъ вѣнцѣ есть *исповѣдь Наливайки*. Здѣсь видишь оппечатокъ души великой, непреклонной, воспламенной любовью къ родинѣ. Наливайко мыслить какъ герой, говорить какъ неукротимый сынъ природы, чувствуешь какъ человекъ, не рожденный пресмыкаться подъ игомъ иноплеменихъ. Общій голосъ чипающей публики согласно поддвердилъ мнѣніе мое на счетъ ошрѣвковъ изъ Поэмы Наливайко. Должно замѣтишь, что слогъ Г. Рыльева, съ иѣкотораго времени, принялъ необыкновенную гладкость, которая, въ соединеніи съ оппичительными качествами слога его, ш. е. прошпшою расказа, пламенными порывами чувства и быспрошною дѣйствіа, образуешь спихосложное чрезвычайно пріятное для слуха, оригинальное, и ему одному свойственное. О Спапсахъ Г. Рыльева скажу позже, что о Посланиіи А. Пушкина. Хорошо; — но я не люблю

жалобъ молодаго человека на человечество.— Еще новое пріобрѣшеніе для Русской Словесности, еще новый Поэмъ въ сонмѣ пѣвцовъ, которые обѣщаютъ преобразовать нашу Поэзію. Я говорю о Г. Хомяковѣ. Прочти со вниманіемъ его *Желаніе покоя*, и ты уверишься, что въ этой пѣсѣ заключается все, чего требовалъ разборчивый вкусъ древнихъ отъ своихъ Поэтовъ-философовъ. Какая тонкая проницательность въ призываніи даровъ Вакха, будто бы въ замѣвъ любви къ высокому и прекрасному! Какъ искусно выражены упреки этой любви, которая, увлекающая Поэту въ высшреннія области чувства и воображенія, заставляла его презирать чувствениыя наслажденія. Но вдругъ, когда чипатель думаетъ, что Поэмъ прощается съ своею спраспью къ высокому, небесный огонь вспыхнулъ въ душѣ, и она, какъ орелъ, вспарила надъ землею. Для разбора этой одной пѣсмы, не довольно было бы моего письма. Г. Хомяковъ истинный Поэмъ: жалъ, что онъ уѣхалъ изъ Пешербурга прежде, нежели мнѣ удалось узнать его. Я бы попросилъ его дарить насъ почаще такими пѣсами. — Г. Грибоводовъ, счастливый наследникъ фонъ-Визина, подарилъ насъ переводомъ, или лучше сказавъ, *подражаніемъ изъ Гете*, Разговору Директора Театра съ

Позшомъ и весельчакомъ, изъ Введенія къ *Фаусту* (*). Разговорный слогу Г. Грибоѣдова, (не во гнѣвъ Московскому Рецензенту) есть образцовый, въ полномъ смыслѣ сего слова. Искусство необыкновенное, подвеспи обыкновенный разговорный языкъ, со всѣми его изысканіями, подъ правила Поэзіи такимъ образомъ, что рѣзма, кажется, есть натуральное окончаніе каждаго рѣченія. — Ты читалъ всю Комедію *Горе отъ ума*, и шакъ, намъ нѣчего спорить. Ты удивляешься, что нашлись люди, кошорые утверждають, что слогу Грибоѣдова нехорошъ, и Комедія написана не по правиламъ. Прочти первый помъ Записокъ Г-жи Кампанъ: шы увидишь, что придворные просили Лудовика XVI, чшобъ не играли въ Фоншенебло Комедій Молиера, потому, что въ нихъ *нѣтъ вкуса* и истины. А на фонъ-Визина развъ не гнѣвались? — Мы даже не хошимъ знать именъ противниковъ Молиера и фонъ-Визина, а шворенія ихъ живуть и упѣшають насъ — шоже будешь и съ Крипиками Г. Грибоѣдова. Говоришь ли шебъ о Басняхъ И. А. Крылова? Скажу однимъ словомъ: несравненно! —

(*) Г. Грибоѣдовъ нѣкошорыя мѣста перевелъ слово въ слово, нѣкошорыя прибавилъ, а многое вовсе отбросилъ. *Сок.*

Желая указать шебъ хорошія піесы въ Полярной Звездѣ, я право запрудняюсь, съ чего начашъ: шы знаешь, что и эшимъ первенствомъ считаються наши Поэшы. Съ азбучнаго порядка я уже сбился; по чинамъ различать не умю, лѣтъ не знаю, а по достоинству, сохрани меня Боже! Если кто нибудь прочтеть мое письмо, и узнаеть, что я одного Поэша предпочитаю другому — бѣда! — И шакъ, будемъ пересматривать наугадъ, перевершывая страницы. Хочешь ли мечтать въ сшранахъ надоблачныхъ: прочти стихошворенія Ѡ. Н. Гайки. Не бойся озябнуть отъ *Зимы* Г. Барашынского: огонь Поэзіи согрѣветъ шебя. Взгляни на предковъ нашихъ, *Славянъ*, въ волшебный телескопъ Г. Иванчина-Писарева, и посмотри на грозныя полчища *Батыя*, описанныя Г. Григорьевымъ. Н. И. Гнѣдичъ перенесетъ шебя въ сѣдую древность, и покажетъ героевъ Гомеровыхъ, въ ихъ истинномъ видѣ. И. И. Козловъ покроетъ шебя завѣсою *Венеціанской ночи*, одушевишь ее піесями Тасса, и предшавишь, при лунномъ свѣтѣ, образъ предешней незнакомки. *Армидинъ садъ* Раича будешь шебъ понянше въ благословенномъ климатѣ Дагестана, нежели намъ, жителямъ грознаго Сѣвера. Повѣрай съ Г. Нечаевымъ мѣсто своего жительства: онъ

вспоминаетъ Кавказъ и Грузію, Миприда-
на, Ермолова. Въ *Абхазіи* (Е. 3—го) ты
найдешь также мѣстности своего пѣни-
ческаго мѣстопребыванія. Г. Языковъ заста-
вилъ себя послушать съ удовольствіемъ
даже пѣсни разбойниковъ, и взглянуть на ихъ
сборища. Въ сочиненіяхъ Гг. Туманскаго,
Князя Вяземскаго, Плещеева, ты найдешь
много пріятности, гладкости, въ нѣкото-
рыхъ мѣстахъ чувствъ, вездѣ чистые, плав-
ные стихи....

Въ самую эту минуту приносишь мнѣ
8 No Московскаго Телеграфа, гдѣ также по-
мѣщенъ разборъ Полярной Звѣзды, въ шакомъ
видѣ, что подумаешь, будто Сочинитель
оного по заданной шемъ рѣшился все пред-
сказать на изнанку. — Какъ Телеграфъ изъ
Москвы дойдетъ къ тебѣ скорѣе, нежели мое
письмо изъ Пешербурга, то съвѣшу сдѣлать
нѣсколько возраженій на сужденія Г. Издаше-
ля, чтобы ты, находясь въ отдаленіи отъ
нашихъ литературныхъ отношеній, не увлек-
ся соизмами.

Г. Издатель Телеграфа говоритъ на стр.
321, что онъ не намѣренъ спорить съ Г. Бес-
шужевымъ и опровергать его мнѣнія о но-
выхъ книгахъ, потому что онъ (Издатель)
уже объявлялъ свое мнѣніе о нѣкоторыхъ, а
объ остальныхъ скажешь послѣ, и въ семь

случаѣ предоставляешь публикѣ рѣшить, чьи
приговоры справедливѣе, его, или Г. Беспу-
жева. — Признаюсь, это рѣшить не весьма лег-
ко, особенно когда Г. Издатель Моск. Телегр.
произноситъ свои сужденія о книгахъ, несущихъ
своего рода вѣсѣ въ міръ: напримѣръ объ *Осно-
ваніяхъ частной Физики* Г. Щеглова, о *пере-
водахъ и прибавленіяхъ* къ онымъ сего же
ученаго Писателя (см. No 5 С. О. стр. 81);
о *сторонахъ* изданія *Физики* Г. Двигубскаго,
которой вышла только первая часть впо-
рымъ изданіемъ; о другомъ изданіи *Началь-
ныхъ основаній Естественной Исторіи* Г.
Рейнгольскаго, безъ прибавленій, чего нѣчто
не видалъ и не знаешь (*); о *Курсѣ чистой*
Математики Белласена, переведенномъ,
Гг. Киндеревымъ и Кушакевичемъ, коего по-
нынѣ вышла только одна часть, а будетъ
три. (См. No 2 Моск. Телегр. стр. 144, 145,
146). Наконецъ, кто изъ чашателей осмѣ-
лился произнести строгій приговоръ о неа-
пральной пѣсѣ, которой онъ не видалъ, и
которая вовсе не была играна на Театрѣ,
какъ это сдѣлалъ Г. Издатель Телеграфа,

(*) Второго изданія сей книги безъ прибавленій,
вовсе не было, а вышло въ одной небольшой
книжкѣ особое описаніе млекопитающихъ жи-
вошныхъ. *Сог.*

сказавъ, что романтическое представленіе: *Залокъ Різти* (никогда неигранное) навело зѣвоту на невинныхъ зрителей (см. No 2 М. Т. стр. 150, сличи No 8 Вѣст. Европы). — За такія винныя сужденія, Г. Рецензенту надлежало бы принести повинную передъ невинными читателями, и не спавивъ себя на одну доску съ Г. Бесстужевымъ, который судишь, хорошо или худо о книгахъ и вещахъ, не на угадъ и не по предположеніямъ, но по внутреннему убѣжденію, и судя о Поеззіи, никогда не скажешь подобно Г. Полевому, что размѣръ $6\frac{1}{2}$ стопъ есть размѣръ неслыханный въ Русской Поеззіи (см. Моск. Телегр. No 2 стр. 169). Послѣ этого прошу полагаться на сужденія Издашеля Московскаго Телеграфа, и свѣрять ихъ — съ чѣмъ? — Съ невышедшими въ свѣтъ книгами, и неигранными піесами! —

Посмотри на Логику добраго нашего Издашеля Телеграфа. На стр. 321, говоря о криптикъ и аншикриптикъ, онъ начинаеть фразу такимъ образомъ: „чѣмъ больше сумма мнѣній, тѣмъ скорѣе сыскивается истина, а потому по“... Здѣсь ты подумаешь, по естешвенному послѣдствію силлогизма, что Издашель скажеть: а потому-то мы даемъ въ Телеграфѣ мѣсто аншикриптикамъ, чтобы каждый могъ защищаться на

помѣ же поприцѣ, гдѣ онъ подвергся нападенію, или чтобы ошибка Журнала поправлена была въ немъ же самомъ. Ань-вѣшь: по Логику Г. Полеваго слѣдуетъ: „а поштому-то мы не даемъ въ Телеграфѣ мѣста аншикриптическимъ перепалкамъ, когда въ другихъ Журналахъ находимъ мнѣнія не сходныя съ нашимъ, и даже противорѣчія нашему мнѣнію.“ — Изъ этого слѣдуетъ, что Г. Издашель только тогда далъ бы мѣсто въ своимъ Журналѣ аншикриптикамъ прошиву его сужденій, когда бы онъ были сходны съ его мнѣніемъ. Но въ случаѣ согласія мнѣній, можетъ ли существовать аншикриптика? — Вошь шебъ образчикъ Логики, копторой вѣрно ты не найдешь на Кавказѣ. — Въ примѣчаніи на 322 стр., Г. Издашель Телеграфа говоритъ, что онъ не многому научился изъ всѣхъ аншикриптикъ на Телеграфѣ. Жаль: во первыхъ, надлежало бы научиться не судишь о книгахъ и піесахъ, несуществующихъ въ мѣрѣ. Во-вторыхъ можно было бы поучиться Грамматикѣ, коей знаніе явно ему доказано, какъ напримѣръ въ 6 книжкѣ С. О., на стр. 187 и проч., и будеть доказано въ семь же письмѣ. Во-третьихъ должно было бы поучиться у другихъ Журналистовъ — печатать прошиву себя криптики въ своемъ Журналѣ, ибо право Изда-

вашъ Журналь не есть исключительная привилегія на какую нибудь фабрику, или патентъ на изобрѣшеніе. Журналь текущей Литературы есть кубъ, куда всякой можешь приложить своего матеріалу, для выгонки общаго умышленнаго спирта. Извѣсти это технологическое сравненіе: этому я научился у Г. Полеваго, который Русскіе переводы Романовъ, назвалъ *кустарными издѣльями* (*).

Но я совсѣмъ забылся, что пишу къ тебѣ, и наполнилъ письмо мое совѣтами,

(*) Въ 1 книжкѣ Москов. Телегр., на стр. 88. Для изясненія сего слова, Г. Полевой помѣстилъ тамъ же слѣдующее примѣчаніе: „предлагаемъ это названіе нашей публикѣ: шакъ называютъ въ Москвѣ ручныя издѣлія — плашки, сишцы, холстинки и проч., по деревнямъ дѣлаемыя *на одній руки*, какъ говорятъ купцы. Сія издѣлія отличны удивительною дешевизною; а кто не знаешь, *что дешево, то гнило.*“ Какъ не благодарить Г. Полеваго за это нововведеніе, и не просить объ обогащеніи литературнаго языка коммерческими словами! — Для слуха конечно прилично будешь: кустарныя сужденія; преисъкуранный Литературы; дефицитъ Логикѣ и Грамматикѣ; пранзинныя смашни и ш. н. Вѣдь всѣ наши слова суть условные звуки: стоимъ только согласиться, и курсъ нашей Литературы возысится пятидесятью процентами и даже *ста*. См. *М. Тел.* No 1, стр. 88. *Сог.*

вмѣсто требуемыхъ тобою замѣчаній. Впрочемъ, это не мѣшаетъ: нынѣ у васъ на Кавказѣ поселился пушмынникъ-Журналистъ, а многие неопытные Литераторы полагають, что издавать Журналь столь же легко, какъ написать спашейку, и шакъ мои совѣты, можешь бышь, пригодятся въ твоемъ круту. Но обратимся снова къ разбору Криптики Полярной Звѣзды, и разсмотримъ сперва логическія и грамматическія ошибки Издашеля Телеграфа, который не только Писателямъ и Журналистамъ, но даже *Музыкантамъ* предписываетъ правила. После того я предлагаю тебѣ его сужденія, и ты увидишь, должны ли Писатели полагаться на нихъ: ибо, кто самъ ошибается въ важнѣйшихъ частяхъ Педагогикѣ, ш. е. въ Логикѣ и языкѣ, тотъ не можешь учить другихъ. На стр. 324. сказано: „Литературная брань старьень“ — Должно сказать *старьется*. На стр. 325: „Есть надежда, что скоро *умолкнутъ* крипическія *навздничества*.“ Надлежало бы сказать о навздничествѣ, что оно прекратится, или что нибудь подобное, ибо навздничество есть, собственно сказать, нападеніе, а не крикъ: можно и пидомолкомъ дохватъ, наскочашъ на противника и схватить его съ коня. — На стр. 324 Г. Издашель Москов. Телеграфа говоритъ: „Рус-

скіе Журналисты мало пользуются содвѣ-
ствіемъ хорошихъ отечественныхъ Писате-
лей, удаляющихъ изъ редакціи Журналамъ одни
мелкія стихотворенія. А Журналисту одно-
му, и даже двумъ Журналистамъ вмѣстѣ, не-
льзя составить хорошаго Журнала изъ однихъ
прудовъ своихъ!“ — Что это? не приговоръ
ли Телеграфу! — Признайся должно, что
Г. Издатель не любитъ говорить компли-
ментовъ почтеннымъ своимъ сотрудникамъ,
не смотря на то, что въ сей же 8 книжкѣ
Москов. Телеграфа, мы, кромѣ мелкихъ спи-
хотвореній Князя П. А. Вяземскаго, видимъ
его критическій разборъ (см. стр. 312), а
самъ же Г. Полевой превозноситъ прозу се-
го почтеннаго своего сотрудника. Что же
касается до его ршенія о невозможности
одному или даже двумъ Журналистамъ вмѣ-
стѣ составить что нибудь хорошее, то и
я соглашаюсь на это, если всѣ Гг. Журнали-
сты будутъ дѣлать такія же граммати-
ческія ошибки въ самыхъ даже приговорахъ,
какъ Г. Издатель Телеграфа. Вмѣсто: не-
льзя составить хорошаго Журнала надлежа-
ло сказать: хорошаго Журнала. Здѣсь оби-
женный родительный падежъ возсвасаетъ въ
защиту Журналистовъ. Что значить: „Изъ
однихъ прудовъ своихъ.“ — Безъ сомнѣ-
ній, изъ бездѣля ничего нельзя составить,

Не хотѣлъ ли Г. Полевой сказать: изъ од-
нихъ своихъ прудовъ — это другое дѣло.
Здѣсь снова припятательное мѣстоименіе
жалуется, что оно, будучи не на мѣстѣ, ис-
кажаетъ смыслъ. На стр. 328 Г. Полевой
говоритъ: „Довольно о липературныхъ со-
физмахъ Г. Бесшужева; между ими есть и
дѣльное.“ — Прошу покорно разгадать, что
значать дѣльные софизмы? Это поже, ес-
ли бь кто сказалъ: какая прекрасная черная
шаль *блага* цвѣта! какая прекрасная пого-
да въ дождь, холодъ и сырость! —

На стр. 329. „Всѣ нынѣ подражаютъ
Пушкину.“ — Неужели и прозаики, и купцы,
и ремесленники? — Надлежало бы сказать
(хотя не справедливо, но для смысла) всѣ
Поэты. —

На той же стр.: „но Пушкинъ не до-
стигаемъ никому.“ — Можешь бытъ, сте-
пень, занимаемая Пушкинымъ въ Поэзіи, а
не онъ самъ. —

На стр. 331. „Содогаемся, читая му-
ченія совѣсти, видя кажется, убійцу и при-
видннѣя полною окрестъ его.“ Эта фраза
такъ мила, что я оспавляю ее безъ всякихъ
комментарій.

На стр. 333. „Наконецъ должно еще
упомянуть. . . и о Баснѣ: *Сльпецъ, собака
его и школьникъ*, прекрасной, хотя имя

Сочинителя не подписано.“ — Что за странное заключеніе! Развѣ Г. Полевому надобно прежде видѣть подписи именъ, что-бы опредѣлять достоинства сочиненій? Спрошу его: а если бѣ имя было подписано, какова бы тогда была Басня? — Удивительно!

На стр. 384. „Изобразить картину:“ — надлежало бы сказать *начертать*. Изображаютъ предметъ.

На шой же стр. „Какая потеря для нашей Словесности что Г. Жуковский не выдаешь своего путешествія вполнѣ.“ — Пошерю называется то, что было и пропало, а это не пропало, следовательно не потеря.

Таже стр. О расказѣ и разговорѣ Г. Беспуужева нельзя сказать, что они *природны*, а должно сказать *естественны*. Слово *природный* имѣетъ совсѣмъ другое значеніе.

Таже стр. „Какъ бы хорошо совсѣмъ отпешать ошъ изысканной зашѣйливости.“ — И я тоже скажу Г. Полевому съ прибавленіемъ слова *было* между словами *хорошо* и *совсѣмъ*.

На стр. 335^й читаемъ странное и непостижимое правило, а именно: „Слогу молодого Писателя, какъ и молодому человѣку, нужно *перебѣдиться*.“ — Probatum est.

Но довольно тебѣ о погрѣшностяхъ и несообразностяхъ: посмотри, въ какое неприятное положеніе спавишь Г. Полевой Г-на Беспуужева, примѣняя его сужденія о криптикѣ, къ лицамъ, и еще къ первокласнымъ нашимъ Литераторамъ. Не постигаю, что это значить, но вижу, что подобное дѣйствіе выходитъ изъ круга Литературы. Прочти и посуди:

Г. Беспуужевъ на стр. 5, Полярной Звѣзды сказалъ: „Тамъ, гдѣ самохвальство, взаимная похвальба и незаслуженныя брани дошли до крайней степени, тамъ *критика необходима для разрушенія заговоренныхъ броней какой-то мнимой славы и самонадѣянности, для обличенія самозванцевъ Литераторовъ*. Желательно только, чтобы сія критика ошвергла всѣ личности, всѣ частности, всѣ расчесные виды и проч.“ — Можно ли говорить справедливѣе и благонамѣреннѣе? Посмотри, какъ это перешло въ Г. Полевой, съ варіантами, комментаріями и примѣненіями. — Московск. Телегр. стр. 325. „Наши Криптики оставляютъ уже въ покоѣ литературную чернь (*); ихъ перья

(*) Тамъ лучше: знакъ, что критика занялась дѣломъ: *Соѣ*.

обращены противъ того, чѣмъ должны мы гордиться: противъ Карамзина, Жуковского, Пушкина (*); начинаешь кричать *объ убаюкиваніи талантовъ излишними похвалами (**)*, о необходимости крипки для разрушенія заговоренныхъ броней какой-то мнимой славы и самонадьянности, для обличенія самозванцевъ-Литераторовъ (***) : Вотъ уже въ чемъ дѣло. Есть надежда что скоро умолкнешь крипическія навздиче-

(*) Знакъ уваженія къ великимъ дарованіямъ и возвышенія Литературы, когда начинаешь чувствовашь, понимаешь и дѣлалъ великихъ Писателей. *Сог.*

(**) Предоспаваю тебѣ судить, можно ли эту фразу примѣнить къ премоу наименованнымъ Писателямъ, и прошу догадаться, почему Г. Полевой, вывода ихъ на сцену, употребилъ собственныя слова и дѣлы рченія Г. Беспушева о раннемъ убаюкиваніи талантовъ. См. Полярную Звѣзду, стр. 10.

(***) Всѣ подчеркнутыя слова выписаны Г. Полевымъ изъ Беспушева, для примѣненія къ премоу первокласснымъ нашимъ Писателямъ. Суди самъ, думалъ ли объ этомъ Г. Беспушевъ, когда именно говорилъ о *самозванцахъ-Литераторахъ*, которые, съ самонадьянностью на неиспытанныя дарованія, берутся учить, не зная ничего сами. Удивляемся смѣлости Г. Полеваго — и только! — *Сог.*

ства. Каждая новая Поэма Пушкина, каждый новый томъ Карамзина, есть ударъ, оглушающій нашихъ самозванцевъ-аристарховъ. Публика давно уже смѣется, когда какойнибудь Крипикъ начинаешь доказывать, что Исторія Карамзина не хороша, что Жуковский не Поэтъ, что Комедія Грибоѣдова куда не годится, что Пушкина Поэмы не Поэмы и проч.“

Хотѣлъ бы я спросить Г. Полеваго, что все это значить, и повторить вопросъ : какое право имѣлъ онъ примѣнять слова Г. Беспушева къ извѣстнымъ лицамъ? Исторія Государства Россійскаго разбиралась только въ *Вѣстникѣ Европы* и нынѣ разбирается въ *Сѣверномъ Архивѣ*; въ сихъ Журналахъ дѣлаются замѣчанія, излагаются мнѣнія въ выраженіяхъ приспосойныхъ, со всею уваженіемъ къ великимъ дарованіямъ и безмерному труду почтеннаго Исторіографа ; но тамъ нигдѣ не сказано, что его Исторія не хороша. Никто доселѣ не осмѣлился сказать и въроянно не скажешь, что Жуковский не Поэтъ, а нѣкоторыя замѣчанія на опдѣльные стихотворенія не суть доказательствъ оприцательнаго ихъ достоинства. — Пушкина Поэтъ, какъ ни назовише, все онъ будущъ хороши, и споръ Классиковъ съ Романшиками о родѣ или названіи Поэтъ Пушкина не

есть также униженіе его дарованія. На Комедию Грибовдова, самъ же Г. Полевой сдѣлалъ первый неосновательный замѣчаніа. И такъ, не напрасно ли Г. Полевой пародировалъ сужденія Г. Беспуужева съ примѣненіями къ лицамъ? —

Не знаю, кого Г. Полевой разумѣеть подъ именемъ *литературныхъ улановъ* (см. стр. 335); но признаюсь себѣ, что мнѣ не нравятся вообще эти примѣненія частныхъ званій въ Литературѣ. И если допустить эти нововведенія, то не знаю, куда бы насъ завлекло желаніе подчивать своихъ противниковъ различными эпиграмами. Мнѣ кажется это неприличнымъ.

Не хочу дѣлать замѣчаній на сужденія Г. Полеваго о кришикѣ — ты видѣлъ различіа его Логикѣ, и такъ я скажу объ этомъ, словами Г. Полеваго: „между его софизмами есть и дѣльные.“ Г. Полевой сравниваетъ кришику съ *состояніемъ ежа* (см. стр. 324). Не хочу сравнивать ни съ чѣмъ его кришики, но хотѣлъ бы знать, каково *состояніе ежа*! Это весьма любопытно для любителя Натуральной Исторіи.

На стр. 339 Г. Полевой, начиная судить о стихахъ, говоритъ рѣшительно, что всѣ Поэты, дремавшие прежде надъ Элегіями и пьсенками, начали трудиться по при-

мѣру Пушкина, и въ слѣдъ за симъ именуютъ Гг. Языкова, Рыльева и еще одного Поэта. — Не говорю о неизвѣстномъ Поэтѣ, но весьма достоверно знаю, что Гг. Рыльевъ и Языковъ никогда не дремали надъ Элегіями и пьсенками; да и можно ли вообще такимъ образомъ говорить о почтенныхъ Поэтахъ, именуя ихъ? — Не знаю также, гдѣ онъ нашелъ у Рыльева подражаніе Пушкину, и какое между ними сходство: развѣ одно, что произведенія обоихъ прекрасны. —

Откуда Г. Полевой взялъ, что піеса Г. Грибовдова, напечатанная въ Полярной Звѣздѣ, есть отрывокъ изъ *Пролога Фауста*, — и что въ переводѣ не выражена краткость подлинника: это вовсе не отрывокъ изъ *Пролога*, а передѣланная и отчасти переведенная особая піеса при Фаустѣ; она не имѣетъ никакой связи ни съ Прологомъ, ни съ Трагедіею.

Г. Полевой называетъ стихи Г. Хомякова: *Желаніе покоя*, нѣлкимъ выраженіемъ необузданнаго юдоши. Хорошо же онъ понялъ эту піесу! Тутъ именно противное: Автюръ иронически выразилъ забавы мелкихъ душъ, вознесся духомъ къ высокому и прекрасному, и показалъ смезю, по которой должны слѣдовать гени, Поэты и Философы.

Разсыпаясь въ похвалахъ своимъ избран-
нымъ, и плавая между недоумвнiемъ и неръ-
шительностью, онъ наконецъ заключаетъ
свое сужденiе о стихопворной частп Поляр-
ной Звѣзды такъ: „Скажемъ прямо: въ По-
лярной Звѣздѣ найдется прелестныхъ бездѣ-
локъ десятка два — прочiя, но довольно о
стихахъ.“ — Хорошъ комплиментъ Гг. Поэ-
тамъ! Вошь, что называешся всѣмъ се-
спрамъ по серьгамъ. Жаль, что послѣдняя
фраза сказана нѣсколько поздно. Чѣмъ ско-
рѣе, тѣмъ было бы лучше. —

Сужденiя Г. Полеваго о прозѣ еще ори-
гинальнѣе. Онъ едва замѣпилъ описанiе Гиб-
ралшара Г. Бестужева, и не удостоилъ ла-
сковымъ словомъ воспочныхъ Повѣстей Г.
Сенковского. Спашью свою о Полярной Звѣ-
здѣ Г. Полевой заключаетъ восклицанiемъ:
„что дѣлать!“ — Скажу: учишься и не су-
дишь рѣшительно и колко о предметахъ, вы-
ходящихъ изъ круга нашихъ занятiй и спо-
собностей. Я думаю, что это самое вѣрное
средство для приобрьшенiя уваженiя.

Д. Р. К.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

*Взглядъ на происшествiя четырехъ пер-
выхъ мѣсяцевъ 1825 года.*

(Окончанiе.)

Португалiя. Сурана сiя, послѣ бывшихъ
въ ней смяшенiй, все еще не можетъ успо-
коиться. Пресарьный Король, Монархъ
крошкiй и правосудный, принужденъ былъ
разсаяться съ обоими сыновьями своими.
Спаршiй, Донъ-Педро, управляетъ Брази-
лiею; младшiй, Донъ-Мигуэль, пушешествуетъ
по Европѣ. Англiя все еще пользуется рѣ-
шительнымъ влiанiемъ въ Кабинетѣ Лисса-
бонскомъ. Недавно отправленный въ Порту-
галiю чрезвычайный Посоль Лордъ Снуаршъ
имѣетъ, сколько извѣстно, порученiе сблизъ
и оую съ Бразилiею. Въ этомъ случаѣ
и Вiенскiй Дворъ будетъ содѣйствовать Ан-
глiи, ибо Принцъ-Регентъ Бразилъскiй
имѣетъ въ супружествѣ Австрiйскую Эри-
герцогиню.

Германская Имперiя наслаждалась обы-
кновеннымъ своимъ спокойствiемъ, коимъ
обязана крепости и правосудiю своихъ Го-

сударей, вѣрности и покорности подданныхъ. Политическія происшествія были въ оной не важны: открытыя засѣданія Чиновъ Баварскихъ и Баденскихъ. По смерти послѣдняго Саксенъ-Готтскаго Герцога, земли его раздѣлены между ближайшими родственниками. — Императоръ Австрійскій отправился въ Миланъ, гдѣ назначено свиданіе со многими Государями Италіи, но кажется, что наименованіе Конгреса дано тому собранію безъ основанія. По всему видно, что тамъ будетъ семейственный съездъ Государей одной Италіи, а изъ чужестранцевъ будутъ тамъ только Министры, акредитованные при Вѣнскомъ Дворѣ. Если политическія дѣла Германіи не представляли занимательнаго зрѣлища, то сильныя и грозныя явленія природы обратили вниманіе и состраданіе Европы на сѣверную ея часть. Сильное наводненіе покрыло Нѣмецкіе и Нидерландскіе берега Сѣвернаго моря, прорвало всѣ плотины, затопило многія селенія, испорчено великое число людей и животныхъ, разрушило плоды долговременныхъ трудовъ, здания, рощи и пашни, и спучныя дошолъ нажили, мѣсна прелестныхъ садовъ, покрыло густымъ морскимъ иломъ, въ которомъ никакая травка прозябнуть не можетъ. На мѣстахъ богатыхъ селеній, въ нѣсколькихъ вер-

стахъ отъ берега, бываетъ нѣтъ правильный приливъ и отливъ моря. Благотѣтельное Правительство Нидерландское и Владѣльцы пострадавшихъ областей Германіи приняли всѣ средства, чтобы облегчить судьбу страдающихъ; но долго времени пройдетъ до кризиса нѣтъ спранъ въ первобытное состояніе. Онъ въ эпоху случаевъ не похожи на юную, сильную Россію, въ нѣсколько мѣсяцевъ исцѣляющуюся отъ ранъ, которыя были бы неизлечимы и смертоносны въ другихъ земляхъ.

Италія. О собраніи въ Миланѣ упомянуто выше. — Въ Неаполѣ скончался почтенный пресвященный Король Фердинандъ IV, коего жизнь представляла цѣпь разныхъ бѣдствий и превращеностей: онъ испыталъ съ семействомъ своимъ и съ Государствомъ всѣ дѣйствія революціи Французской. Сынъ его, подъ именемъ Франциска I, вступилъ на престолъ, и ознаменовалъ начало правленія своего правосудіемъ, кротостію и бережливостію. — Въ Римѣ Папа Левъ XII празднуетъ Юбилей или такъ называемый Святой годъ, но, сколько мы можемъ судить издали, сіе празднество уступаетъ въ блескѣ и великолѣпіи нѣмъ Юбилеямъ, которые празднованы были въ прежніе вѣки, когда

власть и влияние Папы в Европу находились на высшей степени.

Турция. Воинствующія Державы в продолжение зимнихъ мѣсяцевъ представляють мало пищи любопытству современнаго Историка: угрозы, вооруженія, переговоры, слухи и п. п. Впрочемъ *зимнюю* Историю Турціи и Греціи можно писать за полгода впередъ, и написанное въ Ноябрь конечно будетъ справедливо въ Мав. Греческіе Полководцы, какъ и знаменитые ихъ предки, окончивъ со славою сухопутныя и морскіе походы, возвращаются домой не для того, чтобы наслаждаться плодами побѣдъ своихъ. Едва удалился вѣншій непріятель, возникають враги внутренніе, гораздо опаснѣйшіе. Драгоценная кровь, кошую надлежитъ приносить въ жертву отечеству, проливается за чашныя выгоды, для удовлетворенія честолюбію, своекорыстію и страсти къ господству въкошорыхъ вождей. Въ продолжение теплейшей зимы храбрый и буйный Колокотрони возсталъ противъ Правленія въ Наполи ди Романіи, и если бы Гура не успѣлъ разбить его арміи и пѣмъ уничтожить гордыхъ замысловъ, то независимость Греціи подверглась бы крайней опасности. Колокотрони съ своими сообщниками были взяты въ плѣнъ и посажены въ крѣпость.

Друзья его принуждены были выѣхать изъ отечества. Еще одинъ Полководецъ, кошорому Греція обязана многимъ, храбрый Одиссей, оспавилъ, какъ пишутъ, знамена своего отечества, и передался Туркамъ. Мы не смѣемъ судить о семъ поступкѣ и желали бы сомнѣваться въ истинѣ онаго: послѣдствіе откроетъ причины и ближайшія обстоятельства сего страннаго дѣла. — Во время сихъ плачевныхъ неустройствъ и междоусобій, Вожди Греціи не теряли изъ виду главнаго непріятели. Маврокордапо, Кондуриопи и другіе Полководцы Эллинскіе готовились сильно встрѣшиться и опразить врага. Кампанія уже началась. . . Порша оцѣль успѣла склонить Пашу Египетскаго къ подаію ей дѣятельной помощи. Уже Ибрагимъ-Паша высадилъ сильный корпусъ на берегахъ Мореи, уже хотѣлъ проникнуть во внутренность полуострова; но храбрые Греки ошановили его и принудили укрѣшиться подъ пушками Модона. Онъ послалъ въ Кандію за подкрѣпленіемъ. — Въ западной Греціи, кошорая въ прошломъ году была спокойна, готовяется къ сильному ошпору: храбрый и искусный Решидъ-Паша идетъ на Мисологи. — Кашипанъ-Паша, возстановивъ коекакъ флотъ свой, собирается ошавить Дарданеллы — Какари стоишь уже на брандерѣ

съ-зажженнымъ финилемъ и ждесть врага. — Сколько мы можемъ заключать по прежнимъ походамъ, первый напискъ Турокъ будетъ силенъ, и можешь быть, Грекамъ нанесены будутъ чувствительные удары, но — конецъ вычашь дьзо.

Америка. Въ Сѣверо-Американской Республикѣ, непрерывно возрастающей народонаселеніемъ, богатствомъ и силою, избранъ на чешыре года новый Президентъ Джонъ Квинси Адамсъ, какъ пишущъ, человекъ отличнаго ума и рѣдкихъ познаній. Правительство шаомнее примѣбно увеличиваетъ свою морскую силу, но вѣроятно по правилу: если хочешь пользоваться прочнымъ миромъ, будь гошовъ къ войнѣ. — Послѣ сраженій при Аякухъ, Испанія нынѣ обладаетъ въ Америкѣ одною крѣпостью Сень-Жанъ-д'Уллоа, на берегу Мексики, и нѣкоторыми Антилльскими островами. — Богатые рудники Мексики и Перу разрабатываются Англійскими Компаніями. — Нынѣ намѣрены привести въ исполненіе испанскій планъ — прокопашъ узкій перешеекъ Панамскій (84 вершы), и тѣмъ соединить Атлантическое море съ Тихимъ Океаномъ. Симвъ средствомъ взаимныхъ сношеній, торговли и политика Спараго и Новаго Свѣша получаютъ новый видъ: не трудно уже будетъ обходить Мысы Доброй Надежды

и опасный Горнъ: подъ ровнымъ, легкимъ вѣніемъ пассада корабли Европейскіе будутъ ходить прямо въ Тихое море, Китай, Новую Голландію, Остъ-Индію, Камчатку. Путь сдѣлается вдвое короче и вдесятеро безопаснѣе.

Въ продолженіе сихъ чешырехъ мѣсяцевъ скончались слѣдующія знаменитыя или извѣстныя особы: Фердинандъ IV, Король Облихъ Сицилій; Герцогъ Саксен-Готскій Фридрихъ IV; бывшій Рашпенсіонеръ Батавской Республики Шиммельенинкъ; бывшій Французскій Министръ Графъ Ферранъ (Сочинитель извѣстной книги: L'Esprit de l'Histoire), Саксонскій Министръ Графъ Гогеншаль; Французскій Генераль Гедувилъ (бывшій Посланникомъ въ С. Петербургъ); Прусскій Министръ Кирхейзенъ; въ Греціи: Министръ Негри, Князь Димитрій Испанши, Варваки; въ Египтѣ славный Адмираль Измаиль-Гибралтаръ; Ученые: знаменитый Французскій Медикъ Перси, Оріенталистъ Денонъ, самый злой врагъ Бонапарша, бывшій Издапель Амбигу, Пельшье.

Н. Г.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ
БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

1825.

33. *Штіонъ, новый Романъ, содержащій въ себѣ подробности Американской войны, съ описаніемъ правовъ и обычаевъ сей страны. Сочиненіе Американца Купера. Перевелъ съ Французскаго Иванъ Кру-пниковъ, М. 1825, въ шип. С. Селива-новскаго, въ 8, 3 часши.*

(См. No 57 и 58 Сѣв. Пч.)

34. *Отчетъ Комитета Общества поощре-нія Художниковъ за 1824 годъ, съ при-согокупленіемъ списка Господамъ Чле-намъ онаго и таблицы, представляю-щей состояніе Общества въ 1820, 21, 22, 23 и 24 годахъ, С. П. б. 1825, въ шип. Медиц. Деп. М. В. Д., въ 8, 31 стр.*

(См. No 59 Сѣв. Пч.)

СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА.

1825. № XI.

Г.
ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Г.
М Ш Е Н І Е.

Абдалла, одинъ изъ сыновъ знаменитаго Мулея-Измаила, дослославно царствовалъ на Марокскомъ престолѣ. Вдругъ племянникъ его, молодой Мулей-Буфферъ, возбудилъ къ мяшежу Царства Сузу и Тафилешъ. Онъ обвинялъ Абдаллу въ пресступленіи правилъ Корана несоблюденіемъ постовъ и обрядовъ, предписываемыхъ сею книгою; въ нарушеніи законовъ государственныхъ явнымъ покровительствомъ чужеземцевъ, на пагубу своихъ единоплеменниковъ; въ угнетеніи подданныхъ излишними налогами для обогащенія черной роши своей, соспавленной изъ купленныхъ въ Гвинеѣ молодыхъ невольниковъ, копорые, при возрастающей непрерывно власши и дерзости, стремились одни распозагашъ прономъ. Къ симъ обвиненіямъ, истиннымъ или ложнымъ, но съ правдоподобностію разсѣяннымъ въ народѣ, присокуплялъ онъ

подробности о частной жизни властителя, о распущенствах его и жестокостяхъ.

Народъ Варварійскій привыкъ уже сносить кровавое иго своихъ властелиновъ; привыкъ считать въ числѣ ихъ правъ лютейшія злодѣянія; но слухи, искусно распространяемые молодымъ Принцемъ, возбудили къ оружію много недовольныхъ изъ которыхъ составилось сильное полчище. Тафилетъ открылъ ему врага свои. Самъ основатель сего града, чтимый Магомешанами за святого, явился, сказываютъ, дабы признаться новаго владыку, и благословить его на воцареніе. Толпы Арабовъ и Береберовъ, жаждущіе крови и хищничества, оставили долины Апласа и *перосты* (*) Саары, и двинулись подъ знамена его.

Береберы, признающіе себя единственными истинными послѣдователями Корана, предстали предъ Буффера, возвеличивали его усердіе къ вѣрѣ и, просирая руки къ восходящему солнцу, призывали на помощь къ нему по Св. Августина, по своего жепорока Магомеша (**).

(*) Les oasis — мѣста, средь степи, поросшія лѣсомъ и поному обитаемыя. *Перев.*

(**) Племя Береберовъ, разсыянное на пространствѣ горъ Апласа, въ Великой Степи и

И Арабы, предводимые своими Шеихами, собрались вокругъ Принца, и привѣщивали его пищюю Великаго Шерифа, наследникомъ и попомкомъ Магомеша, славнымъ, могущешвеннѣйшимъ и благороднѣйшимъ обладателемъ Африки, Царемъ Фецца, Тафилета, Сузы, Марокка, Дарги и всей Аларбіи, словомъ, всеми нынѣшними пищулами Абдалы. Помомъ объявили они ему, что совѣтовались съ альманахами и другими аспрологическими книгами, и что, видя, сколь счастье благопріятнѣе его начинаніямъ,

въ Биледулжеридѣ, считаешь себя первородными обитателями страны сей. Нѣкоторые Писатели производятъ ихъ отъ Гешуловъ, Нумидовъ и Гараманновъ; другіе почитаютъ ихъ попомками Срацинъ, которые, въ седьмомъ вѣкѣ, завоевали Сѣверъ Африки. Во всякомъ случаѣ, сіи двѣ гипотезы могутъ объяснить непреодолимое отвращеніе, какое питаютъ Береберы къ Маврамъ и Туркамъ, властвующимъ нынѣ сею странюю. Множество племенъ Береберскихъ живеть и независимо. У нѣкоторыхъ находятъ слѣды древней религіи Зороастра, у другихъ искаженный остатокъ вѣроисповѣданія Христіанскаго, но и самые Магомешане имѣютъ религиозное уваженіе къ Св. Августину, называютъ его Сиди-Белибекъ, и считаютъ родившимся въ Тагоситѣ, значительномъ Сузскомъ городѣ. *Соз.*

предвещающъ ему, что онъ помрачитъ всѣхъ мудрецовъ своею мудростію, Гаруна своими великолѣпіемъ, Жимшида и Акенпаса своими подвигами и великодушіемъ, и что въ его царствованіе найдутся древнія сокровища, погребенныя въ горы Міаширь (*).

Упоенный блистательнѣйшими надеждами, предвѣспіями почти непреложными, Принцъ шопчасъ вельѣз носить передъ собою зонтъ, — право, предоставленное въ Мароккѣ однимъ Монархамъ, и приготовился выступить на Мекинецъ, гдѣ тогда находился его дядя.

При всеобщей тревогѣ, Абдалла оставался какъ бы въ бездѣйствіи, между тѣмъ, какъ соперникъ его властвовалъ уже надъ многими его областями. Наконецъ опредѣлилъ онъ къ племяннику посольство для мирныхъ условій, но получилъ въ отвѣтъ головы пословъ своихъ. Въ то же время съ каждымъ днемъ спанъ Буффера умножался перемещиками изъ войскъ Царскихъ; всѣ жаловались на несправедливость Монарха, и упоая нова-

(*) Гора Міаширь, опрасль горы Апласа, знамениша между народомъ Феца тѣмъ, что на ней вырышо спно колодцевъ. Въ нихъ, слѣдуя суевѣрному преданію, обитающъ подземные духи, спрегущіе безчисленныя сокровища. *Сог.*

го власпелина ласкашельствами и покорностію, утверждали въ немъ несомнительность пріумфа.

Молодой похититель престола не снѣшилъ исполненіемъ своихъ замысловъ: онъ видѣлъ, что съ печеніемъ времени увеличиваются силы его, и ожидалъ покойно ихъ дальнѣйшаго пріумноженія бгглецами изъ полчищъ Шерифа. Звѣриная ловля была сперва единственнымъ его развлеченіемъ. Имѣя возможность удовлетворять малѣйшимъ своимъ прихотямъ, почти увѣренный въ будущемъ, онъ предался вполне своимъ склонностямъ, и сбросивъ съ себя ложную величавость, приняшую для достиженія цѣли, окружилъ себя прежними развратными любимцами, и проводилъ дни и ночи въ пирахъ и забавахъ, распочая сокровища, дань новыхъ своихъ поданныхъ.

Съ ципрою въ рукѣ, единственнымъ профеемъ, оставшимся у Мавровъ ошъ ихъ завоеваній въ Испаніи, онъ любилъ самъ возбуждать радость своихъ поварищей, и упивался съ ними винами, запрещенными Магомемъ. „Я музыкантъ“ — говорилъ онъ: — „а музыкантамъ позволяеть Магомешъ нарушать законы его пропивъ пьянства; пейше,

друзья! винограда Залага (*) зрѣешь для насъ!.. Часто, ошуманенный крѣпкими напитками, предавался онъ всѣмъ порывамъ своего пылакаго нрава. Пускаясь на быспрыхъ бѣгунахъ знаменитой породы шого края, направлялъ онъ ихъ въ сильномъ спремленіи на встрѣчающагося по дорогѣ солдата, и гошовый смяшь его, останавливалъ ихъ вѣруть, въ минушу приближенія (**); и если кто изъ являлъ хошя малѣйшій страхъ, онъ низвергалъ его мечемъ своимъ, говори: „Не хочу имѣть шрусомъ въ моемъ воинствѣ.“ Вскорѣ дошелъ онъ въ безпутствѣхъ своихъ до крайности. Арабы и Береберы, его союзники, вознегодовали наконецъ на его поведение, безпрестанныя пиршества и частыя убійства, которыми осквернялъ онъ жизнь свою. Но за всѣмъ шѣмъ, ряды войска его умножались болѣе и болѣе прибывающими недовольными изъ стана Монаршаго. Онъ выпустили къ Мекинецу, гдѣ Абдалла, какъ говорили, былъ заключенъ въ оковахъ шлжской болѣзни.

(*) Гора близъ Марокка, въ провинціи Феца.
Сог.

(**) Такая встрѣча пушешествениковъ ешь въжливосшь, досель наблюдаемая молодыми людьми въ Мароккѣ. *Сог.*

Полчище, появившееся въ небольшомъ пространствѣ ошъ Феца, хошѣло, казалось, вступишь съ нимъ въ бишву, но при самомъ началѣ, оно все передалось на его сторону. И шакъ ничто не прошивилось его возвышенію; еще нѣсколько дней, и Мароккское Государство признаеть его своимъ властелиномъ. И сія надежда казалась шѣмъ основательнѣе, что по извѣстїямъ, полученнымъ ошъ новыхъ его сообщниковъ, дядя его, Абдалла, не имѣлъ почти никакихъ силъ въ Мекинецѣ, кромѣ своей гвардіи, сосшавленной изъ негровъ, начальникъ которыхъ былъ сильно прошиву него раздраженъ, и давно бы уже оставилъ его, если бы не зналъ дурнаго расположенія къ себѣ молодаго Принца. Мулей-Буфферъ ускорилъ свое шоржественное шествіе, въ швердой рѣшимости воспользоваться симъ обстоятельствомъ, и скорѣ спашъ его расположился на берегахъ Саброна.

Окруженный обширною равниною, снабженный принасами всякаго рода и огражденный высокимъ олошомъ стѣнъ, Мекинецъ, любимое мѣстопребываніе Шерифовъ, могъ еще долго прошивустоять побѣдителю, не смотря на то, что сей имѣлъ уже передъ глазами его огромный дворецъ, построенный во вкусъ Мавровъ, и величественныя минареты, возвышающіеся надъ цѣлымъ городомъ

Въ неперпѣннѣ обладать богатствами, сокровищами, нагроможденными въ сералль дворца, и освободишь себя отъ соперника, ненавистнаго, но въ душѣ почитаемаго достойнымъ обладаемельмъ прона, безразсудный Буфферъ, не изумляясь быспрымъ своимъ успѣхомъ, не размышляя о легкомъ и всеобщемъ оппаденіи шѣхъ спарыхъ Пашей, которые искони славились вѣрносцію, шѣхъ дѣлоправителей, которые, бывъ преданы своему Государю, вдругъ оспавляютъ его, чтобы ипши подъ знамена смѣльчака, неопытнаго и безпушнаго; не спрашась видѣть ихъ въ своемъ спанѣ восначальниками, шѣлохранишелями собсвенной его особы — рѣшился, пушемъ оболщенія, привлечь на свою спорону и предводителю черной ропы, въ шѣхъ мысляхъ, что, по сдѣланнымъ ему донесеніямъ, и эпо будеть весьма легко.

Съ помощію одного Арабскаго солдата, введеннаго шайно въ городъ, заключено было условіе Принца со спарымъ воиномъ, кошорый соглашался ошворить врага Мекинца, и предать особу Государя, если Негры и начальникъ ихъ сохранияшъ шѣ же преимущесшва, какія даны имъ отъ Мулей-Измаила и отъ его преемниковъ. По утвержденіи условія, городъ сдался молодому Шерифу. Онъ вступилъ въ него ночью, предъ рядами часши сво-

его войска, соспавленной почти единспвенно изъ оппадишихъ отъ законнаго Государя, въ шомъ предположеніи, чтобы не возмутишь народа, кошорый пакимъ образомъ почти не могъ и замѣшшь новаго надъ ними предводителю.

Наконецъ донесли Принцу, что по его приказанію, дядя его схвачень и заключень въ собсвенномъ своемъ гаремѣ. Нѣсколко военачальниковъ просили убѣдително пощадить его жизнь. Насмѣшлавая улыбка была ошвѣтомъ на ихъ просьбы, и смерть его была опсрочена шолько до наступленія дня.

Въ обширной залѣ, обитой синимъ сукномъ (цвѣшъ шраура у сихъ народовъ), Абдалла, лишенный знаковъ власти, даже не имѣя на чалмѣ своей черной лешы, по кошорой опшличаются члены царской фамилии, явился передъ побѣдителемъ съ поникшею головою, съ умоляющими взорами. Двойная спража изъ Мавровъ и Негровъ, съ обнаженными саблями, окружала его и, казалось, ошждала шолько знака Буфферова, чтобы пролить кровь его. „Ты поржествуешь“ — сказала ему Абдалла: — „но воздержи себя; развъ не довольно шебъ моего прона? и неужели первое дѣло швоего царешования будеть убійство ближайшаго родспвенника?“ — „Напрасныя рѣчи!“ ошвѣчала Принцъ: „шы дол-

жень умерешь; спокойствіе народа и моя безопасность того пребудешь.“ — „Даруй мнѣ жизнь, умоляю тебя для собственной швоей пользы. Примѣромъ своимъ внуши будущимъ подданнымъ, сколь важна жизнь Монарха. Вѣрный конь, спускающій на Меккскую землю, не можешь бытъ убишь отъ рукъ челоуѣка; неужели попомокъ и наследникъ Магомеша долженъ бытъ менѣе уважаемъ тобою?“ — „Нѣтъ, Абдалла, конь не унижаетъ достоинства благородной своей породы; онъ умѣешь пренебрегать смертію; позаимствуй у него мужества и бодрости: какъ вѣрно то, что луна поражаетъ звѣзды, такъ неизбежно наступилъ послѣдній часъ швой.“ — „И мои мольбы не смягчатъ тебя?“ — „Никогда!“ — И уже онъ готовъ былъ произнести роковое слово, какъ вдругъ съ вершины минарета, возвышавшагося наравнѣ съ заломъ судилица, раздался голосъ *Тальба* (*), развѣвающего синее знамя: „Народъ! молись за Мулея-Буффера; онъ близокъ къ смерти.“ При сихъ словахъ мнимый побѣдитель смущается, блѣднѣешь, и между тѣмъ, какъ внезапная мысль открываетъ ему съши и козип, въ кошорыя онъ ввергнулъ себя, сол-

(*) Тальбъ — званіе ученаго въ Мароккѣ и Фецѣ. *Перев.*

даты бросаюся на него, обезоруживаюшь и подводяшь его къ спонамъ Абдаллы, кошорый, сбросивъ траурный покровъ, является въ полномъ убранствѣ своего сана, держаъ рукою за кинжалъ.

„Оставъ свою гордость!“ — воскликнулъ сынъ Измаила съ презрительнымъ взоромъ — „ты, Царь Сузы и Тафилеша, могущественный обладатель Апласа и Саары, завоеватель Государствъ Фецца и Марокка! Довольно уже забавляшья надъ швоимъ всемогуществомъ. Ты принялъ побѣдителей своихъ за подданныхъ, сразу за швоохранителей, и рабство свое за шворжество. Ты съешь себя достойнымъ оспоривашъ у меня корону, и не выходи изъ дворца моего, не подвергалъ жизни подвластныхъ мнѣ, я принудилъ тебя самаго приняти и отдашья во власть мою. И съ чего, скажи мнѣ, сколько храбрыхъ воиновъ перешло бы подъ знамена швой? Какія были швои намѣренія? зналъ ли ты ихъ самъ? Какія были средства швомъ къ достиженію цѣли? ты ничего не предвидѣлъ. Какую надежду могъ внушить нравъ швой и швои качества? Пресупный подданный, убійца пословъ моихъ, ты обвинялъ меня въ нарушении и законовъ и вѣры, а самъ предавался распущенству, и швое распущенство спомало жизни швоимъ защитникамъ; для забавъ шво-

ихъ нужны были вино и кровь. Я заставилъ себя собственнымъ пивомъ поведеніемъ оправдать меня ошъ всѣхъ обвиненій, какія внесли на меня лживыя уста твои. Ты долженъ предвидѣть свою участь, Буфферъ, потому что самъ осудилъ себя; по пивому приказанію изготовлена казнь, по пивому приказанію сіи невольники съ поднятыми мечами ожидаютъ жертвы. *Ты долженъ умереть: спокойствіе народа и моя безопасность того требуютъ.* Когда я просилъ у тебя милости, ты отказалъ мнѣ въ ней. Пышки и казни недоспаютчны для укрощенія моего сердца, оклеветаннаго, оскорбленнаго, расщербаннаго побою. Ты можешь пребречь и существованіе свое и всѣ пѣлсныя муки, но мое мщеніе гораздо шагоснѣе, нежели ты думаешь. Конь благородной породы! вооружись же мужествомъ для услышанія своего приговора. Ты желалъ моей смерти, а я прощаю тебѣ, сынъ брата моего! Живи свободно, живи счастливо въ провинціи Тафилешъ, которую отдаю тебѣ въ подданство. Да не будешь даръ сей наказаніемъ для невѣрныхъ жителей сей области! Теперь, Буфферъ, посмотришь, кто изъ насъ двоихъ доспойнѣе царствовашъ?“

Таково было достославное мщеніе Абдаллы, котораго народъ Мароккскій пола-

гаетъ въ числѣ лучшихъ изъ великихъ своихъ Государей. При концѣ своей жизни однако и онъ запяпшалъ себя поспыдными дѣлами; но великодушіе къ Мулею-Буфферу благопріятствовало престолу его во все продолженіе его жизни, и благопріятствуетъ его памяти и по смерти.

Изъ Mercure du XIX siècle. Вл.

2.

ЖИЛБЛАЗЪ РЕВОЛЮЦІИ.

(„Еще Жилблазъ!“ воскликнуть чипапели нашихъ Журналовъ — нѣкоторые съ упрекомъ, другіе и, надѣмся, большая часть съ видомъ одобренія. Для первыхъ скажемъ въ извиненіе себѣ шо, что въ каждомъ повременномъ изданіи долженъ бытъ оппечатокъ вкуса его времени, а нынѣ въ большомъ вкусь описывашъ нравы. И едва ли это не лучшее дѣло Журналиста, не пріятнѣйшее чтеніе для публики! — Для вшорыхъ сдѣлаемъ небольшое введеніе къ слѣдующей спашъ.

Въ прошедшемъ году Пикарь, Членъ Французской Академіи, издалъ картину правовъ революціи подъ названіемъ: *Le Gilblas de la révolution ou les confessions de Laurent*

Ciffard, въ пяти часяхъ. Онъ выводитъ своего героя при самомъ началѣ возникшихъ во Франціи безпокойствъ, въ 1789 году, и проведя по всемъ спезямъ бурной жизни, какой подвергался тогда едва ли не всякій Французъ, даетъ ему успокоеніе въ мирной приспаніи тогда, какъ благодѣтельное вліяніе Союзныхъ Монарховъ во второй разъ возвратило Франціи легкомысленно утраченное ею счастье. Его Жилбазъ имѣеть предъ другими преимущество пѣми необыкновенными происшествіями, которыя должны показаться естественными, потому что не вымыслены и у всѣхъ въ свѣжей памяти — и которыя, по неволѣ увлекаая за собою людей, ставили ихъ часто въ шакое положеніе, что необходимо долженъ былъ развертываться истинный характеръ каждаго. Исторія сохранила великія событія того времени, но мелкія подробности, кромѣ того, что онъ служащій пріишимъ развлеченіемъ для ума образованнаго, дадутъ и самой Исторіи болѣе правдоподобія. Пикарь умѣла сдѣлать выборъ сихъ подробностей и примѣнилъ къ нимъ частныя обстоятельство жизни описываемаго имъ человека — нужныя для поддержанія вниманія читателей романа. Его Жиффаръ, родомъ изъ Ландокскаго замка Киссакъ, не доучившись въ

сельской школѣ, пріѣхавъ въ Парижъ, чтобы усовершенствоваться въ ремеслѣ отца своего, который былъ парикмахеромъ. Известно, что эпошъ классъ людей во Франціи, не то, чтобы образованный, а имѣющій видъ нѣкошораго образованія, пользовался большими правами даже въ знатныхъ домахъ; слѣдовательно нельзя было приличіе выбрать состоянія героя. Въ характеръ его главнѣйшая черта легкомысліе: онъ держится всѣхъ мнѣній, увлекается малѣйшими обстоятельствами, и вездѣ, какъ говорится, умѣетъ найтись, но не надолго. Когда усиленіе буйной народной партіи заспавило Французскихъ патриціевъ бѣжашъ полнами изъ отечества, одинъ изъ нихъ увлекъ за собою и Жиффара, которому вообразилось на эпошъ разъ, будто онъ напишетъ старыми правилами и преданностію къ Королю. Въ Германіи между эмигрантами онъ самъ выдалъ себя за дворянина и назвался по мѣсту своего рожденія Кавалеромъ де Киссакъ, но вскорѣ его обличили, и онъ бѣжалъ опять преслѣдовавшихъ его насмѣшекъ. Возвратившись по легкомыслію къ правиламъ господствовавшей тогда въ его отечествѣ партіи, онъ вздумалъ и возвратиться опять во Францію. *Перевъ*)

ВТОРОЙ КНИГИ ГЛАВА III.

Жиффарь возвращается во Францію.

Возвратившись во Францію! Я рѣшился на то, хотя и зналъ, какіе ужасные законы постановлены были противъ эмигрантовъ. Неужели, думалъ я — впадешь кому нибудь на умъ такой какъ я бѣднякъ? Пусть и вписали меня въ роковой списокъ, но все должно я быть памя подь именемъ Киссака. Такъ что жъ? приму настоящее свое имя, Жиффара, и нѣчего бояться. Таковы были мои разсужденія. Припомъ казалось мнѣ, что я повинуюсь голосу своего долга чести: презрѣніе къ аристократамъ возбудило опять патріотизмъ мой: я упрекалъ себя въ измѣнѣ опечесиву. Не смотря на большое ошь природы расположеніе къ миру, я рѣшился даже всунуишь, если должно, въ ряды заццишниковъ опечесива, лишь бы шолько загладишь вину свою. Я не попалъ въ первую реквизицію, но какал нужна? Наглость мнѣмыхъ патріотовъ заставила меня удалишьсь съ родины въ видѣ аристократа: насмѣшки эмигрантовъ возвращающъ меня во Францію въ видѣ патріота.

Безпечность моя, надежды, прилѣпныя размышленія спали исчезать по мѣрѣ того, какъ я приближался къ нашимъ границамъ,

иѣмъ болѣе, что и кошелекъ мой истощился, а никогда въ жизнь мою ничто такъ не разспраивало меня, какъ это обстоятельство. Прибавьше еще, что я долженъ былъ опасаться шолько же Нѣмецкихъ, какъ и Французскихъ спорожевыхъ войскъ. Ожидать на каждомъ шагу, что одни примушь меня за дезертира, а другіе за эмигранта — прекрасные виды!

Уже ночью подходилъ я къ одной Французской деревенькѣ. При свѣтѣ огня показалось мнѣ, что передъ нею споятъ на бивакахъ гусары, а въ первомъ домѣ кордегардія. По слухамъ, и особенно по шѣмъ слухамъ, которые распростирали эмигранты объ ужасахъ революціонныхъ правилъ, я воображалъ, что въ каждомъ Французѣ найду звѣря. Между шѣмъ я смертельно усталъ, продрогъ и проголодался; шацился кое-какъ; ноги мои были въ крови. Если бъ и захопльскрышьсь ошь бивака гусаровъ, то уже было поздно: караульные меня замѣтили. Отважась на всякую опасность, я почпительню попросилъ позволенія погрѣньсь у ихъ огонька. „Грѣйся!“ отвѣчалъ мнѣ Поручикъ, который командовалъ постомъ и курилъ въ это время шрубку. Мучимый тысячею опасеній, и подозрѣвая, будшо Поручикъ османриваетъ меня съ недовѣрчивостію, я вздумалъ при-

нять на себя видъ беззаботнаго, и тѣмъ умножилъ свое смущеніе. „Не подумайше, — сказалъ я ему:— „чего нибудь обо мнѣ худо-го. Меня, слава Богу, не въ чемъ подозрѣ-вашь . . . я не эмигрантъ . . . Меня зовушь... Лоранъ; у меня нѣтъ ни паспорта, ни дру-гихъ бумагъ, но я не издадека — вонъ изъ той деревни, что за бугромъ, мили за три отсюда“ . . . — „Э, мой любезный!“ — оп-вѣчалъ мнѣ съ улыбочкою командиръ поста: „я у тебя не спрашиваю ни кто ты, ни откуда. Побереги слова свои для тѣхъ, кто бу-детъ спрашивать. Ты озлѣ, голодежь, ус-палъ: погрѣйся, поѣшь и усни.“ — Гусары да-ли мнѣ мѣсто у огня; я поужиналъ съ ними. Одинъ старый вахмистръ одѣлъ меня пла-щемъ своимъ, и я заснулъ глубокимъ сномъ.

На разсвѣтѣ дня, меня разбудилъ крикъ: кто идетъ? — „Рундъ Полковника.“ — Что новаго? спросилъ Полковникъ у Поручика: „Ничего, Полковникъ; только забрелъ въ эту ночь къ намъ какой-то бѣднякъ, окостенѣвшій отъ холода. Мы огрѣли его, и онъ спитъ тамъ подъ деревомъ.“ Меня, еще полусонна-го, подвели къ Полковнику, сидѣвшему на лошади. Онъ посмотрѣлъ на меня, и вдругъ закричалъ: „Какъ, это ты, Жиффаръ?“ — „Онъ сказалъ мнѣ, что его зовушь Лораномъ,“ — подхватила Поручикъ. — „Да, да, Лоранъ

Жиффаръ.“ Между тѣмъ я припоминалъ, гдѣ встрѣчался съ Полковникомъ, который такъ скоро узналъ меня: густые усы, широкій плащъ, закрывавшій лице выше подбородка, нахлобученная на глаза гусарская шапка, пре-пятствовали мнѣ распознавать его. „Вотъ хо-рошо! продолжалъ онъ: ты не узнаешь спари-ннаго знакомца, надъ головою котораго трудился сполъко времени.“ Полковникъ былъ Аббашъ Дерини — пошъ самый молодой Аббашъ, который, сбросивъ духовное платье, принялъ спорону такъ называемыхъ патриот-овъ съ первыхъ дней революціи. Не прошло еще полшора года, какъ онъ явился въ армію Подпоручикомъ: видно, что возвышался, не теряя времени. Не смотря на всѣ причины непріязненности, какія могли существовать между Полковникомъ Дерини и мною, я почувствовала большое ушѣшеніе, видя себя въ рукахъ его, а не другаго. Я знала его добродушіе; мнѣ казалось, что я нашела друга. „Любезный Жиффаръ“ — сказалъ онъ мнѣ:— „двумъ спариннымъ знакомцамъ, свидѣвшись, нельзя не желать поговорить между собою. Я кончу свой рундъ, а ты поди въ деревню; вели указать себѣ мою кварширу. Черезъ два часа я возвращусь.“ Онъ поскакалъ даде.

Гусары, видя, что Полковникъ обошел-ся со мною по дружески, осыпали меня у-

чпивостями. Казалось, что все они привержены къ Полковнику. Они хвалили его храбрость, хладнокровіе, патріонизмъ и душевную доброту. Онь ихъ узналъ я, какими блистательными дѣлами достигъ онъ въ короткое время высокаго своего званія.

Полковникъ возвратился къ себѣ домой почто къ назначенному времени. Онь спалъ меня спрашивашъ, но болѣе съ участіемъ друга, нежели съ недовѣрчивостію какого нибудь повелителя, которій хотѣлъ бы извѣдать замыслы незнакомца. Ободренный его ласками, видомъ добродушія, искренности и дружества, я высказалъ ему все, что ни случилось со мною. „Несчастный!“ — сказала онъ: — „бойся открывать кому бы то ни было, что ты находишься въ числѣ эмигрантовъ.“ Види, что шакое восклицаніе меня испугало, онъ продолжалъ: „Успокойся; не вѣроянно, даже невозможно, чпобъ и ты попался въ списокъ эмигрантовъ. Я знаю по опыту, что ты человекъ неопасный, а при томъ я никогда не бывалъ донощикомъ. Послушай: не только я не хочу погубить тебя, но желаю даже быть тебѣ полезнымъ. Что ты думаешь дѣлать?“ Я отвѣчалъ, что имѣю намѣреніе въ какомъ нибудь провинціальномъ городкѣ начать снова свое ремесло. „Жалкое впрочемъ пособіе!“ — при-

молвилъ я: — „шѣмъ болѣе, что революція; оставивъ все вверхъ дномъ, не пощадила и сословія парикмахеровъ.“ Онь улыбнулся. „Ну такъ“ — сказалъ онъ — „дай себѣ лучшее назначеніе: вступи въ мой полкъ.“ — „Охотно!“ отвѣчалъ я, одушевивъ вдругъ порывомъ храбрости. . . . Потомъ размысливъ, какъ несносна была для меня война, продолжалъ: „Однако, признайся вамъ. . . я не совсемъ честолюбивъ.... Не такъ живо чувствую я любовь къ славы.... Если бы вы могли доставить мнѣ какое нибудь мѣстечко.... Я считаю себя болѣе способнымъ водить перомъ, нежели ппгаюю.“ Полковникъ улыбнулся опять: „Въ самомъ дѣлѣ — еказалъ онъ:— „изъ тебя не выйдетъ бы добрый солдатъ никогда.“ Онь вспомнилъ, что у меня хороній почеркъ руки, и спросилъ, не хочу ли я быть пристроенъ къ военной канцеляріи. „Я могу дать тебѣ“ — сказала онъ: — „рекомендательное письмо къ одному изъ главнѣхъ начальниковъ. Тебѣ надобно будетъ оппразднаться миль за тридцать отсюда. Да и не худо, чпобъ ты, послѣ бѣговъ, былъ подалѣе отъ этой границы. Виупри Государствѣ тебѣ не будетъ такъ подозрѣвать. У тебя нѣтъ вида; я доставлю тебѣ паспортъ отъ Управы здѣшней деревеньки. У тебя нѣтъ денегъ? Возьми тебѣ на

дорогу.“ Онъ далъ мнѣ нѣсколько ассигнацій. „Веди себя честно, какъ добрый патріотъ; мнѣ пріятно будетъ слышать, что довольны челоуѣкомъ, мною рекомендованнымъ.“ Я былъ пронунъ до слезъ; спалъ съ жаромъ благодарить его. Онъ презвалъ меня, какъ будто досаду на изъявленіе моей признательности. Аббатъ Дериньи, обстрѣленный батальнымъ огнемъ, былъ уже не столь робокъ и крошокъ, какъ я знавалъ его, причесывая ему голову. Оспрыгивистый, суровый поны вошелъ ему въ привычку.

— — — — —
Мы спали говорить о дѣлахъ общепвенныхъ. Онъ все еще пламенѣлъ революціоннымъ духомъ, хотя въ любовь его къ независимости вмѣшивалось уже нѣсколько любви къ воинской славѣ. Но въ то время солдашу должно было только защищать границы опечесства, и поному эна любовь къ воинской славѣ, казалось, возвышала еще патріотизмъ его. Я завелъ рѣчь о томъ, что происходило тогда внушри Франціи. Это было время жесточайшаго *вопрства*. Полковникъ мой побѣднѣлъ и запрепемалъ. „Не говори мнѣ объ этихъ ужасахъ,“ сказалъ онъ: „они пнягошашъ мнѣ душу; шерзашъ ее. Жадкіе люди! Какъ умѣли они дѣло, предешавлявшееся прекраснымъ, обратишь въ самое

ненавистное!“ Онъ прошелся безмолвно по комнапѣ; попомъ, оспановясь, сказалъ мнѣ голосомъ вдохновеннаго: „Я смошрю только впередъ; шамъ опкрываешся мнѣ зрѣлище, наполняющее душу мою удовольствіемъ, даже гордостію: я поведу храбрую дружину свою къ побѣдѣ, на защиту опечесства опъ враговъ его. Но ужась объемлешъ меня, когда помыслаю обратишь взоры свои назадъ. Чшо увижу шамъ? палачей и жершвъ.“

На другой день пустился я въ дорогу. Благодаря Бога, опъ природы надѣленъ я твердостію въ перенесеніи трудныхъ, горесныхъ обстодпелствъ; но вопъ бѣда: когда заведупся въ карманъ деньги, не ушерцаю, чшобъ не размышаришь. Скоро испрашилъ я ассигнаціи, данныя мнѣ Полковникомъ. По его положенію онъ далъ мнѣ очень довольно; однако сумма сама по себѣ была не велика: Французскіе войны не были богаты въ это время. У меня оспавалась уже только одна изъ пѣхъ мелкихъ, пашпифранковыхъ ассигнацій, кошорыя въ проспомъ народѣ назывались *corsets*, когда пришелъ я въ деревню, или лучше сказапъ, въ деревнишку, состоящую не болѣе, какъ изъ осьмци или десашч домовъ, гдѣ были однако пракширь и Управа.

Ошибки въ пользу Жиффара.

Деревня лежала между двумя возвышеніями; большая дорога пересѣкала ее такъ, что прѣзжій съ одной стороны могъ видѣть издалека опѣвѣжающаго въ другую сторону. Въ то самое время, какъ я спускался съ горы къ деревнѣ, увидѣлъ, что изъ нея выѣзжаютъ жандармы: это меня порадовало. Хотя и былъ у меня въ запасѣ паспортъ, который выхлопоталъ мнѣ Полковникъ Деринъ, но все таки пріятнѣе было сморѣть на опѣвѣжающихъ жандармовъ, нежели на прѣзжающихъ.

Я вошелъ въ пракширь. Съ незапамятныхъ временъ, во всякой странѣ ведется обычай, что пѣшеходы спрахъ какъ дурно принимающіе пракширичками. Тѣмъ болѣе странно, а вмѣстѣ и пріятно было мнѣ видѣть, что на этомъ разѣ хозяйинъ, жена его и служанка сморѣли на меня съ какимъ-то участіемъ, почти, казалось мнѣ, съ со-спраданіемъ. Все обступили меня, и мнѣ услуживали — даже до послѣдняго конюха, который жалѣлъ, казалось, что не виднѣтъ у меня лошади, которую могъ бы взять на свое попеченіе. Принимая съ признательностію усердіе добрыхъ людей, согрѣвшись у

огонька и развеселясь духомъ, я спалъ, по обыкновенію, очень разговорчивъ. „Вотъ, сказала я, вѣдь напрасно клепають на пракширичковъ, будто они грубы, безжалостны съ бѣдными путешественниками.“ — „Ахъ, сударь — гражданинъ, хотѣла я сказать“ — опѣвчала хозяйка: — „уже двадцать лѣтъ содержу я пракширь, прежде съ покойнымъ мужемъ, а теперь вотъ съ эшимъ, но могу похвастаться, что мы были всегда услужливы къ пѣшеходамъ, а теперь я даже готова предпочитать ихъ другимъ. Есть много молодцовъ, которые разѣзжаютъ по почтѣ, но заслуживали бы, чтобъ цѣлый вѣкъ ходили пѣшкомъ. А кто знаетъ, можетъ быть, многіе изъ пѣшеходовъ спонили бы того, чтобъ ихъ возитъ въ золотыхъ каретахъ.“ — „Молчи, пожалуйста“ — подхватилъ мужъ ея, Томасъ: — „у тебя всегда сорвется съ языка глупость!... Надобно знать, съ кѣмъ говоришь.“ — „О, я ничего не боюсь“ — возразила Г-жа Томасъ: „Я не посмотрю на Якобинцевъ, и всякому скажу, что слабость моя, угождать людямъ порядочнымъ — и что я, сколько силъ моихъ доспанеть, буду всегда вырывать шакихъ изъ ихъ когшей.“ Въ эту минушу какой-то припадокъ пѣселянія подспрекнулъ меня. „Правда ваша“ — сказалъ я съ припворнымъ вздохомъ: „сколь-

ко шеперь честныхъ людей въ рубищъ, часно изъ одного полько благоразуміа.“ Я пакъ сказала эши послѣдніа слова, что хозлева могли пошчасъ примѣнишь ихъ ко мнѣ. Тупъ пракширщикъ, жена его, служанка и конюхъ спали смолрѣшь на меня еще внимательнѣе, и между собою шепшались. Это вниманіе, это шептанье привели было меня въ безпокойство; я бояся, чшобъ не пришлось дорого расквитывавься за мое шщеславіе. Все подавая видъ, будшо я думаю полько о томъ, чшобъ согрѣшылъ, спалъ и вслушивавься въ ихъ рѣчи, и услышалъ ошривисшыя слова: „Ахъ, если бъ это былъ онъ!... да, да, это онъ... шакъ они намъ его описывали... благородная осанка, черные глаза... большой носъ... Это онъ точно!“ У меня замирало ужъ сердце, но вскорѣ я успокоилася. „Я не ошиблася,“ сказала Г-жа Томасъ: „я была увтрена, что эшомъ гражданинъ баринъ. Какое счастье для меня угощашъ шакого чшловѣка... шакого чшловѣка!... Ахъ, сударь, какъ вы хорошо сдѣлали, что не пришли сюда раньше. Вы вѣрно пошъ, кого искали здѣсь жандармы.“ — „Кшо же?“ — „Почему мнѣ знашь? Какой нибудь знапмый баринъ... можете бышь, Принцъ... перодѣшый, пѣшкомъ, безъ свини, даже безъ слуги.“ Меня опять защекошало шщеславіе,

и мнѣ захошѣлось выдать себя за знап...го барина. „Будьте покойны,“ продолжала хозлика: „вы попали не въ дурныя руки.“ — „Да, да“ — шепнула мнѣ усердный пракширщикъ, почши на ухо: — „мы всѣ аристокрашты въ эшой деревенькѣ.— „Ахъ, друзья мои!“ вскричалъ я, увлекаемый шщеславіемъ: „помогите мнѣ, спасите меня.“ — „Ваша милость можете бышь совершенно покойны“ — сказала мнѣ Г-жа Томасъ съ пренизкимъ поклономъ; хозинь, служанка, конюхъ шакже почшишительно мнѣ поклонились. О, какъ забилосъ у меня сердце при эшихъ униженныхъ привѣшшвіяхъ: „Да,“ сказала Томасъ: „у насъ хопъ и ешь народная Управа; но совсѣмъ не по, что въ другихъ мѣстахъ; и Меръ, самъ Меръ смолшъ за правое дѣло.“ — Недавно еще и гусары говорили мнѣ, что они сражаются за правое дѣло: въ междуособыныхъ мятежахъ всякій говоритъ, что правое дѣло на его споронѣ.

Мнѣ подали обѣдъ, надъ которымъ хозинь испошчилъ все свое искусство. Въживосшямъ и привѣшшвіямъ не было конца. Передъ десертномъ хозинь вышель. Лишь полько я поднялся изъ за стола, какъ двери расшворяются, и пракширщикъ, входя, докладываетъ съ важнымъ видомъ о приходѣ гражданина Мера. При эшомъ имени, обя-

ный ужасомъ, уже думаю я, что върломные хозяева изменили своему Принцу; я трепещу, какъ бы дѣйствительно былъ Принцемъ; но Меръ съ униженѣйшимъ поклономъ, спалъ умолялъ *мою святость* принять искреннѣе и почтительнѣе привѣщевія гражданъ. Хотя я оправился нѣсколько отъ своего страха, но думалъ въ самомъ себѣ, что пора кончить эту опасную шутку. Я сказалъ имъ, что напрасно меня принимаютъ за Принца; что я даже не дворянинъ, но бѣднякъ, которому дали пустое, незначительное мѣсто, и которому даже не съ чѣмъ продолжати путь свой для опредѣленія къ должности. Не было уже возможности вывести ихъ изъ заблужденія. Они увѣрены были, что все это говорю я изъ опасенія, и старались разсѣять его изъясненіями величайшаго усердія къ правому дѣлу и преданности ко мнѣ. Съ перваго взгляда, какъ говорили они, поразили я ихъ видомъ благородства, привѣщливости, словомъ, видомъ знатной моей породы. Ничего дѣлать, надобно было поступать, какъ имъ хочется, и правду сказать, я былъ къ тому очень расположенъ. Я рассчиталъ, что уже недолго останусь въ этой деревнѣ, что на другой день, на разсвѣтъ, мнѣ непременно надобно вѣхать, и что, кромѣ развѣ необыкновенныхъ

какихъ нибудь происшествій, ошибка эта не можетъ быть для меня опасна. Послѣ тщетныхъ разувтреній, далъ я имъ наконецъ почувствовать, сколь важно для меня, чшобъ тайна моя никому не была открыта; они общались бытъ скромными. Тогда, однако все съ большою осторожностію, далъ я замѣтить, будто намѣреваюсь опираться въ Вандеку.

Не смотря на обещанную скромность, вскорѣ явилась ко мнѣ жена Мера и еще двое или шрое изъ деревенскихъ старшинъ, копорые, притворяясь будто не знаютъ о моемъ званіи, разсыпались въ вѣжливостяхъ и привѣщиваніяхъ; восхищались каждымъ словомъ моимъ и приходили въ умиленіе отъ моихъ намѣреній столь же благородныхъ, какъ и благошворительныхъ. Вечеромъ Меръ отвелъ меня на сторону. Изъ всего, что говорилъ я ему прежде, повѣрилъ онъ только тому, что мнѣ дѣйствительно нѣчьмъ продолжати дорогу. „Такая знаиная особа, какъ вы,“ сказалъ онъ мнѣ: „не имѣешь на дорогу денегъ! Какой стыдъ для Франціи и для временъ нашихъ!“ Онъ принудилъ меня принять довольно толстый бумажникъ, наполненный ассигнаціями. Признаюсь, что въ моемъ положеніи и при такомъ безденежьѣ, я и самъ не очень затруднился взять бумажникъ, общая

въ самомъ себѣ возвращишь все этому чешскому челоуьку, когда только буду въ сошюаннн. Добрый Меръ заплакалъ отъ удвольствн, видя, какъ милоспнво прннлль я его прншошенн. Это еще не все. Въ сараѣ прахпнрщнка спюлаа почтовая повозка, довольно еще годная; добрые люди прелде очень за меня боялись и хотѣли скрышь меня въ деревнѣ; но когда я сказала, что мнѣ нѣчего бояться, и показала свой паспортъ, который съ именемъ Лорана Жиффара могъ предохранять меня отъ революцннной полицнн и жандармовъ, тогда, согласясь со мною, что нѣтъ опасности ѣхать даље, прахпнрщнкъ вызвался опдашь мнѣ на время свою повозку, и уснльно наспаивалъ, чпобъ я взялъ ее, сколько по прилчню пушенеспвовашь соотвѣтспвенно моему званню, сполько же и для моего спокойствн. Условились такъ, чпобъ Жанъ, конюхъ прахпнрщнка, на рабочнхъ лошадахъ Мера, опнвезъ меня до блнжайшей станцнн. Все прнспунили ко мнѣ съ просьбамн. Я немного поломался, но попомъ успунилъ имъ. Меръ взялъ мой паспортъ, чпобъ сдѣлать на немъ опмѣтку, и былъ чрезвычайно доволенъ, что у меня есть на всякнй случай шакой видъ. Не имѣю нужды сказывать, что изъ числа людей, побывавнхъ у меня въ пошь вечеръ, очень

немноге развѣ не докучали мнѣ просьбамн о разныхъ милоспнхъ, когда перемѣняшь обстояпелствъ; что самъ Меръ просилъ меня вспомншь о немъ, когда я буду опяшь спольшь на спепени, достойной моей знатной породы; что я слушалъ всѣхъ благосклонно, и далъ общанне Меру и прахпнрщнку опредѣлншь ихъ къ лучшимъ должностямъ въ моемъ домѣ. Наконецъ, измученный прннпшою ролею, говори беспреспанно, что ѣду на другой день рано поушпру, попросилъ я позволенн оставншь всѣхъ и удалншься. Они побоялись надоесть мнѣ. Хозянн и жена его бросились мнѣ свѣпншь и проводили меня съ большою почтнпелнсноспю въ мою комнату.

Я спалъ немного; не смотря на блестящее положенн, къ кошорому меня прннудили, и въ кошорое вдался я и самъ, путала меня мысль, нѣтъ ли въ числѣ эпнхъ крестьянарнспократовъ какого ннбудь лазупщнка. На разсвѣтъ дня я вспалъ. Весь домъ былъ уже на ногахъ; рабочн лошади, заложенны въ повозку, спюли у крыльца: конюхъ Жанъ, одѣннй по дорожному, помахивалъ своею плепкою; прахпнрщнкъ, жена его и служанка прощались со мною очень шрогашельно; гражданинъ Меръ, вставши гораздо ранѣе обыкновеннаго, прншелъ по-

желать добраго пути моей свѣтлости. Я поѣхалъ, наказыавъ много въ благодарности добрымъ людямъ, и надѣлавъ имъ шьму обѣщаній. Приѣхавъ на первую спанцію, я челъ себя обязаннымъ излишь щедрости свои на Жана, и далъ ему на водку по-княжески. Онъ увелъ лошадей, а повозку мнѣ оставилъ.

И вотъ я въ хорошей почтовой повозкѣ, съ бумажникомъ, набитымъ ассигнаціями, въ карманѣ. Уже покушался я перемѣнить направленіе, и ѣхалъ въ Парижъ; но по извѣстіямъ, какія дошли до меня, разсудилъ, что шамъ нѣтъ шѣхъ удовольствій и пособій, какія всякой находилъ прежде; что, вѣроятно, я буду шамъ болѣе въ опасности, нежели гдѣ либо; что гораздо лучше для меня вступилъ сначала въ Провіантскій штабъ, и что съ моими способностями, съ моею дѣятельностію и покровительствомъ Полковника Дериньи, конечно я сдѣлаю себя шамъ славную дорогу. И такъ я отправился далѣе.

Тщеславіе, которое во мнѣ раздражили, не покидало меня и въ дорогѣ: добравшись къ упру, не помню, до какого-то мѣсячка, я предсказывалъ въ немъ значнаго чловѣка; говорилъ ошривисто, повелительно; жаловался, что передовой мой захворалъ отъ усталости на ночлегѣ. Едва произнесъ я послѣднія слова, какъ шракширналъ служанка

вышла, и возвратилась съ добрымъ высокимъ парнемъ, который, казалось, былъ ей очень по сердцу. Она предложила его мнѣ на мѣсто моего передоваго, ручаясь, какъ за себя, что онъ будетъ очень хорошъ, потому что онъ ея шурина. „Почему жъ не взять себя слугу? подумалъ я. Въ жизнь мою не случалось, чтобъ кто нибудь мнѣ прислуживалъ; попробуемъ.“ Я спалъ рапрашивавъ Жозефа — такъ назывался шурина служанки. Онъ показался мнѣ малымъ простымъ, легковѣрнымъ, немного любопытнымъ и болтливымъ. Я предложилъ ему шакую плату, что онъ чуть не вспрыгнулъ отъ радости. По условію, надлежало ему ѣхать впередъ, и я далъ ему денегъ безъ счету для найма лошадей. Щедрость моя, небрежность на ассигнаціи, какъ будто бы имъ у меня не было перевода, мой важный видъ, ошривистыя рѣчи, все это внушало слугѣ моему большое ко мнѣ уваженіе, которое увеличилось на каждой спанціи, гдѣ онъ ожидалъ меня.

Вечеромъ, часа въ четыре, приѣхалъ я въ одну деревеньку. Передовой уже былъ шамъ и заказалъ мнѣ въ лучшемъ шракширѣ обѣдъ. Я вѣзжалъ шройкой, и не былъ удивленъ, что все жителѣ выбѣжали за ворота на хлопанье бичемъ моего почтальона: это

бываешь обыкновенно во всѣхъ деревняхъ Франціи, когда прѣзжаетъ кто нибудь познатише; но какъ былъ я изумленъ, когда пракширщикъ, провожавшій меня съ большою почтительностію до назначенной мнѣ комнаты, пришелъ послѣ доложивъ, что гражданинъ Меръ желаетъ имѣть честь быть мнѣ представленнымъ. „Вотъ тебѣ на!“ думалъ я: „неужли мнѣ надобно имѣть дѣло со всѣми Мерами, гдѣ только придется ѣхать. Не примушь ли меня опять за Принца?“

Совсѣмъ не то: ожидали какого-то народнаго Представителя, который долженъ былъ проѣхать черезъ деревню. И мой простоватый слуга забралъ себя въ голову, что я долженъ быть этакъ Представитель. Вотъ судьба! въ прежней деревенькѣ, куда пришелъ я пѣшкомъ, безъ гроша денегъ, въ пыли и почти въ рубищѣ, приняли меня за Принца; въ этой, видя меня въ почтовой повозкѣ съ передовымъ, принимающъ за депутата. Гражданинъ Меръ привѣтствовалъ меня ораторскою рѣчью, и просилъ сдѣлать милость остаться на нѣсколько часовъ. Онъ зналъ, что Представитель, съ которымъ имѣешь счестъ говорить, папріотъ столь же справедливыи, какъ и ревностный, республиканецъ строгій, и въ то же время милоспи-

вый. „Гражданинъ Представитель!“ сказала онъ мнѣ: „оспанишься съ нами до завтра; въ малое время можешь вы сдѣлать много добра.“ Мнѣ шакъ правило было нѣкогда Принцемъ. Молодость, въпренность, ни крошечки спраха — почему жъ, думалъ я, не сыграшь и депутата? Зачѣмъ разувѣряшь гражданина Мера? Однако я довольствовался сказать ему, что очень шоропаюсь; что служба Республикѣ призываетъ меня къ другимъ назначеніямъ; что я остановился шолько пообѣдать наскоро, и пошомъ немедленно отправляюсь. Вдругъ передъ окнами начинается страшная пальба: жители вздумали стрѣлять въ честь Представителя. Черезъ минушу ввели ко мнѣ шолпу молодыхъ дѣвушекъ: онѣ принесли цвѣтовъ гражданину Представителю. Какъ же отказать? Я вдался въ обстоятельство, какъ и въ прежней деревенькѣ: сдѣлался любезенъ и внимательенъ съ дѣвухами, ласковъ инисходительенъ съ Меромъ, котораго правила казались мнѣ чисты и разсудительны. Наконецъ согласился я и оспанься на цѣлый день въ деревнѣ. Но почти пошчасъ за дѣвухами, послѣдовала депутация революціоннаго Комитета. При этомъ имени я запрелпешалъ; почувствовалъ всю опасность роли, къ которой меня принудили. Однако не

время уже было трусить: я собрался съ духомъ, рѣшился призвать на помощь всевозможную наглость, и поддерживать свое ложное званіе. Гражданинъ Меръ, при докладѣ объ этой депутаціи, почти также дрожалъ, какъ и я; и прежде, нежели ввели господъ членовъ, онъ успѣлъ мнѣ сказать, что это настоящіе демагоги, заключившіе по подозрѣнію уже пятерыхъ или шестерыхъ честныхъ людей и лучшихъ патріотовъ.

Депутація вошла. Послѣ сдѣланныхъ мнѣ привѣтствій, явно неискреннихъ, я увидѣлъ, что г-да члены бросаютъ суровые, даже злобные взгляды на Мера. Играя все какъ нельзя лучше свою роль, сказалъ я ко всѣмъ присутствовавшимъ гражданамъ рѣчь весьма сильную; сказалъ, что немедленно хочу имѣть отъ Мера отчетъ въ его управленіи, и такой же отъ Комитета въ его дѣйствіяхъ. Между тѣмъ какъ Меръ послалъ за своимъ письмоводителемъ, ж одинъ изъ членовъ депутаціи пошелъ за журналами Комитета, Президентъ оповѣлъ меня въ сторону и сталъ наговаривать на Мера — что онъ федералистъ, принадлежитъ къ партіи умѣренныхъ; что Комитетъ не смѣлъ взять на себя никакихъ мѣръ противъ него, какъ лица чиновнаго, а ожидалъ только моего прибытія, чтобы испросить смѣны его и

даже заключенія въ тюрьму. „Всѣмъ воздастся по справедливости!“ — ошлѣчалъ я.

Требуемые отчеты принялъ я съ важнымъ видомъ. Узнавъ, что жены и родственники заключенныхъ въ тюрьму желаютъ говорить со мною, объявилъ я, не смотря на большое сопротивленіе Президента, что говорю ихъ выслушать. Они представлены мнѣ были въ сосѣдней комнаѣ, и всѣмъ имъ умѣлъ я сказать, что нибудь въ надежду и утѣшеніе. Помощь я опустилъ ихъ, увѣривъ, что не медля ни минуты, примусь разсматривать поданныя отъ нихъ просьбы. Возвратясь къ членамъ Комитета, я спросилъ у нихъ до малѣйшей подробности о заключенныхъ; подобные же вопросы сдѣлалъ потомъ и Меру, и какъ этакъ честный человекъ не смѣлъ говорить всего, что было у него на сердцѣ, то я ободрилъ его. И тогда-то открылся мнѣ всѣ благородные поспунки революціонныхъ гражданъ. Они вздумали возражать; я подстрекнулъ Мера, чтобы онъ не уступалъ имъ. Когда же показалось мнѣ, что довольно уже все объяснилось, я опустилъ ихъ всѣхъ, объявивъ, что буду присутствовать въ народномъ собраніи, куда приглашалъ меня Меръ.

Кликнувъ Жозефа, который, по счастью, умѣлъ писать, я сдѣлалъ его временнымъ се-

крепаремъ своимъ. Вдвоемъ написали мы приказъ, въ шакомъ видѣ, что представивель народа Д***, посланный по порученіямъ предписываетъ, во-первыхъ: освободить изъ заключенія гражданъ шакихъ и шакихъ: я не забылъ ни одного изъ сказанныхъ мнѣ честнымъ Меромъ. Во-вторыхъ: посадишь въ шюрму за самовольные поступки гражданъ шакихъ и шакихъ; я не забылъ ни одного изъ членовъ революціоннаго Комитета. Въ заключеніи предоставлялъ я Меру распорядиться немедленно въ слѣдствіе даннаго приказа, и имѣлъ безстыдство подписать имя, какое пришло мнѣ въ голову.

Меръ, получивъ мое предписаніе, не замедлялъ привезти его въ исполненіе. Онъ собралъ пошчасъ всю вооруженную силу, состоявшую изъ нѣсколькихъ гражданъ мѣшечка, и съ шакою же заботливостію отвелъ въ шюрму жестокыхъ членовъ Комитета, какъ и вывелъ изъ нея въ пріумѣ бѣдныхъ узниковъ, которые немедленно возвращены были въ среду семействъ своихъ. Кто помнитъ безпорядки и смѣшеніе властей въ 1793 году, шомъ конечно не подивился шакому происшествію въ маленькой деревенькѣ Фландрии.

Послѣ шакого подвига, мнѣ хотѣлось было поскорѣе дать тлгу; но надлежало

еще принять Мера и освобожденныхъ узниковъ, пришедшихъ изъливши свою благодарность; надлежало, по обѣщанію, присушествовать въ народномъ собраніи. Тутъ я распротспранился о добродѣтеляхъ, какими долженъ обладать истинный республиканецъ; говорилъ, что всякій добрый гражданинъ обязанъ соединять любовь къ отечеству съ челоуѣколюбіемъ и справедливостію. Рѣчь моя заставила слушателей проливать слезы. Меръ и главнѣйшіе обитатели мѣшечка вмѣнили себя въ особую честь дать мнѣ славный ужинъ въ шомъ же шракширѣ, гдѣ я ошпановился. Въ забывчивости ошъ избышка своего челоуѣколюбія, совѣмъ не помышлялъ о слѣдствіяхъ, какія могутъ произойти ошъ моихъ поступковъ, которые, хотя сами по себѣ были благошворительны, но слишкомъ преспунны по формѣ, какую осмѣлился я дать имъ. Всѣ эти послѣдствія вдругъ пришли мнѣ въ голову, когда я садился за столъ. Однако я не потерялся, выдержалъ до конца свою роль; предлагалъ пошпы за пошсами, изъ которыхъ одинъ передъ другимъ ошличался болѣе ревностнымъ патриотизмомъ, и за каждымъ раздавались шумныя, радостныя восклицанія. Къ концу ужина приказала я Жозефу позаботиться, чтобы въ при часа ушра были готовы для меня поч-

повыя лошади. „Представитель народа не долженъ знать покоя“ — сказала я своимъ зашольнымъ: — „не раскаяваюсь, радуюсь даже, что уступилъ просьбамъ вашимъ, но не премѣнно долженъ ухватъ передъ разсвѣтомъ. Опять начались было просьбы, но я прервала ихъ словами: „Не крушиться, я возвращусь къ вамъ . . . да, я скоро возвращусь, чшобъ увидѣться съ любезными мнѣ гражданами мѣстечка ***.“ — Распростиась съ ними, я ушла.

Тутъ спалъ я еще меньше, нежели въ прежней деревенькѣ. Мнѣ казалось, что гораздо опаснѣе представлять депутата въ странѣ патріотической, нежели Принца между аристократами. Граждане долго оставались еще за столомъ послѣ меня; долго ошдавались въ ушахъ моихъ веселыя пѣсни и смѣхи; наконецъ они разошлись, и все утихло въ практирѣ.

Ударило два часа; я вздохнулъ свободнѣе. Скоро буду я уже далеко отъ сей страны, въ которой шакъ много подвергался опасностямъ. Вдругъ, посреди безмолвія ночи, послышалось мнѣ вдалекѣ хлопанье бичемъ почшара, а немного погодя, и топотъ скачущей лошади. Лошадь оспанаавливается у дверей практира; начинаютъ сильно стучать, и по разговору, какой начался между пріѣзжими и хозяевами,

узнаю, что это передовой настоящаго Представителя, который и самъ не замедлилъ явиться. Боже мой! Боже мой! Меня обдало холоднымъ попомъ. Всакиваю съ спсели, одѣваюсь наскоро, ошущью. Хозяева спорили долго, не ошворяя дверей; наконецъ ошперли, и споръ возобновился. Вскорѣ являенся ко мнѣ мой вспревоженный Жозефъ, и въ большой досаду сказываешь, что какой-шо мошенникъ выдаешь себя за передоваго, посланнаго отъ Представителя. Онъ спрашиваетъ у меня: что это значить? Въмѣсто ошвѣща, я приказываю ему бѣжать спремглавъ на почшу и велѣть, какъ можно скорѣе, заложить повозку мою. Онъ пошелъ; я схожу внизъ, и вижу весь практирный причетъ, едва продравшій глаза, въ ужасномъ спорѣ съ передовымъ, который, вѣроятно, и самъ дремалъ всю дорогу, и шущъ съ просонья не могъ ничего понять изъ расказовъ окружающихъ его людей, которые утверждали, что настоящій Представитель пріѣхалъ еще вчера, и покойно спитъ во шпоромъ вшажѣ. При моемъ появленіи, вдругъ все умолкло. Всѣ кланяются; самъ бѣдикъ передовой, казалось, оробѣлъ и смошрѣлъ на меня съ большою почшительностію. Я начинаю спрашивать его повелительнымъ и важнымъ тономъ. Онъ зашпинаешся, не мо-

жешь опвѣчать мнѣ. Между пѣть проворный Жозефъ исполнилъ, какъ нельзя лучше, мое приказаніе, и пришелъ доложитъ, что лошади готовы. Я приказываю прапширщику взять подъ присмотръ прѣзжаго, названнаго себя передовымъ, и господина его, когда онъ явится; а на другой день, рано поутру, объявишь о томъ гражданину Меру, которому при томъ изъявишь отъ меня искреннюю и самую патріотическую преданность. Попомъ сажусь въ повозку; изъ предосторожности, сажая рядомъ съ собой и слугу: шупъ за мною и сѣдъ проспыхъ.

Послѣ узналъ я, что Представитель, котораго мѣсто занималъ я, и который прѣхалъ занявъ мое, былъ, къ счастью, человекъ умѣренныхъ мнѣній; что онъ сперва посердился, но потомъ смѣялся отъ души всему случившемуся; что Меръ и освобожденные мною изъ шюръмы не были попревожены; и что все распоряженія мои были утверждены, такъ, что члены революціоннаго Комитета осматривались въ шюръмы во все опасное время злѣрства, и не могли сами посадить въ шюръму никого.

Съ Франц. Вл.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Отвѣтъ на Критику *Замычаній о родахъ Грамматическихъ въ языкъ Русскомъ.*

(Окончаніе.)

Стр. 54. „На страницахъ 196 и 197 опять сдѣлано страшное раздѣленіе шипящихъ буквъ: сначала Авторъ утверждаетъ, что правильнѣе было бы послѣ ж и ш писать всегда ѣ (даже въ словъ: дѣлаешь!), а потомъ говоритъ, что „едва ли правильно пишутъ ѣ послѣ ч и щ въ именахъ мужескаго рода, ибо послѣ сихъ согласныхъ всегда слышенъ мягкій звукъ, а не твердый: мечъ и рѣчь, лець и вещь совершенно одинаково произносятся.“—А ножъ и ложъ, пустошь и кокошь равномѣрно произносятся одинаково, и точно также, какъ мечъ и рѣчь, лець и вещь: почему тамъ писать должно ѣ, а здѣсь ѣ?“ Ножъ и ложъ, пустошь и кокошь произносятся одинаково, но не такъ какъ мечъ и рѣчь, лець и вещь; я объяснялъ уже, что послѣ ж и ш всегда слышна буква ѣ, а послѣ ч и щ буква ѣ; правописаніе же должно сколько

возможно сближаться съ произношеніемъ (8). Г. Крипикъ напрасно смѣшиваетъ буквы *ж*, *ш* и *ч*, *щ*: пусть онъ всё *щипація*; но двѣ первыя изъ нихъ суть *зубныя*, а двѣ послѣднія — *язычныя* (Грамм. Ломон.); пошуму-то онъ имѣють различное произношеніе; пошуму-то шребують послѣ себя различныхъ буквъ (*ъ*, *ь*); пошуму-то я раздѣлялъ ихъ. — „По моему мнѣнію, въ должно пи-

(8) Хорошо ли напр., что выучившійся Англійскому языку по книгѣ, не въ состояніи понимать разговора Англичанъ? Такъ далека Орѳографія ихъ отъ Просодіи! Языкъ народа непрестанно измѣняется: мы говоримъ не такъ, какъ предки наши, потомки наши не такъ будутъ говорить, какъ мы говоримъ. Выѣсшъ съ себѣ перемѣною Просодіи должна шесшивать и Орѳографія; по крайней мѣрѣ, она должна прблпашьясь къ оной сколь возможно. Не ужѣ ли, для сближенія съ Орѳографіею предковъ нашихъ (отъ которой мы однако жъ въ весьма многихъ случаяхъ отступили), мы должны зашруднѣть изученіе прекраснаго, но и безъ шого не легкаго языка нашего? Мы хотимъ сохранить *ихъ* Орѳографію (которая, вѣроятно, была не въ спорѣ съ Просодіею ихъ) — она сохранилась въ древнихъ писаніяхъ. Передадимъ-же и пошумкамъ нашимъ свѣденіе о нашей Просодіи; а сіе сдѣлать можемъ не иначе, какъ сблизѣть съ нею нашу Орѳографію. *Сог.*

сать въ именахъ женскаго рода, въ именахъ мужскаго.“ Я и не отшвергалъ сего правописанія, многими давно ужѣ принятаго; а доказывалъ шолько, что оно неправильно и мало дѣлаеть помощи для различенія родовъ, такъ что необходимо должно изчислить всё имена женскаго рода, кончаціяся на *жъ*, *шъ*, *чь*, *щъ*, дабы умѣть отшличать ихъ отъ мужскихъ (9). — „Различіе, предлагаемъ Г. Авторомъ (говоря о мужчинахъ писать *чь*, а о женщинахъ *чь* Г-нъ Богдановичъ и Г-жа Богдановичъ) вѣроятно, сдѣлано имъ изъ шутки.“ Я не предлагаю такого различія, а гово-

(9) Кшаша замѣчу еще о сихъ окончаніяхъ. Положимъ, что именишльный падежъ непременно должно оканчивашъ на *ъ* въ именахъ мужскаго рода, и на *ь* въ именахъ рода женскаго; но какимъ образомъ будемъ оканчивашъ мы родительный падежъ множешвеннаго числа въ именахъ на *жа*, *ша*, *ча*, *ща*? Не ужѣ ли, напр. должно писать *вельможъ*, пошуму что *вельможа* мужскаго рода, и *госпожь*, пошуму что *госпожа* рода женскаго? Какъ оканчивашъ родительный падежъ именъ средняго рода на *е*, *ше*? Я видаль ужѣ, что нѣкоторые пишуть: *капиць* (капище)! Какъ будемъ писать слова, другимъ часшамъ рѣчи принадлежація, напр. *противъ*, *однакожь*, *лишь* (я видаль ужѣ: *однакожь*)?

риль, что оно будешь необходимымъ сѣдшвиѣмъ правила: пишешь ѣ въ мужескихъ именахъ и ѣ въ женскихъ — правила, котораго многіе держатся. Какая-жь штука? — „Г-жа Богдановичъ, вопервыхъ, не говорит-ся.“ Выше я доказалъ, и кажешся достапо-чно, что *говорится*. — „Вовторыхъ, въ родительномъ падежѣ (по правилу Автора) нельзя сказать Г-жи Богдановичи.“ Авторъ никогда и нигдѣ не предлагалъ шакого правила, чшобы въ родителномъ падежѣ говорить: Г-жи Богдановичи! О фамильныхъ именахъ, иностранныхъ всѣхъ вообще и Русскихъ, оканчивающихся на а, о, ѣ, на спр. 174^я сказано мною именно сѣдующими словами: *онѣ принадлежатъ также къ общему роду; но тѣмъ отличаются отъ вышесказанныхъ обшихъ именъ, что въ женскомъ родѣ не склоняются, хотя бы и склонялись въ мужескомъ.* Не ясно ли здѣсь я сказалъ, что женскихъ фамилій (вышесказанныхъ) склонять не должно? — Мы говоримъ: Графъ Осперманъ, Графа Оспермана, Графу Осперману и ш. д., шакже Г-нъ Богдановичъ, Г-на Богдановича, и Г-ну Богдановичу и ш. д.; но говоря о женщинахъ, скажемъ: Графиня Осперманъ, Графини Осперманъ, Графинѣ Осперманъ и ш. д., а не: Осперманова, ой и пр., шакже: Г-жа Богда-

новичъ, Г-жи Богдановичъ, Г-жѣ Богдановичъ и ш. д., а не: Богдановичева, ой и пр. (и не: Богдановичи, и, ѣ, ею, какъ меня заспавляешь говорить Крипикъ). — „Если же мы станемъ писать во второмъ лицѣ глаголовъ ешь и ишь, то совершенно ниспровергнемъ начала Русской Етимологии. Тогда въ Псковской Губерніи станутъ писать, по тамошнему произношенію, *хѣдить, нѣсить, вѣлѣсто: хѣдитѣ, носитѣ.*“ Псковская Губернія не можешь давать законовъ Русской Грамматики. Самымъ чистымъ нарѣчіемъ языка Русскаго почитается Московское; а въ Москвѣ говорятъ: *хѣдишь, носишь, ходитѣ, носитѣ.* И почему опъ ешаго ниспровергнушя начала Русской Етимологии? Еще знаемъ ли мы ихъ? или, покрайней мѣрѣ, всѣ ли сѣи начала намъ извѣстны? (Я по крайней мѣрѣ, чѣмъ болѣе вникаю въ языкъ нашъ, тѣмъ болѣе вижу, что я еще не знаю коренныхъ началъ онаго). Не сѣдуетъ ли намъ подвергнушь спрѣжайшему разсмотрѣнію нѣкоторыя изъ шакъ называемыхъ началъ? Напр., чѣмъ докажешь Г. Крипикъ, что: пишешь ѣ во второмъ лицѣ глаголовъ, ешь основное непреложное правило нашей Етимологии (что иное можно выве-сти изъ словъ Крипика)? Тѣмъ, что мы съ давняго времени шакъ пишемъ? Но мы шакъ

не говоримъ, а можешь бышь, и никогда не говорили. Славянскимъ окончаніемъ и (еши, иши), которое должно было превратиться въ ѣ чрезъ сокращеніе? Но послѣ ии (также и послѣ ж) всегда слышна буква ѣ, которая превращается въ ѣ чрезъ сокращеніе (еши, иши). Опять повторю: что пошеяешь ошь ешаго Етимологія? Запруднятся ли правила оной? Напротивъ, она выиграешь въ семь отношеніи. Посмотрише на начинающихъ, на дѣшей: они почти всегда пишутъ ѣ во второмъ лицѣ глаголовъ. Ошь чего? Ошь того, что слышатъ твердую букву, а не мягкую. Попробуйте произнести ѣ послѣ буквы ии (или ж): какой выйдетъ спранный звукъ (іо).

Спр. 55. „Въ числѣ (развѣ: изъ числа) именъ женскаго рода, кончающихся на жь, чь, шь, щь, во первыхъ можно бѣ было исключить отвлеченныя, какъ мною сказано выше, кои, по существу своему не могутъ быть роду мужскаго.“ На стр. 39^й Г. Крипикъ говоритъ, что отвлеченныя имена суть большею частію женскаго рода (епо

(іо) Безспорно, что звуки жь, шь, существующею, такъ какъ и ѣ, щь, и жя, шя, ѣя, щя и проч.; но вы не ошмыщете ихъ въ Русскомъ языкѣ. Сог.

и мною сказано на стр. 176^й); на стр. 53^й онъ же говоритъ, что *есть* имена отвлеченныхъ предметовъ, кончающихся на жь, чь, шь, щь, суть безъ исключенія рода женскаго, и повторяешь сіе на стр. 55^й, ссылаясь на 39 стр. (словами: по существу своему): не явное ли здѣсь разногочіе? — А почему я не выключилъ отвлеченныхъ именъ, о томъ я говорилъ на стр. 196^й и 197^й, и скажу еще здѣсь—ниже. — „Вотърыхъ, весьма странно мнѣ было найти, въ числѣ исключеній, слово дочь, когда выше сказано опредѣлительно, что *есть* имена, означающія предметы женскаго пола, суть рода женскаго.“ Точно странно бѣ было, если бы я оглавилъ таблицу именъ сихъ (а не исключеніе, какъ называешь оную Крипикъ) таблицей именъ незначающихъ половъ. Въ пользу начинающихъ и иноспрянцевъ я желалъ высавить *есть* имена женскаго рода, кончающихся на жь, шь, чь, щь, и пошому долженъ былъ помѣстить слово дочь.

Спр. 55. „Въ приложеніи девятомъ, Авторъ весьма справедливо жалуется на странность нашей Орфографіи, повелѣвающей писать имена прилагательныя среднего рода во множественномъ числѣ съ женскимъ, а не съ мужскимъ окончаніемъ, и предлагаетъ оканчивать оныя во всѣхъ

родахъ на *ыя*. „Я предлагалъ оканчивашъ оныя или 1-е: въ мужескомъ и среднемъ родахъ на *ые*, а въ женскомъ на *ыя*, или 2-е: во всѣхъ родахъ и на *ые*, и на *ыя* по произволению — и доказывалъ, почему то или другое принять можно. — „Многіе писатели жаловались на сіе нелѣпое уклоненіе отъ общихъ правилъ аналогіи; нѣкоторые старались исправить оное, но не успѣли. *Usus est tyranus!*“ Я знаю только одного Писателя, который старался исправить сіе уклоненіе; это Тредьяковскій. Причину, почему онъ не успѣлъ въ своемъ намѣреніи, отгадать не трудно: онъ оканчивалъ прилагательныя въ мужескомъ родѣ на *и*, въ женскомъ на *е*, въ среднемъ на *я* (Славянскія окончанія сущь: *и* въ мужескомъ, *я*, *ыя* въ женскомъ, *а*, *я*, иногда *я* въ среднемъ), слѣд. вводилъ безъ нужды прешье окончаніе. Но я увѣренъ, что если бѣ два—при Журналиста захотѣли писать средній родъ одинаково съ мужескимъ, то многіе бы спали подражать имъ, и нелѣпое уклоненіе скоро бѣ исправилось. — „Только я не соглашусь съ Авторомъ, что нужно употреблять окончаніе *е* вмѣсто *я*, или *я* вмѣсто *е* для рѣзвмы, и въ прозѣ для пріятности и плавности словотеченія: *я*, не имѣя надѣ собою ударенія, произносится почти точно

такъ, какъ *е*.“ Я сказалъ: я думаю, что можно, а не: нужно. — Справедливо, что *я* безъ ударенія произносится почти какъ *е* (что и я сказалъ въ двухъ мѣстахъ на стр. 202^б); но въ декламаціи, особенно въ стихахъ, на театрѣ, когда мы произносимъ слова громко, *е* и *я* въ окончательныхъ слогахъ ощущительны слуху.

Спр. 56. Въ заключеніи Г. Кришикъ говоритъ: „Оканчиваю здѣсь сужденія мои о статьѣ Г. Калайдовича, усерднымъ благодареніемъ ему за общепользныя его замѣчанія. Надѣюсь, что онъ не погнѣвается на мои замѣчанія, сдѣланныя съ искреннимъ желаніемъ способствовать успѣхамъ изученія языка отечественнаго.“ За что гнѣвашся! Напротивъ, говорю искренно, я весьма благодаренъ Г. Кришику за то, что онъ указалъ мнѣ нѣкоторыя мои ошибки, и за то, что онъ еще болѣе утвердилъ меня въ нѣкоторыхъ моихъ мнѣніяхъ, обративъ (возраженіями своими) особенное вниманіе мое на спорныя пункты. Я прошу его продолжать разборъ спашей моихъ: ибо, осмѣлюсь сказать, что меня одушевляешь одинакое съ нимъ желаніе — желаніе пользы соощичамъ, и поному всякое дѣйствіе моему желанію будетъ мнѣ прилично, и я приму оное съ благодарностію. — Заключаю

мой отвѣтъ заключеніемъ самого Крипика:
*„Впрочемъ я излагаю только свои мнѣнія,
 а отнюдь не выдаю ихъ за непреложныя
 правила: можетъ быть, въ моемъ письмѣ
 больше ошибокъ, нежели замѣчаній.“*

Иванъ Калайдовичъ.

III.

ВОЕННОЕ ИСКУСТВО.

О ВОЕННОМЪ ГЛАЗОМЪРЬ.

Мѣстоположеніе, говоритъ Лойдъ, можно сравнить съ физиономією людей. Нѣтъ двухъ лицъ, совершенно похожихъ одно на другое; нѣтъ двухъ мѣстностей сходныхъ между собою. Генералъ съ врожденнымъ дарованіемъ, постигаетъ малѣйшія измѣненія мѣстоположенія, пользуется ими сообразно съ своими намѣреніями, извлекаетъ все то, что извлечь можно. Люди, у коихъ, вмѣсто природнаго дара, нѣсколько навыку — не умѣютъ даже оцѣнить мѣстности, не умѣютъ различить сильной и слабой ея части. Они долгопамятны, и ищутъ сходства съ той позиціей, на которой нѣкогда сражались удачно. Разнообразіе новой пугаетъ ихъ, и являетсяъ

препоны ихъ намѣренію. *Одни* постигаютъ и властвуютъ мѣстностью — *другие*, не понимая, дѣлаются невольниками оной.

Способность удачно опгадывашь разсполніе двухъ предметовъ, вѣрно занявъ мѣсто для рогы, башаліона, полка, называють у насъ *глазомѣромъ*. Но глазомѣръ сей есть глазомѣръ жалонеровъ, ливійныхъ унтеръ-офицеровъ. — Глазомѣръ въ настоящемъ военномъ смыслѣ есть дѣйствіе ума, быспро постигающаго мѣстоположеніе, есть способность мгновенно узнать всё средства мѣстности, оцѣнить ихъ въ сложности и познать значительность каждаго предмета порознь. —

Между Топографією и глазомѣромъ есть различіе: Топографія есть физическое познаніе мѣста; глазомѣръ есть соображеніе — слѣдовательно дѣло умственное. Глазомѣръ измѣряетъ вмѣстѣ и пространство и время.

Чтобы постигнуть всю важность сей способности, нужно вспомнить, что дѣйствія войскъ основаны на соображеніи пространства, времени, числа войска и ихъ рода. Быспроша и вѣрность сего соображенія — есть глазомѣръ. Испинный глазомѣръ заключаетъ хоть искру гения; безъ него нельзя производить и измѣнять предположенія

до безконечности, судя по множеству встречающихся обстоятельствствъ. —

Глазомѣръ долженъ опредѣлять:

1. Пространство, которое по роду и числу войскъ занять должно, и на оборотъ, число и родъ войска, которое должно ввести въ дѣло на данномъ пространствѣ.

2. Движенія войскъ, зависящія отъ отношенія пространства къ времени, необходимому для занятія извѣстной позиціи.

3. Выгоды отъ разнообразія мѣстности, и, е. отъ употребленія каждой части оной въ свою пользу.

Глазомѣръ познаетъ сложность всѣхъ обстоятельствствъ; онъ постигаетъ мгновеніе грознаго покоя — (le moment du terrible silence), какъ выражается учитель военныхъ людей, Наполеонъ. Онъ ловитъ и по мгновеніе, которое должно рѣшить судьбу сраженія. — Сіе ужасное мгновеніе существуетъ, когда въ самомъ пылу боя, упорство и ожесточеніе въ равной степени одолиа обѣими сторонами. Когда успѣхъ обоихъ войскъ въ совершенномъ равновѣсіи — въ сіе самое время новая мысль — горсть резерва — неожиданная масса артиллеріи рѣшитъ дѣло. — Нѣсколько минутъ ранѣе, нѣсколько минутъ позже, равно гибельны. Даръ избрать и сіе время и ищущую точку, (le point critique) — есть

высокій даръ — есть достойное великаго Полководца. Съ нимъ передъ строемъ непріателя можно сдѣлать множество быстрыхъ, хорошо направленныхъ движеній, — которые рѣшатъ дѣло — съ нимъ можно начать — и не докончить, не подвергая себя опасности. — Недоспашокъ сего важнаго дарованія, чуждость въ обладаніи мѣстностью бываетъ причиною сомнѣнія и нерѣшительности, которая замѣтна въ бѣльшей части сраженій. Кто не можетъ измѣнять своего соображенія подъ ядрами, въ томъ примѣненъ недоспашокъ мгновеннаго, хладнокровнаго глазомѣра; въ томъ видна душа робкая, удобоприводимая въ опчаяніе. Съ перемѣною обстоятельствствъ должны перемѣняться соображенія боя. Рѣдко сраженіе бываетъ сходно съ предположеніями. Часто первое, второе движеніе непріателя испровергаетъ все, изгнвленное въ умѣ Военачальника. Ошибка, или быстрое соображеніе въ мысляхъ, есть достоинство Начальника — и ручательство въ скоромъ перевѣсѣ; но иные не смѣютъ двинуться; они прикованы и къ прежнему мѣсту и къ прежней мысли. Они не въ состояніи сообразить, позволить ли имъ время къ пространству сдѣлать движенія необходимыя — рѣшительно торжествующія. Умственность иныхъ обезоруживается при нер-

вомъ дѣйствиі непріятеля, если оно только неожиданно и несходно съ шѣми предположеніями, который *дальнобидный* Начальникъ предначерталъ для своего *противника*. — Иные даже не успѣють замѣнить сего ужаснаго убійственнаго бездѣйствія, въ кошорое искусный прошивникъ готовитъ нѣчто рѣшительное, великое, которое пропустишь — губительно, ворошишь — невозможно....

Много Генераловъ, хорошо соображающихъ на каршѣ подъ шапромъ, въ благородномъ разстояніи перехода ошѣ непріятеля. Мало хорошо соображающихъ въ дыму, подъ ядрами, въ полѣ. Первымъ приходитъ въ мысль множествво воображаемыхъ предположеній, изъ кошорыхъ часто прошивникъ не исполнишь ни одного; у вторыхъ, въ самомъ огненномъ бою, превосходный глазомѣръ быстро ловитъ внезапный обстоятельство; мѣритъ время, пространство, и самонадѣтельно опредѣляетъ средства. —

Вотъ важность глазомѣра. Теперь слыдуешь вопросъ (кошорый впрочемъ найдешь во всѣхъ учебныхъ книгахъ) — *способность глазомѣра есть ли принадлежность каждаго?...* Лучшій отвѣтъ слова Наполеона: „*иной и видя, не понимаетъ, другой не видя, отгадываетъ.*“ Еще огорчительнѣе знать, что самое пріобрѣтеніе его невозможно.

Природа терпитъ усовершенствованія, но не измѣненія, и шакъ безприсраспный и здравый разумокъ долженъ убѣдиль насъ, военныхъ людей, что можно сдѣлаться кошорымъ офицеромъ, кошорымъ Фрунтовымъ Генераломъ, но нельзя пріобрѣсть способности побѣждать. Одно самолюбіе заставляетъ насъ умножать въ умѣ списокъ Полководцевъ, и первыя два сраженія должны были послужить поучительнымъ урокомъ не въ Военной Наукѣ, а въ познаніи самого себя... но одни служатъ для славы, другіе для собшвенныхъ выгодъ.

Механическая часть глазомѣра пріобрѣтается — охота, боевое ученіе войскъ на разныхъ мѣстностяхъ, познаніе предметовъ мѣстности, обозрѣваемой въ военномъ видѣ — Геометрія — вотъ что ее совершенствуетъ. Что жъ развертываетъ врожденную способность глазомѣра? Маневры, похожіе на истинное дѣло, постиженіе причинъ и послѣдствія дѣйствій, критическій разборъ знаменитѣйшихъ походоѡ, и, скажемъ еще словами Наполеона: „*Взгляните на сраженія Густаѡа Адольфа, Тюренна, Великаго Конде, Люксенбурга, Принца Евгенія, Фридриха.* — *Читайте, обдумывайте описанія сихъ 550 сраженій великихъ Полководцевъ, и вы узнаете, какъ даютъ сраженія.*“

Перев. П. Мухановъ.

ДРЕВНЯЯ ЛИТЕРАТУРА.

О ТРЕХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ ТРАГИКАХЪ.

(Окончаніе.)

Первыя начала Драмагическаго Искусства покрыты густымъ мракомъ. Не станемъ здѣсь исчислять всѣхъ свидѣній о семъ предметѣ, разсыянныхъ въ швореніяхъ Древнихъ; оныя вездѣ можно опыскашь. До Эсхила все оспаешся загадкою. Вообще ему приписываютъ шу чешть, что онъ первый далъ правильный видъ уродливымъ позорищамъ, представлявшимся на празднествахъ Вакха. Его обыкновенно почитаютъ за „personae, pallaeque repertor honestae.“ Другіе именуютъ Софокла. Въ одной Діоскоридовой эниграммѣ сказано, что Софоклъ первый „облекъ въ сла-
 ,,тую одежду Искусство Драмагическое,
 ,,доколь грубое, и взятое имъ на распу-
 ,,тии (*).“ Сіе странное противорѣчіе слышишь новымъ доказательствомъ чудной быспрошны, съ каковою Трагедія достигла сво-го совершенства въ рукахъ Эсхила и Софок-

(*) Br. Anall. T. I, p. 500 Ep. XVIII.

ла, современниковъ и соперниковъ по славъ. Исторія Греческой Трагедіи показываетъ, что она сотворилась какъ бы *невзначай* и *сама собою*, и что Искусство Драмагическое не только не подчинялось тому правильному ходу, каковой, по мнѣнію нѣкоторыхъ, замѣненъ въ его первыхъ опытахъ; но напротивъ того, вдругъ возрасло съ силою и напряженіемъ, нимаго не согласующимися съ постепеннымъ развишіемъ, которое приписывается ему въ дидагическихкихъ нашихъ сочиненіяхъ.

Поэтъ, который въ надписи къ своей спашу (*), не сказалъ ни слова о драмагическихкихъ своихъ сочиненіяхъ, но упомянулъ о томъ, что былъ на битвѣ Мараонской, избличаетъ въ себѣ по свойство строгости и мужественнаго величія, которыми дышантъ его шворенія. Преспаръльый воинъ, видѣвшій бѣгство *длинновласаго Мидянина* (**), былъ Шекспиромъ древности. Ни одинъ Поэтъ не избобразилъ въ такой полнотѣ понятія о силѣ, можно сказать, исполнинской; и какъ только онъ одинъ осмѣлился взять за предметъ Эру божествъ изъ племени Титановъ, шо его только има при-

(*) Br. Annal. II. 523.

(**) Вздужилъ Мѣдоу.

общается къ памяти сихъ первобытныхъ властей, коихъ онъ воспѣлъ послѣдняго сына, прикованнаго къ вершинѣ Кавказа. Изъ прехъ Эсхиловыхъ Трагедій о Промеевѣ, намъ ошлася шолько средня. Потеря двухъ прочихъ есть одна изъ чувствительнѣйшихъ для Словесности. Если бы сія удивительная Трилогія дошла до насъ вполнѣ, то явила бы намъ образецъ драматическаго представленія, по предмету своему и по исполненію, сполцаго на споль высокой степени, о которой намъ трудно даже составить себѣ точное понятіе. Дошедшая до насъ Трагедія блистаетъ красками возвышенными. Эсхиль оплчается ошъ соперниковъ своихъ въ славѣ пѣмъ, что сдѣлалъ изъ своего Промея ивореніе единственное, ни сколько не сходное съ прочими образцовыми произведеніями Греческой сцены. *Мива*, или басня о Промеевѣ, сама по себѣ важна пѣмъ, что нигдѣ многобожіе не отражаетъ въ себѣ споль сильно образа того великаго паденія чловѣковъ, того первобытнаго униженія, коему вся Исторія служилъ шолько непрерывнымъ поясненіемъ. Природа чловѣческая, наказанная за злоупотребленіе свл своихъ, гордость ея, сраженная въ самомъ своемъ источникѣ — символъ разума чловѣческаго, осужденнаго на жестокою казнѣ,

могущаго совершить все, но немогущаго *избѣгнуть своей кары* — все соединено къ шому, чтобы сдѣлать изъ *Мивы* о Промеевѣ, воспѣной однимъ изъ величайшихъ въ мѣрѣ геніевъ, самое прекрасное и вмѣстѣ самое смѣлое драматическое швореніе. Когда же съ сими понятіями, потерпуными въ высшемъ, шавишвенномъ порядкѣ вещей, совокулается дѣйствіе драматическаго представленія, коего всѣ явленія происходятъ на Кавказѣ, Трагедія, въ которой высшія божества (язычниковъ) были дѣйствующими лицами, а предметомъ — умшвенная власть надъ всеаенною; то читатели узнають въ Поэшѣ глубокомысленнаго мудреца, просвѣщеннаго въ важнѣйшихъ пунктахъ вѣрованія по понятіямъ его вѣка. Не трудно выразунъ, что Эсхиль долженъ былъ облечь сей предметъ всѣми преданіями своего времени, преданіями, коихъ вѣрошности не могъ онъ нарушить; можешъ быть, Поэшъ видѣлъ предметъ свой шолько сквозъ шуманъ, коимъ онъ былъ обвншъ, и котораго самъ Эсхиль не могъ совершенно разсѣять.

Я невольню увлекся симъ општупленіемъ о Промеевѣ Эсхиловомъ, потому, что онъ связанъ съ важными и обширными умозрѣніями, кои часто были предметомъ моихъ

изсѣдованій. Тѣ изъ швореній Эсхила, которыми онъ заслужилъ единодушныя похвалы Грековъ, суть: *Семь вождей при Тивахъ*, *Персы* и *Агамемнонъ*. Все они носятъ на себѣ печать простоты и величія. Строгий въ выборѣ предмета Эсхиль силенъ, иногда даже напынувшъ въ слогъ, смѣлъ до напыщенности въ составленіи словъ; но самый сей слогъ, столь обильный красками и вымыслами, становился простъ, сладкозвученъ и умилителенъ въ выраженіи скорби Антигоны и Исмены, или въ жалобахъ Антоны; мрачный и ужасный по врожденной наклонности ума своего, Поэтъ, кажется, безпрестанно пошрсаесть по копю, коимъ онъ столько гордился. Эсхиль былъ любимцемъ пѣхъ, кои сѣвовали о *мужахъ Маравонскихъ*, мужахъ, изъ которыхъ Аристофанъ дѣлаесть особое поколѣніе людей *въ четыре локтя вышнюю* (*): все, что комическій Поэтъ говоришь объ Эсхилѣ, поражаетъ насъ совокупленіемъ истины съ остроуміемъ (**).

(*) Acharn. 180, 565. Vesp. 1107. 1111.

(**) Фидиппидъ, въ Аристоф. Комедіи Облака (ст. 1595 и слѣд.), говоришь ошцу своему Спрепсиаду, который велишь ему пропѣшь что нибудь изъ Эсхида, что Эсхиль конечно первый изъ Поэтовъ, но шуметь, безъ всякаго искусства, грубо и шероховать; и начинаесть пѣнь стихи

Въ то же время, какъ Эсхиль сильно подвигалъ умъ и дѣйствовалъ на воображеніе самымъ поржественнымъ позорищемъ, Софокль возвышался на сценѣ Греческой, Софокль, который искалъ и нашелъ все пособія своего искусства въ глубокомъ познаніи сердца человеческого, и который, на мѣсто фурій Эсхильовыхъ, вызвалъ страсти человеческія, столь же ужасныя и болѣе драматическія. Сначала Софокль не поражаетъ, какъ Эсхиль: въ немъ видна шишина совершенства. Чтобы почувствовать всю прелесть неподражаемыхъ его швореній, должно читать и перечитываешь ихъ со вниманіемъ. Верховное ихъ достоинство состоитъ въ ошпечашкѣ той спокойной красоты, которую намъ являютъ образцовыя произведенія ваятельнаго искусства Грековъ. Поняніе древнихъ о *прекрасномъ* водило руку Фидіаса и живошворило

изъ Эврипида. Это любопынное мѣсто даесть намъ поняніе о временной модѣ въ Аѣинахъ, и о мнѣніи молодыхъ любителей новизны, въ противоположности съ мнѣніемъ стариковъ, спрастныхъ почашателей Эсхида. Современныя записки свидѣтельствуютъ, что такая же противоположность мнѣній была между поборниками Корнеля и Расина, и что сего послѣдняго упрекали за то, что онъ ввелъ въ Трагедію изнѣженность. С.

геній Софокла; это одна изъ шѣхъ великихъ гармоній разумной жизни Грековъ, которымъ никогда не пресанушь удивляться. Мысль, придававшая безмернымъ твореніямъ Софокла и Фидіаса сей особый оппечатокъ покоя, раждалась, по большей части, уврѣненностію Художника въ томъ, что онъ достигъ своей цѣли. Такимъ образомъ Древніе, знавшіе столь хорошо всѣ пружины человеческого сердца, искали въ произведеніяхъ Искусствъ, какъ и въ житейскомъ быту, той гармонической тишины, безъ которой ничто не можетъ быть совершенно прекрасно, и въ семь же отношеніи первѣйшимъ изъ искусствъ почитали они искусство жить. Всякій чистосердечный человѣкъ, знакомый съ древнею Лирапурію, безъ труда согласится, что ему нужно было особаго рода ученія и много размышлений, дабы совершенно вникнуть во всѣ ея красоты. Но если Софоклъ не ослѣпляешь съ перваго взгляда, то въ замѣнъ онъ одинъ знакомитъ насъ, когда внимательно его обдумаемъ, съ Драматическимъ Искусствомъ на высшей онаго степеніи. Лучшія творенія знаменитыхъ его соперниковъ, разсматриваемыя какъ произведенія искусства, иногда не доходили до настоящей черты, иногда переходили за нее; Софоклъ одинъ достигъ во всѣхъ частяхъ той единственной

точка, которая заключаетъ въ себя совершенство. Онъ ничего не оставилъ посредственнаго; но если бы, въ такомъ множествѣ красоты, позволено было отдать чему нибудь предпочтеніе, то я вручилъ бы пальму его Электрѣ. Ни въ одномъ изъ образцовыхъ произведеній Греческаго Театра не найдемъ той роскоши мыслей и выраженій, того согласія всѣхъ частей, того счастливаго смѣшенія всѣхъ трагическихъ тоновъ. Первый хоръ, открывающійся лирическою пѣнію Электры, которую она въ горести своей поетъ божествамъ дна и воздуха (*ὦ Φάος αἶθρῶν καὶ τῆς Ἰσμοῖρος Ἀῆθρ, κ. τ. λ.*), блистаетъ высшими красотами Лирической Поэзіи. Если прибавить къ сими хорамъ, высокимъ и торжественнымъ, нѣкоторыя хоры Аристофановы, столь блестящіе и вмѣстѣ столь сладковучные, какъ бы напр. хоры въ Комедіи: *Птицы*, тогда будешь совокуплено все, что Поэзія Лирическая произвела совершеннѣйшаго. На некоторой степеніи высоты, дарованіе спановишия способно ко всѣмъ видамъ и измѣненіямъ. Увѣнчался ли бы Софоклъ равнымъ успѣхомъ, посвятивъ себя роду Поэзіи, которымъ прославился Аристофанъ? Вопросъ сей почти невозможно рѣшить; по крайней мѣрѣ Аристофанъ, какъ видно, получилъ ошѣ

природы зародышь самых противоположных способностей. Его творения доказываютъ удивительную легкость приспособляться ко всемъ ладамъ, схватывать все ошпырки; а сія легкость облачаетъ въ немъ генія столь пылаго, столь гибкаго, что трудно было бы назначить ему границы, и невозможно измѣрить всего того, что ему возможно было сдѣлать.

Здѣсь ксѣши замѣнить чудное сѣпленіе обстоятельство: вмѣстѣ съ преемъ Царями Греческой Трагедіи, родился самый удивительный изъ всѣхъ Поэтовъ комическихъ и, можешь быть, одинъ, соблюшій все условія, связанныя съ симъ шиномъ. Аристофанъ, хотя и не былъ почно современникомъ Эсхила, но жилъ въ одно время съ Софокломъ и Эврипидомъ. Полноша удовольствія, каковымъ Греки наслаждались отъ сего нечелнаго сближенія всѣхъ избытковъ ума, еспь одинъ изъ великихъ даровъ, излишнихъ природою на сей народъ, котораго и порожество и бѣдствія свше всякаго сравненія. Никогда нинное *правило постепенности*, которое часто выискивають въ Исторіи Искусствъ, не было столь явнымъ образомъ нарушено. Скоротечное время, когда на двухъ крайнихъ шочкахъ Искусства Театральнаго явились шри Трагика и Ари-

стофанъ, еспь, по всемъ опношеніямъ, годна удивительныхъ событий. Смѣшно видѣть усилія шѣхъ людей, кои хотять размѣривать своимъ циркулемъ неправильный ходъ ума: геній, какъ и счастье, не имѣетъ опредѣленнаго времени.

Замѣчательная черта сего блестящаго современна еспь какая-то непріязнь между Аристофаномъ и Эврипидомъ. Умъ сего послѣдняго былъ совершенно философическій. Бывъ одаренъ рѣдкимъ талантомъ и испинною чувствительностію, глубокомысленный мудрецъ, Поэти сладкозвучный, прогающій сердца, Эврипидъ не могъ осперечья отъ крайности сихъ свойствъ. Часто, спараясь бытъ глубокомысленнымъ, впадаетъ онъ въ софизмы, или, имѣя въ виду произвести сильное впечатлѣніе, дѣлается высканнимъ и напыщеннымъ; но именно сими недоспащками, Эврипидъ увлекать слушателей, и почши никто изъ Трагиковъ не имѣлъ столько жаркихъ защитниковъ. Аристофанъ, поборникъ шарыхъ понятій и старинныхъ нравовъ, дѣлалъ на него жестокія выходки, подъ видомъ, будто бы самъ подражалъ новому роду сочиненій, грозившему сценѣ своимъ господствомъ. Сія досада внушила комическому Поэту самую оспроумную мѣста во многихъ его Комедіяхъ, но ни сколь-

ко не уменьшила справедливой славы Эврипида, который был однимъ изъ лучшихъ украшеній сей эпохи, столь обильной удивительными явленіями.

Представляю на снисходительный судъ Академіи сіе наскоро набросанное разсужденіе о такомъ предметѣ, который пребудетъ большіхъ поясненій. Чувствую, сколь оно слабо и безцвѣтно въ сравненіи съ картиною, которую имѣлъ я передъ глазами; но, повинусь желанію знаменитаго Сословія, котораго имѣю честь быть Предсѣдателемъ, я желаю показашь оному, что Словесность и бесѣда Музъ всегда имѣли право на мои приношенія, ante omnia Musae. Матеріалы, изъ коихъ я извлекъ сіе разсужденіе, уже много лѣтъ лежатъ въ моемъ бумажникѣ, и, можешь быть, со временемъ послужатъ мнѣ въ пользу при сочиненіи *о Поэзій Греческой*, сочиненіи, котораго планъ уже давно я обдумалъ. Ксташи замѣшишь, что предметы, которые считаются исчерпанными, часто бывають совершенно новы. Такова Исторія Греческой Поэзій. О семъ предметѣ было писано болѣе 20 разъ, а все еще намъ недостаетъ вѣрной и полной картины разныхъ эпохъ ея въ настоящемъ ихъ свѣтѣ. Сочиненіе сего рода, въ коемъ Писатель позволитъ себѣ разсмотрѣть разныя произведе-

нія Поэзій Древнихъ, съ совершенною, но благоразумною и почтительною свободою разума, составляющею изящество литературныхъ сужденій, хотя въ нашихъ дидактическихъ сочиненіяхъ о древности такъ мало слѣдовъ сей свободы, — есть desideratum, въ недостаткѣ коего сознаются всѣ Литераторы. Большая часть дошедшихъ до насъ пивореній, о семъ предметѣ содержатъ въ себѣ только весьма ограниченныя виды, и либо бѣдичаютья поверхностными сужденіями и дерзкими приговорами, либо рабки влекущя за чужими мнѣніями. Таковыя по крайней мѣрѣ мнѣ всегда представлялся сей обширный предметъ — Исторія Греческой Поэзій. Посвятивъ изученію оной нѣсколько лѣтъ, я успѣлъ собрать весьма многіе матеріалы, которые, можешь быть въ послѣдшвиіи времени, употреблю я въ пользу. И можешь быть, нѣкогда сіи занятія, если не послужатъ мнѣ къ славѣ, по крайней мѣрѣ, украсятъ уединеніе, которое вдали манишь меня съ улыбкою, какъ Тибуръ Горация. Тогда во мнѣ будешь по сходству съ Римскимъ Поэтомъ, что сказавъ: hoc erat in votis, могу я, какъ онъ, прибавишь: auctius atque Di melius fecere.

Съ фр. Сомовъ.

АНТИКРИТИКА.

ЕЩЕ НА ОДНУ СТАТЬЮ ДАМСКАГО ЖУРНАЛА.

(Просимъ извиненія читателей , что занимаемъ еще нѣсколько страницъ нашего изданія отвѣтомъ на статью , помѣщаемыя въ Дамскомъ Журналь: мы оспавили бы оныя безъ вниманія , если бѣ дѣло шло о *милннгахъ* въ Литературѣ , но въ помянутыхъ статьяхъ взводящъ на *одного* Издателя С. О., С. А. и Свѣ. Пч. оскорбительныя небылицы , и спараясь унижить его въ самомъ драгоценномъ для челоуѣка отношеніи — и сіе заславляешъ *другаго* изъ нихъ вспушился за своего поварища.)

Начну съ начала. Въ 7 номерѣ Дамскаго Журнала напечатана статья Г. Издателя Русскаго Инвалида и Новостей Литературы, Александра Федоровича Воейкова, подъ заглавіемъ: *Образецъ краснорѣчія*. Въ отвѣтъ на сію статью, въ 7 номерѣ Сѣвернаго Архива, доказано: 1) что содержаніе сей статьи ни мало не соотвѣтствуетъ ей заглавію; 2) что цѣлю Автора было униженіе Сѣвернаго Архива, для возвышенія собственныхъ своихъ изданій, и 3) что отзвѣ

его о Сѣверномъ Архивѣ совершенно несправедливъ — во всѣхъ отношеніяхъ. Въ заключеніи статьи сей, предложенъ вопросъ: „Почему Князь П. И. Шаликовъ почитаетъ обязанностію помѣщать въ своемъ Журналь (Дамскомъ) все, что выбрасывается изъ другихъ Журналовъ самими ихъ Издателями, ибо Г. Воейковъ, издавая два Журнала, не заблагоразсудилъ помѣстить въ нихъ своей статьи? Неужели дамамъ пріятно читать все, выбрасываемое изъ другихъ Журналовъ, и какъ послѣ этого назвать Журналь Князя Шаликова?“ — Почтенный Издатель Д. Ж. старался отвѣчать на эти вопросы по своему разумнію, и какъ видно, крайне обрадованъ былъ присылкою ему статьи: *О важныхъ причинахъ, заставившихъ Князя Шаликова напечатать въ Дамскомъ Журналь статью Г. Воейкова подъ названіемъ: Образецъ Краснорѣчія*, которая и напечатана въ 11 номерѣ Дамскаго Журнала.

Повторимъ сіи важныя причины для насъ изъ нашихъ читателей, кои не имѣюшъ случая читать *Дамскій Журналь*:

„1. Князь Шаликовъ, напечатавъ Образецъ Краснорѣчія Г. Воейкова, поступилъ, какъ истинный сынъ опечесства и благонамѣренный Писатель, ибо не всѣ наши добрые, почтенные сограждане, получающіе Дам-

скій Журналъ, читающъ Инвалидъ; Дамскій Журналъ обращается болѣе въ кругу свѣтскихъ людей и дамъ; военная Газета между военными; на Дамскій Журналъ, безъ сомнѣнія, болѣе подписчиковъ въ Москвѣ и въ окрестностяхъ, на Инвалидъ въ Петербургъ.

2. *Θ. В. Булгаринъ* есть небывалое явление въ чуждой ему и близкой сердцу *нашему* (ш. е. Автора Важныхъ причинъ) Россійской Словесности. За симъ слѣдующъ чешыре доказательства, будто *Θ. В.* не читаетъ книгъ, которыя крикикуешь.

3. Издашель *Инвалида* имѣлъ намѣреніе обличить приспращіе и самонадвѣяность *Польскаго* Императора, передъ почтенными Русскими читателями Дамскаго Журнала. Сія піеса есть предостерегательное извѣстіе: вы найдете очень много извѣстій такого рода въ Московскихъ и С. Петербургскихъ Ведомостяхъ. Жители ошдаленныхъ краевъ Россіи Князю Шаликову, за помященіе оной, очень благодарны.

4. Сія благодарность повторяется въ заключеніи ошъ имени Россійскаго Дворянства, и въ одномъ примѣчаніи приносятся жалоба, что хлѣбъ дешевъ, а Журналы дороги: „за при де Журнала Булгарина и Греча пребуется 140 рублей, ш. е. почти бо четвертой ржи! Ужасно и подумашъ!..“

Постараюсь опвѣчать на сіи пункты по пунктамъ же:

На 1. Сіе извѣщеніе могло бы имѣть мѣсто, если бы *Г. Воейковъ* напечаталъ Образецъ Краснорѣчія сперва въ своемъ Журналѣ для Петербургскихъ жителей, а потомъ препроводилъ оный въ Дамскій Журналъ для Москвы. Но оный не разсудилъ за благо печатать оный у себя. Положимъ, что мнѣнія его о *Г. Булгаринѣ* были умны, безпристрастны и основательны (какъ конечно ему самому казалось): для чего лишать сего сокровища насъ, обитателей шуманныхъ береговъ Финскаго залива? Нѣтъ! скажемъ лучше: извѣстность мѣстныхъ и личныхъ обшолщельствъ преніищствовала напечатать Образецъ Краснорѣчія въ Петербургъ, и единственно по сей причинѣ, спашья эта опшрвлена въ Москву. Ичисленіе подписчиковъ также неосновательно: на Русскій *Инвалидъ* есть конечно болѣе 1500 подписчиковъ; на Дамскій Журналъ въ шестеро меньше. И въ за-Московныхъ губерніяхъ, безъ сомнѣнія, *Инвалидъ* читается болѣе, нежели Дамскій Журналъ.

На 2-е. Размошримъ обвиненія, будто *Г. Булгаринъ* не читаетъ книгъ, которыя крикикуешь.

1) „Въ разборѣ Опышовъ Г. Перевощикова (Сѣв. А. 1823. м. Маршъ) Ѳ. В. написанъ: въ стихотвореніяхъ видно, что это усилія ученаго чловѣка, а не пѣщическіе порывы, а въ цѣлой книгѣ нѣтъ ни одного стихотворенія, ни одного стиха (*).“ — Извините: въ 20 книжкѣ С. О. на 1823 годѣ, Г. Булгаринъ доказалъ, что въ книгѣ Г. Перевощикова именно есть стихи, что онъ судилъ не на-обумъ, и привелъ начало стихотворенія: *Каллироевъ Источникъ* (Опышъ В. Перевощикова, стр. 216).

Здѣсь Каллирое съ Кореземъ своимъ покояшся вѣчнымъ и проч.

И такъ первое обвиненіе несправедливо.

2) „Въ разборѣ Собранія Образцовыхъ Сочиненій и Переводовъ въ стихахъ и прозѣ, Ѳ. В. говоритъ: Кажется, что въ первомъ изданіи сей книги, выборъ стихотвореній былъ гораздо лучше, нежели во второмъ. Смѣемъ увѣрить почтенную опеченную публлку, что во *второмъ* изданіи, порядокъ и выборъ стихотвореній осшался прежній, и. е. совершенно тотъ, какой находился въ *первомъ*, безъ малѣйшей перемѣны и перебрановки.“ Вотъ это.

(*) Опмѣченныя запятыми слова принадлежанъ Автору *Важныхъ примѣн.*

ужь слишкомъ *смѣло!* Не все читаштели наши имѣють время и возможность повѣрить это показаніе. Для нихъ сообщаемъ обзорніе разности въ двухъ изданіяхъ одного только пятаго пома стиховъ, увѣряя ихъ, что и въ прочихъ помахъ найдуть они не меньшіе варіаншы.

Изъ перваго изданія, напечатаннаго въ 1815—17 годахъ, исключены при второмъ слѣдующія стихотворенія:

1. Графу В., Башюшкова, стр. 39.
 2. Перуанецъ къ Испанцу, Гнѣдича, стр. 41.
 3. Последняя Весна, Башюшкова, стр. 109.
 4. Къ Жуковскому, Башюшкова, стр. 111.
 5. Элегія на развалинахъ замка въ Швеціи, Башюшкова, стр. 124.
 6. Привидѣніе, Башюшкова, стр. 186.
 7. Сонъ Рацниковъ, Башюшкова, стр. 214.
 8. Мой геній, Башюшкова, стр. 228.
- Во второмъ изданіи напечатаны слѣдующія піесы, коихъ не было въ первомъ:
1. Весна, Г. Барашыскаго, стр. 35.
 2. Русская пѣсня, Барона Дельвига, стр. 37 (*).

(*) Замѣшимъ мимоходомъ, какъ неразборчиво составлялось это второе изданіе: въ отдѣленіи (Поэзіи Дидактической и Эпической помѣщены

3. Сельская сиротка, Г. Козлова, стр. 38.
4. Романсъ, Г. Глыбова, стр. 40.
5. Къ Воейкову, Г. Плешнева, стр. 99.
6. Мершый къ живому Г. В. стр. 101.
7. Ки. П. И. Шаликову, П. И. Писарева, стр. 113.
8. Элегія, Г. Плешнева, стр. 115.
9. Ки. П. И. Шаликову, Батюшкова, стр. 115.
10. Весна, Г. К. стр. 169.
11. Федь Моргана къ Оливьеру, Г. Козлова, стр. 194.
12. Подоконье, О. Н. Глинки, стр. 207.
13. Ошрывки изъ Танкреда, Г. Гиздича, стр. 257.
14. Ошрывки изъ Фарсалии, О. Н. Глинки, стр. 266.
15. Изъ Энеиды, Г. Мерзлякова, стр. 273.
16. Изъ Генриады, Г. Крылова, стр. 308.
17. Уголинъ, Г. Кашенина, стр. 311.
18. Изъ Оссана, Г. Олина, стр. 315.

Вошъ 8 пиесъ исключенныхъ и 18 пиесъ вновь приняныхъ. Г. Булгаринъ имѣлъ все право замѣшши разношъ въ выборѣ, а Г. спихошворенія лирическа, NNo 2, 4, 12. Это еще не все: въ другихъ шмахъ Образцовыхъ Сочиненій перепечашаны изъ Журналовъ спашши, съ изьявленіемъ благодарности Журналишовъ за присылку оныхъ! Г.

Авторъ спашши *О важныхъ причинахъ* взвелъ на него небылицу. —

3.) „Въ No 15 Свѣ. Пч. О. В. упоминаешъ о найденной имъ въ Ошеч. Запискахъ, Драмъ: Борисъ Годуновъ, но шакой Драмъ „не шолько никогда въ Ошечественныхъ Запискахъ, но и между Русскими книгами, драмы подъ симъ названіемъ, *не сущестуетъ.*“ Въ 15 номерѣ Свѣ. Пч., въ исчисленіи спашшей О. З., опискою поставлено было: *Борисъ Годуновъ*, вмѣсто *Болринъ Матоневъ*. Эшой Драмъ во-первыхъ не кришиковали, во вторыхъ, я шолько же виновать въ эшой опискѣ, какъ и Г. Булгаринъ, ибо она вкрадась въ *наше* изданіе; подъ спашшою поставлены начальныя буквы имени Авшора, который въ 4^й книжкѣ С. О. самъ сознался въ *своей* опшбкѣ. И шакъ обвиненіе, будшю Г. Булгаринъ *критиковалъ* Драмъ, несущешую въ свѣшъ, шакже основашельно, какъ и два прежнія.

4.) „Въ 18 номерѣ Литературныхъ Лшсковъ, О. В. ушверждаетъ, что въ спискѣ „военныхъ Генераламъ, изданномъ при Военномъ Министерствѣ, *не означено мѣсца* „и числа, когда Графъ Брюсъ пожалованъ въ „Генераль - Фельдцейгмейшеры. А какъ въ „семь спискѣ, на стр. 13, во 2^й строкѣ, именъ „но означено 10 Марша 1711 года; слѣдшвен-

но О. В. не читалъ списка Генераламъ, о которомъ написалъ столько кришикъ, аишикришикъ, возраженій, опроверженій, писемъ изъ Рязани и изъ Казани, изъ Свѣяжска и изъ Дамаска.“ Авторъ статьи касается здѣсь спора Г. Булгарина съ Г. Оедоровымъ, въ коемъ первый былъ совершенно правъ, пребуя, чшобъ Г. Оедоровъ указалъ то мѣсто въ Брюсѣ, на которое ссылается, чего онъ понимъ не исполнилъ. Авторъ указываетъ на 13 страницу списка, а Г. Булгаринъ взглянулъ на пяшую, гдѣ время пожалованія Брюса показано почками. Г. Булгаринъ могъ въ этомъ случаѣ не досмотрѣть, ошибиться, ибо онъ человекъ и Издатель срочнаго Журнала, но показаніе, будто онъ *о семъ списокъ Генераловъ* написалъ нѣсколько кришикъ, аишикришикъ, возраженій, опроверженій и писемъ, несправедливо: онъ спорилъ въ Литературныхъ Листкахъ съ Г. Оедоровымъ о неправильной ссылкѣ, а не о списокѣ, прямо ошъ своего, а не ошъ чужаго имени. Видно, ловкаго моего товарища трудно поймать: сколько небылицъ и выдумокъ напушано на него здѣсь, чшобъ доказать, что онъ *ошибся однажды въ указаніи страницы!*

И такъ, вотъ *всѣ* литературныя вины Г. Булгарина, выисканныя съ величайшимъ

мщаніемъ изъ множества его разныхъ историческихъ, кришическихъ и литературныхъ статей!

На 3^о. Здѣсь встрѣчается въ одномъ пунктѣ нѣсколько разныхъ сомнѣній. „Издатель Инвалида имѣлъ намѣреніе „обличить пристрастіе и самонадѣянность Г. Булгарина.“ Но гдѣ это пристрастіе? гдѣ эта самонадѣянность? Во всемъ этомъ вижу только незнаніе кришики, чрезвычайную неоспоримость и неосновательность; но всѣ сіи *добродѣтели* не на сторону Г. Булгарина. „Онъ хотѣлъ написать предостерегающее извѣстіе, какихъ очень много помѣщается въ Московскихъ и С. Петербургскихъ Ведомостяхъ.“ Тамъ помѣщаются предостерегающія извѣстія о банкротствѣ и п. п.; но, у Г. Булгарина, слава Богу, есть добрый капиталъ ума, свѣдѣній и дѣятельности: это извѣстно всей нашей публикѣ. „Онъ *Польскій* Литераторъ.“ Это что значить? Г. Булгаринъ конечно родился въ Польшѣ, писалъ и по Польски; но теперь онъ пишетъ по Русски, и спяжалъ неотъемлемое право Литератора Русскаго. И что значить этоиъ намѣкъ? Фамилія ошнюдь ничего не значить въ Литературѣ. Вспомните, что Гофманъ, одинъ изъ первыхъ Французскихъ Кришиковъ, по

фамилія Нѣмецъ; Нѣмецкіе Императоры Ламопшъ-Фуке, Лафоншенъ и многіе др. Французы; что Дашчане Баггезенъ и Эленшлегеръ съ равнымъ успѣхомъ писали по Нѣмецки и по Дашеки; что у насъ Хемницеръ происходилъ изъ Нѣмецкой фамиліи. — „Онъ (Г. Булгаринъ) естъ небывалое явленіе въ чуждой, ему и близкой сердцу нашему Россійской Словесности.“ Можеть бышь, небывалое; но шѣмъ не менѣе пріятное и полезное. „Въ чуждой ему Россійской Словесности.“ Не знаю, сколько она близка сердцу и уму Автора этой статьи; но все наши Литераторы, все читатели Русскихъ книгъ согласились, что Г. Булгарину она очень близка. Въ короткое время занятія своего Русскою Литературою, онъ опередилъ многихъ нашихъ ветерановъ, приобрѣлъ на семь поприщъ несомнѣнную, лестную извѣстность, и самъ своими трудами *приноситъ честь нашей Словесности*. Последнее говорю я не на-обумъ и не безъ основанія. Многія статьи Г. Булгарина переведены на Нѣмецкій и на Французскій языки, и украшаютъ лучшіе Европейскіе Журналы; подъ каждою опмѣчено: *переводъ съ Русскаго языка*. Самые строгіе Критики иносстранные опздають справедливость его трудамъ, по изданію Севернаго Архива: прочишите разныя книжки

и листки Журналовъ Geographische Ephemeriden, Annales des Voyages, Morgenblatt, Abendzeitung, Freymüthiger, Lesefrüchte, и вы въ этомъ удостоверитесь. Еще недавно Г. Меркель, гроза Германскихъ Авторовъ-самозванцевъ, опозвался съ безприсрашною хвалою о статьяхъ Г. Булгарина. Если бъ онъ не любилъ именно Русской Словесности, то, не говоря уже о Польской, могъ бы заняться Французскою или Нѣмецкою съ равнымъ успѣхомъ, и конечно съ бѣльшимъ удовольствіемъ: тамъ, вѣроятно, не спали бы упрекать его именно въ томъ, что ему приносить честь.

На 4°. Забавно объявленіе, что Князь Шаликовъ, помѣщеніемъ необдуманной и на невѣрныхъ показаніяхъ основанной статьи Г. Воейкова, сдѣлалъ пользу Россійскому *Дворянству!* Этого я не постигаю. И почему именно Дворянству? Какъ почему? Прочишите замѣчаніе на стр. 202: „Хлѣбъ у насъ дешевъ а Журналы дороги. За три Журнала Гг. Булгарина и Греча требуется 140 р., ил. е. почти 50 четвертей ржи.“ И шакъ Дворянство, прочишавъ эту статью, будетъ подписываться не на эти Журналы, а на другіе, вѣроятно, на Инвалидъ Г. Воейкова и на полезное (къ чему?) и пріятное (чѣмъ?) изданіе Князя Шаликова. Въ самомъ дѣлѣ,

впо возвысишь цѣну на хлѣбъ, и понизишь цѣну Журналовъ (*)!

Вошь все, что я починала нужнымъ сказать о содержаніи спашы въ 11й книжкѣ Дамскаго Журнала. Подъ нею подписано имя съ одною изъ почтеннѣйшихъ нашихъ фамилій,

(*) Съ нѣкопорого времени завелась у насъ неприличная мода расчешовъ барыня въ Литературѣ. Всякій Литературъ, посвящая публикѣ свое время, шруды, здоровье, отказываясь для сего иногда ошь выгоды, представляющихся ему по службѣ, — долженъ по справедливости бышь вознагражденъ за все это; но выгоды денежныя не должны бышь главнымъ его побужденіемъ: иваче все его стихи будущъ пахнушь мѣдью; все прозаическія спашы будущъ походишь на пусиую нищенскую суму. Между тѣмъ, желая доказать публикѣ, что ошвращеніе мое ошь денежныхъ расчешовъ происходишь ошнюдь не ошь болзи обличенія насъ въ своекорыстнія, въ первый и въ послѣдній возвынись до Армешенки. Нани *три* Журнала, заключающіе въ себѣ до 470 листовъ, продающыя по 120 р.; Дамскій Журналъ, въ коемъ около 70 листовъ, споншь 40 р. Каршички его едва ли обойдущы во сполько же печатныхъ листовъ. — Впрочемъ, если Журналы наши дороги *на денги*, и если плата за нихъ не соошвѣстствуетъ внушрненію достоианству, шѣмъ лучше для совѣстни-

означено число (21 Аирля 1825) и мѣсто (Пенза.) Можешь бышь, что въ Пензѣ живешь Литературъ сей фамиліи. Но —

неумѣстныя хвалы Дамскому Журналу, для уловленія добродушнаго Издашеля; —

величанье Г. Булгарина по имени и ошчеству, не весьма извѣстнымъ въ Пензѣ; —

преувеличенныя и явно несправедливыя показанія и невѣрныя ссылки; —

слозь неровный и неправильный, ошпечатоць мыслей Авшора; —

спараніе выписашъ полное заглавіе образцовыхъ сочиненій, съ ошмѣшкою: *смиельмъ увѣрять*, что оныя украшены поршрешами *славныхъ* Россійскихъ Писашелей; —

наконецъ, мелкіе коммерческіе расчешы, и благородный ужась, съ кошорымъ Авшоръ

ковъ нашихъ: мы не поршмъ цѣну. Къ шому же чтение Журналовъ ешь роскошь Литературы: видно *не обязанъ* разорянись на попку ихъ. Книги необходимыя, какъ-шо Богослуженныя, законныя, учебныя, продающыя, по распоряженіямъ Правительстваша, самую дешово цѣну. Если 470 печатныхъ листовъ не стоить 50 кулей ржи, выкурите изъ насъ вино, сдѣлайте какое угодно другое употребленіе — на здоровье — мы не въ прешензіи. Всякъ въ правѣ удовлетворить шребованія шого чувстваша, кошорое ясьшь ближе къ душѣ его. *П. Грегъ.*

видишь, какъ бо четвершей ржи превращаюся для другихъ въ ассигнаціи; —

все это позволяешь мнѣ догадываться о томъ, кто написалъ спашью сію (ex ungue Leonem); но повпорюю, это догадка, и, можешь быть, несправедливая. Если *подписавшій* спашью *О важныхъ причинахъ* дѣйствительно написалъ ее, то онъ можешь оправдаться, означивъ, въ какомъ ему Журналь угодно, свой чинъ, должность и мѣсто жительства, какъ сдѣлано мною; — но нѣтъ! мнѣ кажется невозможнымъ, чибобъ природа въ одно время произвела *двухъ* фениксовъ.

Издатель С. О., С. А и С. Пч. Николай Ивановичъ сынъ Грегъ, Коллежскій Совѣтникъ и Кавалеръ, служащій въ Императорской Публичной Библиотекѣ Почетнымъ Библиотекаремъ, жив. в Адмиралтейской частѣ, в кварталѣ, по большой Морской улицѣ, въ домѣ подь No 69, въ С. Петербургѣ.

VI.

ТЕХНОЛОГІЯ.

Чугунныя дороги и паровыя пушки.

Къ числу важнѣйшихъ приспособленій нашего времени принадлежатъ чугунныя дороги, кшорыя, хотя изобрѣнены уже давно, но непрежде введенія паровыхъ машинъ, оказались во всей своей важности. Омыя вво-дятся въ употребленіе во многихъ странахъ. Въ Австріи проводили нынѣ чугунную дорогу, по волоку между Дунаемъ и Молдавою, оны Маунгаузена на Дунаѣ въ Австріи, до Будвейса въ Богеміи: длина оной простиралася до 130 верствъ. Прежде сего совершали сей путь въ два и три дня; нынѣ довольно однихъ сутокъ. — Въ южной Франціи составилось общество для устроенія чугунной дороги оны Сенсъ-Этьенни до Дуары. — Въ Англии, около пятидесяти лѣтъ употребляютъ уже во многихъ мѣстахъ чугунныя колеи (iron rail ways), преимущественно для перевоза каменнаго угля, на небольшомъ пространствѣ и на равнинахъ, (какъ и въ Швеціи). Нынѣ умышляли, что сей способъ можешь быть приведенъ въ исполненіе въ большомъ видѣ, и намѣре-
ныя

въ самую дѣль устроили чугунную дорогу отъ Лондона до Эдинбурга, на пространныи 500 Англійскихъ миль. Вскорѣ исполненъ будетъ исполненій планъ соединенія всѣхъ большихъ городовъ Великобританнн, посредствомъ чугунныхъ дорогъ. По онымъ будущъ перевозиться всякаго рода произведенія и шовары, будучъ ходишь почты, diligences и другія повозки гораздо скорѣ, вѣрнѣ, удобнѣ и легчѣ, нежели донны по лучшимъ бышимъ дорогамъ (шоссе). Сн огромные планы были причиною, что желѣзо въ Швеції и Норвегн весьма поднялось въ цѣнѣ. При соединившнхъ къ тому важнымъ требованн спроевато лѣсу для Французскихъ поршновъ и низкая цѣна хлѣба, коего въ сихъ странахъ мало, значительно способствовали возвышенно ихъ благосостоянн въ послѣднн годы.

Такимъ образомъ, вездѣ готовящн въ наше время важныя перемены въ практической Механикѣ, коихъ благотвительныя слѣдствн цннъ еще нечислнмы. Можеть быть, мы доживемъ до того времени, что въ самыхъ просвѣщенныхъ Государствахъ Европы введены будучъ чугунныя дороги, и одержашъ верхъ надъ каналами. Одинъ изъ величайшихъ Механиковъ нашего времени, Оливеръ Ивенсъ, (Evans), скончавшнхъ прошлаго года въ Аме-

рикѣ, написалъ, за нѣсколько времени предъ симъ, разсужденно о паровыхъ судахъ и повозкахъ: въ ономъ было сказано, что первый шагъ людей состоялъ въ превращенн худыхъ дорогъ въ хорошия, второй въ устроени каналовъ вмѣсто дорогъ; третнй будучъ состоялъ въ проложенн чугунныхъ дорогъ вмѣсто каналовъ, а четвертнй, въ употребленн по симъ дорогамъ паровыхъ повозокъ, кои въ часъ могушь сдѣлать (разумѣется, вовсе безъ лошадей) до 25 верствъ. По выходѣ въ свѣтъ сего сочиненн, многн смѣялись надъ Авторомъ. Нѣмецкнй Механикъ, знаменитый Баварскнй Оберъ-Бергратъ, Иосифъ Фонъ-Баадеръ, опытами и сочиненнми своими, въ теченно послѣднихъ шестнадцати лѣтъ, много способствовали распространно сихъ мнвнн. Въ 1814 году изготовилъ онъ модель чугунной дороги, по которой маленькая собачка, на черномъ шелковомъ шуркѣ, весьма легко везла шажесн въ 350 фунтовъ. Онъ имѣлъ честь показывать сню модель Императорамъ Россійскому и Австрійскому во время пребыванн ихъ въ Минхенъ въ 1816 году. — Въ 1818 году сдѣлалъ онъ для опыта другую чугунную дорогу и при повозки, величиною вдвое менѣ обыкновенныхъ. Человѣкъ среднихъ силъ могъ вознн на оныхъ безъ шруда шажесн въ 40 центнеровъ, а

женщины и дѣти шажесты отъ 16 до 18 центнеровъ. (Въ центнерѣ содержится $2\frac{1}{2}$ пуда.) Онѣ находятъ, и всенародно доказатъ, что чугунныя дороги могутъ быть устроены на всякой землѣ, годны для повозокъ всякаго рода, и имѣютъ великое преимущество предъ каналами.

Другое, не менѣ важное открытіе, которое можетъ измѣнить весь образъ веденія войны, состоятъ въ изобрѣженіи Г. Перкинсомъ въ Англіи *пароваго оружія*. — Первый опытъ произведенъ былъ надъ паровымъ ружьемъ, изъ коего выстрѣлены, въ теченіе одной минушы, отъ четырехъ до пяти сотъ пуль, одна послѣ другой. Сила пара была столь велика, что пуля, коею выстрѣлили въ чугунную плоскость въ стѣ шагахъ, совершенно сплюснчилась. Сія сила можетъ еще быть увеличена. Нынѣ шрудился Г. Перкинсъ надъ изготовленіемъ паровой четырехъ-фунтовой пушки, везомой двумя лошадыми. Издержки при сихъ пушкахъ будутъ значительно уменьшены противъ прежняго: Г. Перкинсъ, однимъ фунтомъ древесныхъ угольевъ, производитъ поже, на что дондѣ нужно было 4 фунта пушечнаго пороху. Въ разсужденіи скороси дѣйствія, сіе изобрѣтеніе превосходитъ все, дондѣ извѣстныя собыя. Изъ паровой пушки можно выстрѣ-

лить ядрами десять разъ, въ то время, какъ изъ обыкновенной пороховой сдѣлаютъ одинъ только выстрѣлъ. Къ тому же имѣетъ она еще одну важную выгоду: никогда не можетъ лопнуть. Опытныя Артиллерисы въ Англіи объявили, что они берущся десятью такими орудіями дѣйствоватьъ противу двухъ сотъ обыкновенныхъ. Моряки утверждаютъ, что корабль съ шестью паровыми пушками можетъ управиться съ линейнымъ семидесяти-четырехъ-пушечнымъ. — Г. Перкинсъ говоритъ, что люди вообще не имѣютъ еще понятія обо всѣхъ выгодахъ, кои можно получить отъ употребленія паровой силы въ Артиллеріи. Такимъ образомъ онъ не сомнѣвается, что возможно изготовить паровую пушку, которая можетъ бросить ядро изъ Дувра въ Кале, т. е. отъ 40 до 50 верстъ. Изъ сего можно усмотрѣть, что, по введеніи сихъ новыхъ разрушительныхъ средствъ, должно будетъ совершенно измѣнить нынѣшнюю систему построения и защиты крѣпостей. Говорятъ, что Правительство одной сильной Европейской Державы, безпрестанно усовершенствующее свою военную и оборонительную систему новыми изобрѣтеніями, отправило въ Англію артиллерійскихъ и инженерныхъ офи-

церовъ; для переговоровъ съ Г. Перкинсомъ о его изобрѣженіяхъ.

„Успѣхи Механики (присовокупляешь Издашель Нѣмецкаго Журнала, изъ коего мы заимствуемъ сію спашью) столь велики и необъятны, что можешь насупишь время, въ кошорое ненужно будешь людей для веденія войны: вмѣсто того, два механика огромными своими машинами будутъ маневрировать другъ пропнвъ друга, спараясь разрушишь среднѣша непріятели. Такая побѣда, по крайней мѣрѣ, будешь не кровопролитна!“

Н. Р. J.

VII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Е К Н И Г И :

1 8 2 5.

35. *Первое Прибавленіе къ описанію Славяно-Россійскихъ рукописей, хранящихся въ Библиотекѣ Тайнаго Советника, Сенатора, Двора Е. И. В. Дѣйствительнаго Каммергера и Кавалера Графа Ѳ. А. Толстаго. Издашь Павелъ*

Строевъ. С. П. Б. 1825, въ шип. Н. Греча, въ 8, 17 стр.

(См. Но 62 Сѣв. Пч.)

36. *Похвальное Слово Лафонтену, сочиненіе Шамфора, удостоенное награды Марсельскою Академіею, 25 Августа 1774. Перевель съ Французскаго Александръ Рихтеръ. С. П. Б. 1825, въ шип. Императорскаго Воспит. Дома, въ 8, 82 стр.*
37. *О подагрѣ, съ показаніемъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ и методовъ врачеванія разныхъ видовъ сей болѣзни. Сочиненіе Доктора Джонсона. Съ Нѣмецкаго Блохова изданія на Россійскій языкъ переведенное Штабъ-Лекаремъ Александромъ Крейти. С. П. Б. 1825, въ шип. Императорскаго Воспитательнаго Дома, въ 8, XIV и 218 стр. (О содержаніи и доспосинствѣ сихъ двухъ книгъ будешь упомянушо въ Сѣверной Пчелѣ.)*
-

I.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

I. Благодѣяніе.

Мудрый Ибрагимъ сопровождалъ въ Багдадъ юнаго воспитанника своего Амина, которій, послѣ внезапной кончины едва известнаго ему родителя, только что вступилъ во владѣніе несмѣтными богатствами, и намѣревался начать дальнее путешествіе. „Повѣрь мнѣ, отецъ мой!“ говорилъ Аминъ наканунѣ отъѣзда своему наставнику: „повѣрь, что уроки добродѣтели и мудрости, которыми я тебѣ обязанъ, починаю я превыше наружныхъ даровъ счастья, какими въ избытокъ осыпали меня благопріятствующія созвѣдія: въ нихъ-то и обладаю я талантомъ, научающимъ меня находить наслажденіе въ правильномъ употребленіи сихъ даровъ.“ — „Все зависить отъ благословенія Божія!“ — отвѣчалъ старецъ: — „да обратишь Богъ уроки мудрости, которые, какъ надѣюсь я, слушала ты не безъ успѣха, въ

пользу и для твоего сердца! — „Во всякомъ случаѣ“ — продолжала юноша — „богатство есть даръ, достойный нашей благодарности.“ — „Какъ и все, происходящее отъ Вышняго“ — сказала наставникъ. Но Аминь, въ восхищеніи отъ неожиданнаго обладанія сокровищами, и увѣренный въ собственномъ добромъ расположеніи души своей, съ пламеннымъ краснорчіемъ описывалъ счастье, какое доставилъ ему и другимъ наследованное имъ имѣніе. „Взгляни на эту низменную хижину, мой сличкомъ спротивъ другъ!“ — говорилъ онъ далѣе: — „помогири, съ какою неупомосицію и напряженіемъ силъ должны эти бѣдные люди спрудиться изъ скуднаго прибышка, который едва доставляетъ имъ насыщенный хлѣбъ: неужели съ довольствомъ не водворились у нихъ и радость?“ — „Все зависишь отъ благословенія Небесъ!“ — повспорилъ спарець. Аминь улыбулся и замолчалъ; но онъ велѣлъ позвать къ себѣ хозяина хижины, и подарилъ ему сто золотыхъ монетъ. Чрезмѣрная радость бѣдняка должна была служить опроверженіемъ словъ наставника. Ибрагимъ покачалъ съдою своею головою, и сказалъ: „подожди послѣдствій, юноша!“ — Такое сомнѣніе разгорячило Амина, и онъ съ увѣренностію возразилъ: „но если эщопъ несчастный и распро-

чить мое подааніе; развѣ не будешь онъ мнѣ благодаренъ за тѣ веселые часы, которые доставилъ чрезъ шо себя и своему семейству? И даже самая минуша, когда мы даемъ и когда принимаемъ нашъ даръ, развѣ не доставляетъ намъ удовольствія, которое никогда не можешь бышь отъ насъ отнять?“ — „И которому можно противопоставилъ шолько досаду или огорченіе, какія мы будемъ имѣть въ послѣдствіи, видя, что безъ пользы дали, и что безъ пользы употребили наше подааніе“ — отвѣчалъ съдовласый спарець — а ученикъ, хотя и не убѣдился, однако жъ замолчалъ передъ мудрымъ своимъ наставникомъ.

Абдалла — такъ назывался одаренный Аминомъ — былъ канашчикъ. Онъ расчель уже въ мысляхъ своихъ, какимъ образомъ, посредствомъ полученной имъ суммы, распроспранить свое ремесло и будешь жить въ довольствѣ и веселіи. Чшобы тѣмъ прочнѣе достигнуть шого, и не обращивъ на себя очей корыстолюбія и зависши, рѣшился онъ шщательно избѣгать всякаго наружнаго вида благосостоянія. Слѣдуя сему, не сказалъ онъ ничего жевъ своей и дѣляемъ о великодушномъ Аминовомъ подаркѣ; но въ наѣреніи зарыть его въ землю, какъ шолько можно будешь эшо сдѣлать безъ свидѣтелей,

спряшала покуда полученные деньги в двойномъ днѣ одной старой кадки, которая сполала у него въ полуразвалившемся сараѣ. Нѣсколько цехиновъ, оставленныхъ имъ у себя, упошребилъ онъ на покунку неньки, и веселый и довольный возвратился домой съ рыжка. Прощивъ ожиданія встрѣшила его и жена не съ обыкновеннымъ печальнымъ видомъ, а съ лицомъ радостнымъ. Съ большою похвалою опозвалась она о принесенномъ имъ шоварѣ; но хвасилась, что сама сдѣлала между шѣмъ еще выгоднѣйшую покунку: она вымѣняла мѣрку лучшихъ угольевъ за разный, ни къ чему годный хламъ, между прочимъ, и за старую кадку изъ сараѣ. Абдалла оцѣнилъ, какъ пораженный громомъ; но вскорѣ гнѣвъ его излился въ брани и ругательстввахъ, за которыя жена его платила ему шѣмъ же: она не могла проснишь его неосторожности и недоврчивости къ ней, и начала жаловаться и наакать шакъ сильно, что ему стоило много труда хоня сколько нибудь ее успокоить. При всякомъ случаѣ однако же, бѣдный мужъ получалъ явный или скрышный упрекъ за то, что шакъ легкомысленно упустилъ изъ рукъ своихъ счастье — упрекъ, который и безъ того дѣлалъ онъ самъ себя ежедневно. Наконецъ жена его съ

грусти занемогла и положеніе его сдѣлалось еще хуже, нежели было прежде.

Черезъ годъ, Аминъ возвратился въ свое опечесиво. Онъ послалъ за спарымъ своимъ другомъ, чтобы сообщить ему достопамятности своего пупешествія и жизни, проведенной имъ въ оплучкѣ. „Я пилъ изъ пвящагося кубка веселія“ — сказалъ онъ —, не упиваясь; я вмѣшивалъ въ него споль благородный напишокъ, что не боюсь на днѣ его ийши горькую каплю раскаянія. О отецъ мой! Миръ прелестень, и богатство есть даръ высокій, даръ благословенный.“ — Ибрагимъ не отвѣчалъ ничего; но въ почтенныхъ чертахъ его юноша прочелъ неодобреніе. Смошря въ ясныя, проникательные глаза спарца, онъ находилъ, что не все его воспоминанія шакъ чисны и радостны, какъ должно было заключить о шомъ изъ первыхъ словъ его. Тогда Аминъ, все еще упорсивуя въ своемъ мнѣиіи, но уже съ нѣкоторою робоснью, отвратился и сказалъ: „посмошримъ, какіе плоды принесло съмя благодѣянія, оказаннаго мною сосѣду“ — Абдалла былъ призванъ; но уже печальный видъ вошедшаго, еще прежде нежели слова его, удостовѣрилъ каждаго, что намѣреніа Амина сдѣлать ему добро не достигли своей цѣли. — „Я еще не признаю себя побѣжден-

нымъ;“ — сказала юноша Ибрагиму, который смотрѣлъ на него съ своимъ обыкновеннымъ спокойнымъ видомъ: „спо цехиновъ большая сумма“ — продолжалъ онъ, обращаясь къ Абдаллѣ: — „и бы могъ на эти деньги доставить себѣ много удовольствій, а ты споль легкомысленно ушрашилъ ихъ. Но шакъ и бышь; вопишь небѣ шакал же сумма; шолько смотри, чшобы черезъ годъ, когда я опять призову тебя къ себѣ, ты могъ дать мнѣ лучшей опченъ въ ихъ употребленіи!“ — Абдалла облобызала прахъ ногъ своего благодѣтеля, и въ пламенныхъ выраженіяхъ описывала картину счастья, какое доставилъ онъ шеперь своимъ домашнимъ. — „Все зависить опъ благословенія Божія!“ сказалъ въ слѣдъ ему мудрый Ибрагимъ, и почти съ видомъ неудовольствія опврашилъ Аминъ опъ старца, который, по его мнѣнію, слиткомъ упорно держался своихъ предразсудковъ. Но вскорѣ за нѣмъ, опправляясь въ новое пушешествіе, прижалъ онъ къ груди своей испышаннаго друга.

„Эшопъ разъ буду я опсороживе!“ говорилъ самъ съ собою снова обрадованный Абдалла, снявъ съ головы своей чалму, и въ большую шаль, кшопорою была она обвита, завернулъ новый даръ своего благодѣтеля; пошомъ опять покрывъ ею голову.

Оставивъ у себя нѣсколько монетъ, спшилъ онъ закупить разныхъ жизненныхъ припасовъ, кшопорыми хопѣлъ обрадовать большую свою жену и голодающихъ дѣтей; а пошомъ, при извѣстіи о неожиднномъ, снова шосѣшвившемъ ихъ шасштіи, заспашилъ позабытья все прешерпвшія дошолъ спраданія. Заняшый шакими мыслями, Абдалла закупилъ уже зеленн, кореневъ, рису и всякихъ приносей, и шажело нагруженный, опправился на мясной базаръ. И здѣсь выбралъ онъ себѣ лучшей кусокъ; но какъ его кафтанъ и руки были и безъ шого полны, шопо по обычаю Магомешанъ положилъ купленное мясо къ себѣ на чалму, и довольный опправился домой. Къ несчастію коршунъ, который кружился надъ нимъ высоко въ воздухъ, увидѣлъ жирную приманку, и съ жадностію на нее бросился. Руки Абдаллы были шакъ заняты, чшо онъ не могъ пошчасъ освободить ихъ и опогнать хищника; однако же онъ успѣлъ еще во время схватшш добычу и не допустилъ овладѣть ею. Но коршунъ шакъ крѣпко вѣшилъ въ чалму своего прошивника, чшо когда нѣкошорые изъ прохожихъ спали опгнать его, шопо взмакнувъ широкими крылами, унесъ онъ съ собою и головное украшеніе Абдаллы. Несчастный остался на мѣстѣ съ обнаженною

головую, посмѣшищемъ для базарной толпы; даже, какъ Музульманинъ, омерзительнымъ въ собственныхъ глазахъ своихъ. Омраченный опчаяніемъ, бросилъ онъ всѣ покупки въ Тигръ, и сплывшій укрылся отъ взоровъ людей. „Алла отвергаетъ меня! Онъ обрекъ меня на несчастіе, предалъ меня на всеобщее осмѣяніе!“ Такъ восклицалъ бѣдный Абдалла, и съ тѣхъ поръ пересталъ вовсе заботиться объ опираціи отъ себя и семейства своего ежедневно возрастающей нищеты: онъ никогда еще не былъ такъ несчастливъ.

Прошекъ еще годъ. Ибрагимъ и юный другъ его снова увидѣлись въ Багдадѣ. „Ты не совсѣмъ не правъ, отецъ мой!“ сказала Аминь: „свѣтъ и его радости не что иное, какъ обманчивый блескъ; при всемъ шомъ, богатство есть высокое благо — это горящій уголь, который долженъ я прикладывать къ угасающей жизни, чтобы изъ жаровъ ея не крайней мѣрѣ образовались для меня пріятные призраки.“ — „И они разсѣются, сынъ мой!“ — сказала старецъ: — „и тогда — о, да наступитъ скорѣе сіе время — тогда неомраченными очами познаешь ты мудрость и извѣдаешь пути ея!“ — Они шли по берегу величественнаго Тигра, и юноша увидѣлъ человѣка, покрытаго лох-

мотьями, который съ робостію прокрадывался мимо ихъ. Проницательный взоръ Амина узналъ въ немъ несчастнаго Абдаллу. Они позвали его къ себѣ, и бѣднякъ съ равнодушіемъ опчаяніи расказалъ имъ свою исторію. Досада, видѣвъ себя опять пристыженнымъ въ присутствіи своего наставника, возбудила въ душѣ Амина подозрѣніе, что можешь быть облагодѣтельствованный имъ легкомысленно распотчивъ дары его, но скрываетъ шо, и съ улыбкою презрѣнія сказалъ юноша: „два раза уже рѣдкое счастье было моимъ уделомъ, несправедливо было бы испытать это и въ третій разъ; поди, ты не заслуживаешь никакой помощи!“ — „Ты дерзосно снимаешь у меня послѣднее мое достоинство — имя честнаго, ошкровеннаго человека!“ — сказала Абдалла: — „для шого ли только ты благошворилъ мнѣ, чтобы потомъ лишашъ всего? Если шакъ, я проклимаю дары швои!“ — Бѣднякъ, шяжко обиженный презрительною насмѣшкою Амина, съ досадою опшранился отъ изумленнаго словами его юноши. Но почтенный Ибрагимъ шихо положилъ руку свою на плечо оскорбленнаго и сказалъ: „не унывай, сынъ мой, когда судьба испытуешъ себя! Нѣтъ Бога, кромъ Бога (*)!“

(*) Изрѣченіе Корана: оно означаетъ *никто какъ*.

Онъ снова воздвигаетъ того, кого маговение Его обратило въ прахъ, и онъ благословенія Его исшекаетъ вся благая! Я не могу дать тебѣ ни золота, ни сребра; но — онъ наклонился и поднялъ валявшійся въ пыли кусокъ свинцу — „если угодно Аллахъ, и сей презрѣнный мешаалъ будешь для тебѣ благословеніемъ, которое низпосылается Онъ каждому, исполняющему заповѣди Его и вѣрующему въ Его благословіе!“ — Крошкѣя, исходящія отъ сердца слова спарца глубоко проникли въ душу Абдаллы; казалось, онъ еще нѣсколько колебался; наконецъ взялъ кусокъ свинцу, предложенный ему Ибрагимомъ, и въ молчаніи удалился. — Аминь, въ размышленіи и недовѣрчиво улыбаясь, попунилъ глаза; наставникъ также не хотѣлъ нарушить молчанія, и въ безмолвіи совершили они обратный путь въ свои жилища.

Но недолго могъ Аминь пробыть въ Багдадѣ; онъ оставилъ его, и протекло нѣсколько лѣтъ прежде, нежели, возвратившись на свою родину, постучался онъ у дверей уединенной обители спарца. Безъ блестящей свиты предсталъ на эшапъ разъ Аминь предъ своего друга. — „Ты правъ, мудрый Ибра-

Богъ, или, кромѣ Единого истиннаго Бога нѣтъ другаго.

гимъ!“ воскликнулъ онъ, подавая руку почтенному спарцу: „Коварно и лживо все, что предлагаешь намъ свѣтъ, и богатство есть самый обманчивый призракъ! Оно измѣнило мнѣ. Желаніе первое исполнилось: Аминь стоить передъ нобою; бѣдный и опроверженный всеми!“ Ибрагимъ съ горячностію прижалъ любезнаго воспитанника къ своему сердцу, и его утѣшительныя рѣчи снова оживили молодого человека, который не столько огорчался потерей своего достоинства, какъ не благодарностію и эгоизмомъ ложныхъ друзей, и презрѣніемъ людей, осыпанныхъ его благодѣяніями. По совѣту спарца, отправился онъ опять въ Багдадъ, и ему удалось еще изъ ошашковъ прежняго своего богатства спасти столько, чтобы при ирудѣ и ограниченности желаній, быть въ состояніи вести безбѣдную жизнь. Нѣсколько мѣсяцевъ спусти, Ибрагимъ посѣтилъ своего воспитанника, и получилъ отъ него увѣреніе, что онъ доволенъ насюющимъ наружнымъ своимъ положеніемъ. Но горестный видъ молодого человека уличалъ его въ неправдѣ; иногда украдкою вырывались вздохи изъ стѣсенной груди его. — „Неужели сынъ мой завидуешь богатству дворцовъ и ихъ обманчивому блеску?“ спросилъ однажды спарецъ, когда они оба, во время вечерней прогулки,

проходили мимо великолѣпныхъ загородныхъ домовъ, и Аминь, не обращая вниманія на красоты вечера и окрестностей, погруженный въ задумчивость, смотрѣлъ, пошупуя голову, въ землю. Юноша покраснѣлъ, и потомъ бросился на грудь Ибрагима. „О отецъ мой!“ воскликнулъ онъ: „ложный блескъ богатства не обольщаетъ меня болѣе, и при всемъ томъ желалъ бы я обладать всеми сокровищами вселенной, чтобы повергнуть ихъ къ стопамъ моей возлюбленной!“ — „Гдѣ же счастливица, умѣвшая наконецъ покоришь сердце гордаго Амина?“ — спросилъ, улыбаясь, старецъ: — „Уви! не знаю и самъ!“ — ошвѣчалъ присыженный юноша: „но она богата, и знатна, и должна быть добра, какъ Ангель. Выслушай меня, отецъ мой! — Нѣсколько недель назадъ, въ одинъ столь же прелестный вечеръ, какъ и нынѣшній, окончивъ свои занятія, сѣлъ я за городъ наслаждаться природою. Избѣгая насмѣшливыхъ взоровъ прежнихъ своихъ знакомцевъ, направилъ я путь свой въ уединенную сторону. Здѣсь рѣшился я опдохнуть на скамьѣ, стоящей у флигеля пышнаго загороднаго дома. Не долго сидѣлъ я тушь, какъ вдругъ ошворилась дверь нижняго этажа, ведущая на широкое крыльцо, которое было уставлено явросходными цвѣтами, и изъ нее вышлѣ

прекраснѣйшая дѣвушка съ серебряною лейкою въ рукѣ. Она не примѣтила меня и спокойно, не опуская покрывала, сама прелестнѣйшій цвѣшокъ между счастливыми растеніями, предалась живымъ попеченіямъ о своихъ питомцахъ. Упадшій или нагнувшійся цвѣшокъ приподнимала она вверхъ, выдающійся наноля; столь спаралась прикрышь отъ ночнаго холода, эшошь оживить на слѣдующій день первыми лучами восходящаго солнца, и такимъ образомъ, все, отъ рѣдчайшаго произрашенія чуждаго климата до послѣдней незначительной полевой травы, было предметомъ живнотной ея заботливости. Наконецъ занятія ея кончились, и прелестная снова сокрылась во внутренніе покои; но меня упренная роса заснула еще на томъ же мѣстѣ, и съ тѣхъ поръ; каждый день вижу я прелестную, и — о отецъ мой! — и она замѣшила меня. Съ участіемъ оставивающаго взоры ея на моему увидѣмъ лицѣ, на эшихъ цѣкахъ, которыхъ любовь къ ней покрыва бѣдностью. Ахъ! Она такъ добра, что чаще дѣлаешь видъ, будто не примѣчаетъ меня, и дозволяетъ бѣдному Амину наслаждаться созерцаніемъ ея прелестей; вчера даже не прошивилась благошественно, му западному вѣтру, который вырвалъ изъ рукъ ея только что сорванную душистую

розу — эшо была самая пышная и яркая на цѣломъ куснѣ — и бросилъ ее на грудь мою!“ — Юноша опниалъ ошъ груди своей поблеклый цвѣшокъ и, орошая его горькими слезами, сказалъ: „у эшого горячаго сердца онъ скоро увялѣ, и ручьи слезъ моихъ не въ состояннн возвратишь ему прежней свѣжести: шакъ и Амннъ склонншь главу свою предъ палацнмъ его солнцемъ, къ коморому однакожъ онъ, какъ и цвѣшокъ, долженъ безпресшанно обращаться. Мудрый ошець мой! Не осуждай слишкомъ жестоко глупца; смотри, невольнo споны мои направилсъ къ замку, гдѣ хранилсъ драгоценнѣйшее сокровище моей жизни!“ — Ибрагимъ подалъ шомимому любовью юношѣ руку, и сказалъ, ушъшая его: „Алла часто ниспосылаетъ на насъ благословеніе свое шогда, когда мы въ глубинѣ души своей признаемъ себя совершенно несчастными. Смотри, любезный сынъ, ты уже и шеперь долженъ почешъ себя счастливымъ! Могла ли бы, нѣсколько лѣтъ шому назадъ, шаяя незначительная вещь, какъ эшотъ цвѣшокъ, принести тебѣ сполько радости! И въ шо время не пошелъ ли бы ты прямо къ прекрасной незнакомкѣ, штобы купишь благосклонность ея швоими сокровищами, между шѣмъ какъ шеперь можешъ предложить за нее швое сердце? И

шакъ, уповай на помощь Вышняго: ошъ Его благословенія зависншь все!“

Вдругъ съ балкона одного дома раздался голосъ: „о Алла! Владыко неба и земли!“ и въ шу же минушу споявшій шамъ мужчина скрылся, проспря къ нимъ напередъ свои объашія. Старецъ въ изумленнн остановилсъ; распроганный Амннъ сказалъ ему: „Вотъ ея жилище!“ — Черезъ нѣсколько минутъ выбѣжалъ изъ дому человекъ, котораго видѣли они на балконѣ, бросилъ прямо къ нимъ, обнялъ колѣна Ибрагима, и воскликнулъ: „О мой благодѣтель, мой избавитель! Ты посланникъ Небесъ! Буди благословенъ Алла, шчо глаза мои сподобилсъ еще узрѣшь тебя, шчо мой языкъ можешъ пролепешать тебѣ благодарность!“ — Ибрагимъ и Амннъ съ удивленнѣмъ узнали прежде споль нуждавшася Абдаллу, который не прешавалъ восклицать: „Смотри: эши пышныя палашы, со веъмъ, шчо въ нихъ ни ешъ, мои; цѣлыя корабли и помѣшья принадлежатъ мнѣ! Но шчо я говорю! Все они швои, швои, благороднѣйшнн изъ людей! О, умоляю тебя, посьши свою собшвенность!“ — Не давая Ибрагиму опомнншя, влекъ онъ его за собою вверхъ по широкому мраморному крыльцу, и безмолвно сѣдовалъ Амннъ за своимъ наспавникомъ. „Зюлима! жена моя! Альма,

мая дочь! И вы всё, дыши мой, надите ниць предь благодъшелемь опца вашего, предь нашимъ собшвеннымъ!“ Такъ взывалъ внѣ себя онъ радости Абдалла и приказалъ сбъжавшимся женщинамъ въ пошь же часъ сбросить покрывала, чптобы давнжеланный посьпешель могъ видѣть блиспающія веселіемъ и благодарностію ихъ лица. „Я бы желалъ показашъ шебъ и сердца наши, благодъшельный незнакомецъ!“ продолжалъ Абдалла, и не престаивалъ восклицашъ, шакъ, что Ибрагиму надобно было нѣсколько разъ повторить просьбу, расказашъ случившееся съ нимъ со времени послѣдней ихъ разлуки. И Абдалла наконецъ началъ:

„Сильно подвѣйствовали ушъшительныя слова швои, почшенный спарець, на мое опустѣвшее, умершее для надежды сердце; поштому не могъ я опвергнушь и швоего подарка, сколь ни малозначущъ и бесполезенъ онъ мнѣ казался. Спокойно положилъ я его, возвращаясь домой; но въ шу же еще ночь опскрылся случай упошребить его съ пользою. Сосѣдь мой, рыбаць, собирался ишши на ловлю; осмашривалъ съни, увидѣлъ онъ, что многіе изъ камней, копорые привязываюица для шяжести, онъ пренебреженія его работниковъ, были опорваны; снаряжался уже со всѣмъ въ пушь, и не могли въ темнотъ най-

ши скоро другой шяжести, сосѣдь мой бранилъ жену и работниковъ. Безъ сна лежалъ я на своемъ ложѣ, какъ черезъ тонкую досчатую перегородку дошелъ до меня эшотъ шумъ. Твой подарокъ пришелъ мнѣ сей часъ на мысль, и я опнесъ его къ рыбаку. Онъ былъ для нихъ очень кошаши, и на другой день, рано по ушру, вошла ко мнѣ жена сосѣда, и съ благодарностію принесла опмѣнно большую рыбу, пойманную въ числѣ множества другихъ свѣшю, къ кошорой былъ привязанъ мой свянецъ. Тогда, почшенный спарець, слова швои опашь живо предстали предь мою душу; я опашь возложилъ надежду свою на Бога. Жена моя спала пошь же часъ пригошвлять рѣдкое для насъ кушанье, какъ Альма, съ дѣтскимъ любопытствомъ споявшая подаъ нее, замѣшила во внутренностяхъ рыбы блестящій камень; она вынула его и принесла своимъ брашьямъ и сешрамъ какъ игрушку. Но къ вечеру камень началъ блиспашъ ярче и ярче, шакъ, что намъ совсемъ не нужно было свѣчь въ нашей хишинѣ; мы радовались сбереженію, какое произойдетъ опъ шого въ нашемъ хозяйствѣ, и расказывали о шомъ пошпороннымъ и сосѣдямъ. Слухъ о семъ разнесся скоро, и какъ многіе знашные и богатые люди не чуждались входить подъ мою низменную кровлю,

чтобы только видя блескающий камень, начал я догадываться, что в нем должно быть чтонибудь особенное, и что впрочем он очень драгоценен, а потому и ослеперегаю продать его первому, который предлагал мне за него изрядную сумму. Наконец дошел слух и до престола Калифа. Повелитель Мусульмань призвал меня к себе. Ошкрьлось, что Султанша, капаясь по воде, выронила из своего перстня драгоценный камень, и до сих пор скрывала от Калифа свою потерю. И Алла освятил раба своего милостию предъ лицомъ своего любимца: владыка Багдада приказал тогда же заплашишь мнѣ и доброму моему сосѣду всю сумму, какой стоилъ камень; а узнавъ, что я ремесломъ веревочникъ, возложилъ на меня заготовленіе канатовъ для своихъ верфей и арсеналовъ. Алла, отъ кошораго — о какъ справедливо сказала ты! — отъ кошораго единаго испекаешь успѣхъ всякаго дѣла, благословлялъ съ шѣхъ поръ каждое мое начинаніе, и рабъ твой являешся теперь передъ тобою богатымъ и уважаемымъ купцемъ!"

Ошблескъ небесной радости сіялъ изъ глазъ мудраго Ибрагима, который обратилъ ихъ теперь на своего воспитанника: Аминъ стоялъ вдали, и съ такимъ восхищеніемъ

смотрѣлъ на Альму, что благоумному старцу не трудно было догадаться, кто была досель неизвѣстная ему красавица. Но пронцашельные взоры его ошкрьли и больше: пылающія щеки дѣвушки и шомные взоры огненныхъ глазъ, которые, не взирая на скромно опущенныя рѣсицы, по временамъ обращались на юношу, увѣрили его, что и Аминъ произвелъ выгодное впечатлѣніе на свою любезную. — Абдалла не допускалъ никого говорить, безпреспанно повторялъ свою благодарность, и между прочимъ, сердился на двухъ опсушшвующихъ сыновей своихъ, которые по сию пору не явились еще на зовъ отца своего.

Наконецъ возвратились и оба мальчика, съ разгорѣвшимися щеками, неся въ рукахъ гнѣздо хищной птицы, изъ кошораго, сквозь исплѣвшую манерію, блистали золотыя монеты. „Смотри, башюшка“ — кричали брагья — „что нашли мы въ гнѣздѣ коршуна!“ — и отецъ узналъ въ находкѣ ихъ похищенную у него чалму. — „О, если бы могъ я съ эшимъ гнѣздомъ предстать передъ молокососа, бывшаго тогда съ тобою!“ — сказала изумленный Абдалла, въ кошоромъ снова пробудилось нанесенное ему прежде оскорбленіе. — Но Ибрагимъ съ важностию прервалъ его: „безъ сомнѣнія, хочешь ты и

ему изъяснивъ сердечную свою благодарность за его, съ добрымъ намѣреніемъ сдѣланный тебѣ подарокъ!“ И старецъ подвелъ воспитанника своего къ смущенному Абдаллѣ, котораго, по измѣнившейся наружности молодого человѣка, и въ душевной радости о-вспрѣчь съ Ибрагимомъ, еще не узнавъ Амина. Хотя онъ, помня прежнюю недовѣрчивость къ нему юноши, и пролепеталъ: „онъ самъ избавилъ меня отъ благодарности!“ — но повинувшись убѣдительному взору Ибрагима, не могъ, по крайней мѣрѣ изъ приличія, не обнять молодого человѣка. — Вдругъ услышали они на дворѣ шумъ, и подоидя къ окну, увидѣли толпу служивцевъ, собравшихся около кадки, которая отъ паденія разсыпалась, и изъ двойнаго ея дна посыпались цехины. Радостно изумленный хозяинъ узналъ и здѣсь прежнюю свою собственность. „О Алла! какъ возвеличиваешь ты раба своего!“ воскликнулъ онъ, бросивъ взглядъ на присыженнаго и печально сползаго Амина. — „Такъ“ — сказалъ почтенный старецъ крошкѣ, душу пронизавшимъ голодомъ: „высоко возносишь Алла человѣка, которому онъ подаетъ случай къ доброму дѣлу; и имѣешь возможность воздать за благодѣяніе есть величайшее его благословеніе. Этого юноша желалъ оказать тебѣ добро;

сдѣлай тоже и съ нимъ, и пошлешь швою будешь угоденъ Богу: онъ любить дочь швою Альму; да будешь она его женою! Благослови ихъ!“ — Богатый Абдалла съ изумленіемъ смотрѣлъ на простую одежду и робкій видъ юноши, который споялъ съ препеномъ, ожидая рѣшенія судьбы своей. Несколько минутъ глубокое молчаніе царствовало въ залѣ. Но въ душѣ Абдаллы снова возбуждилось воспоминаніе о всѣхъ благодѣяніяхъ, оказанныхъ ему Господомъ, и колебавшейся дошолъ, произнесъ рѣшительно: „все, что я имѣю, принадлежить тебѣ, достопочтенный старецъ; возьми же себя и душу моего сердца; Альма будь моею дочерью!“ — Тогда Ибрагимъ подвелъ любящихся другъ къ другу. „Аминъ избранный сынъ моего сердца; Альма будь моею дочерью!“ произнесъ старецъ съ улыбкою благости, и соединилъ руки счастливой чещы. „Все зависить отъ благословенія Божія! Да наупештвенуешь оно васъ, дѣти мои!“

Съ Нльм.

ЖЕРТВЫ ВОЙНЫ (*).

Семейство Софіи Дорсень было из дворянъ, и довольно богато. Оно оставило Францію и удалилось въ Мангеймъ, когда Софіи не было еще и шестнадцати лѣтъ. Въ эпюмъ городъ осталась она жить съ матерью, между шьмъ какъ отецъ ея и братья пошлн на сраженіе.

Вскорь лишилась она матери, которая умерла съ горести; но эпюго недовольно: къ ней въ домъ принесли отца, смертельно раненаго, и въ шо же время распространился слухъ, что братья ея пропали безъ вѣсти.

Нѣжнѣйшія попеченія Софіи остались бесполезны: отецъ умеръ на рукахъ ея. Ей посоветовали возвратиться во Францію, чтобы спасти хотя часть имѣнія, которое должно было достаться ей, какъ несовершеннолѣтней.

Едва перѣехала она границы, съ Урсулою, горничною своей матери, какъ получила извѣстіе о братьяхъ, но извѣстіе самое горестное. По разбитіи корпуса, въ кошоромъ

(*) Вводная повѣсть изъ V тома *Жилблаза революціи*.

находился онъ съ отцемъ, оставивъ Германію, бросился онъ въ Вандею, и тамъ въ первомъ сраженіи былъ смертельно раненъ. Софія, пренебрегая опасності, достигаетъ до плюго мѣсна, гдѣ лежалъ при смерти братья, сердечно ею любимый . . . она принимаетъ послѣдніе его вздохн.

На другой же день послѣ похоронъ брата, хотѣла она выѣхать изъ города, но вдругъ нападаютъ республиканцы. Софія рѣшилась бѣжать; ее догоняютъ и приводятъ къ республиканскому Полковнику. Извѣстно, съ какими жестокостями происходила война въ Вандеѣ: не было пощады и женщинамъ. Но въ Полковникъ Монклеръ Софія нашла покровителя: онъ проводилъ ее самъ до Анжера, гдѣ подъ чужимъ именемъ могла она жить въ безопасности. Онъ же прислалъ къ ней вскорь ея верную Урсуну, съ кошорою была она разлучена, и какъ только позволяла ему служба, привѣзжалъ самъ въ Анжеръ и заботился, чтобы дѣвица Дорсень не имѣла ни въ чемъ недоспашка. Не легко было для Софіи принимать пособія отъ Полковника, но онъ умѣлъ дѣлать ихъ, не оскорбляя нѣжности чувствъ ея; онъ казался счастливымъ, когда могъ чѣмъ нибудь услужить Софіи, когда что и она боялась оскорблять его опшказомъ. Потеря отца и брата сдѣлала боль-

шое впечатлѣніе на ея душу; Полковникъ спарался дать ей замѣшивъ своими попеченіями, что она оспалась не совсѣмъ безъ друга. Онъ не могъ влиять въ душу ея утѣшенія; по крайней мѣрѣ, наполнивъ ее живѣйшею къ себѣ благодарностію. Разставаясь съ нею, просилъ онъ позволенія писать; письма его были почтительны и прогашельны. Софія мало уже надѣялась на удержаніе за собою имѣнія, но Полковникъ, ведя переписку съ сильнѣйшими людьми того времени, заботился и о томъ, чпобъ ее не считали эмиграншкою.

Прошло болѣе полугода прежде, нежели Монклеръ осмѣлился намѣкнуть Софіи, что вѣрнѣйшее для нее средство сохранить имѣніе — отдать ему свою руку, потому что однимъ изъ выходившихъ тогда многочисленныхъ законовъ положено было возвращать все принадлежащее дочерямъ и вдовамъ эмиграншовъ или Вандейцевъ, если онъ вступитъ въ бракъ съ республиканскимъ воиномъ. Полковникъ имѣлъ ревностную за себя ходатайницу у Софіи — Урсулу; но еще болѣе дѣйствовала въ его пользу признательность, внушенная имъ самой дѣвицею Дорсень. Среди бѣдствій и горести, въ которыхъ ввергли ее жестокія пошери, чувствовала она какою-то утѣшительную сладость приво-

дитъ себя на память въ великодушные поступки Монклера. Урсула же твердила госпожѣ своей, что если бъ съ этимъ бракомъ и не возвращалось ей имѣнія, то по крайней мѣрѣ черезъ него пріобрѣтешь она званіе въ свѣтъ и что конечно весьма лестно бытъ супругою Полковника Французской арміи. Убѣжденія подѣйствовали на дѣвицу Дорсень, и вскорѣ сдѣлалась она г-жею Монклеръ.

Полковникъ захошѣлъ, чпобъ жена его поселилась въ Парижъ, куда и онъ прѣхалъ на нѣкоторое время въ отпускъ. Но вскорѣ служба призвала его опять подъ знамена. Его сдѣлали бригаднымъ Генераломъ, и онъ отправился командовать корпусомъ въ арміи de Sambre-et-Meuse.

Прошло два мѣсяца. Г-жа Монклеръ стала однажды читать въ журналѣ описаніе большой побѣды; вдругъ листокъ выпалъ изъ рукъ ея. . . . После славнѣйшихъ подвиговъ, Генералъ Монклеръ убитъ. Какой ужасный ударъ для несчастной супруги! Отецъ, братья, мужъ, сдѣлались жертвою войны! Какой ужасъ, какое омерзѣніе внушали ей шъ людьми и вмѣстѣ безразсудныя распри людей, которыя рѣшались желѣзомъ, огнемъ, убійствомъ, опустошеніемъ — копорыя пожинають столько существъ, уничтожають тысячами цѣлыя семейства! . . . Меньше, чѣмъ въ два го-

да, жестокіе удары поразили ее какъ дочь, какъ сестру, какъ супругу. Она была беременна. „Боже мой!“ восклицала она: „если я буду имѣть сына, они и его у меня похищать . . . и его убьютъ.“

Мрачное опчаяніе овладѣло ею. Въ теченіи нѣсколькихъ дней вѣрная Урсула едва слышала отъ ней нѣсколько словъ. Роковое извѣстіе привело ее въ онемѣніе чувствъ: тогда не могла она плакать, но послѣ глаза ея не осушались. Въ слезахъ и задумчивости проводила она дни и ночи.

Вдругъ возраждается въ ней опять живость и дѣятельность. Она приводитъ въ порядокъ дѣла по тремъ печальнымъ наслѣдствамъ отъ существъ, споль нѣкогда ей милыхъ. Съ большими пожертвованіями обращаетъ она все имѣніе въ капиталъ, достаточный для скромной жизни, какую полагаетъ весни; потомъ, прервавъ всѣ связи въ Парижѣ съ людьми, которые знали ее, удаляется въ маленькую деревеньку, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы.

При ней осталась одна Урсула — никого болѣе не хотѣла она видѣть; даже крестыяне изъ деревни приходили только для необходимѣйшихъ услугъ, какія для нее были нужны. Она была крошка, ласкова, благошворительна; всѣ уважали шайну, копо-

роу спаралась она окружить себя, никто не доносилъ на нее, никто ее не превозилъ. Не зная о несчастіяхъ ея, о которыхъ запретила она говорить и Урсулѣ, сожалѣли объ ней, любили ее; никто изъ сосѣдей не хотѣлъ возмущать ея уединенія.

Съ большою боязнію ожидала она времени своего разрѣшенія. О, какъ желала она имѣть дочь! Но ожиданіе обмануло ее: она родила сына.

Это обстоятельство повергло бы ее въ большую опасность, если бы она прежде не вооружила себя мужествомъ. „Милое дитя!“ говорила она, обливая слезами новорожденнаго: „нѣтъ, себя не испоргнушь изъ рукъ моихъ; не хочу предать тебя той же участи, какой повергся отецъ пивой, всѣ родные мои. Ты будешь жить! я спасу тебя отъ опасностей, отъ ужасовъ жестокой войны, отъ нѣхъ пиранскихъ законовъ республики, которые похищаютъ сыновъ отъ матерей, чтобы сдѣлать изъ нихъ убійцъ или жерсть.“

Сынъ ея получилъ имя Евгенія; она сама кормила его грудью, и едва только порядочно оправилась, какъ оставила свое убѣжище близъ Парижа, и удалилась въ небольшую мызу, купленную для нее тайно въ Вогезскомъ Департаментѣ. Эта мыза распо-

ложена была въ самомъ уединенномъ мѣстѣ, льсисномъ и горисномъ. Пріѣхавъ шуда Г-жа Монклеръ не имѣла уже нужды шайтсѣя; шарому садовнику и жишелямъ хижинки, лежащей невдалекѣ отъ ея домика, объявила она о себѣ, какъ о вдовѣ, кошорой недавно Богъ даровалъ . . дочъ.

Въ этомъ новомъ жилищѣ спала она покойнѣе; природа была здѣсь сурова, но по крайней мѣрѣ шумъ было надежное пристанище отъ подозрительности и нескромности людей, безопасное убѣжище отъ военного шума, удаленное даже отъ большихъ дорогъ, такъ, что и войска не могли никуда проходить черезъ него. Г-жа Монклеръ почти не видала людей; изрѣдка появлялся какой нибудь поселянинъ, и тошъ не прѣбывалъ ничего для себя и мало заботился о другихъ. И такъ все благопріятствовало видамъ пущынищи; недоставало только шото, чтобы исчезла ея горестъ, но и ша прѣвратилась вскорѣ въ шихую задумчивость.

Евгеній, подъ именемъ Евгеніи, воспитывался какъ дѣвушка. Машъ его часто сама шото шъдылась; она не могла не краснѣть, видя, что Урсула даетъ сыну ея уроки въ шитьѣ и въ руководьѣ. „Тому ли,“ говорила она въ самой себѣ, „должна я была учить сына Генерала Монклера?“ Но воспо-

минаніе ужасныхъ ударовъ, кошорые претерпѣла она, обращали ея къ прежней рѣшимости.

Чувствуя, сколь мало имѣетъ она свѣдѣній для образованія своего сына, не смотря на то, непременно хотѣла она заняться имъ безъ всякой посторонней помощи, и для шото, уча сына, вмѣстѣ училась и сама. Вскорѣ познакомилась маленькая Евгенія съ музыкаю, рисованіемъ и довольно основательно узнала языки Французскій и Итальянскій, даже нѣсколько и Латинскій. Г-жа Монклеръ не имѣла намѣренія оставить сына своего навсегда въ неизвѣстности о его полѣ; она знала, что это невозможно; но ей хотѣлось не прежде открыть тайну, пока не возстановился всеобщій и прочный миръ, и съ каждымъ днемъ умножалась рѣшимость ея выдержанъ шакое предположеніе. Какъ прѣдсказала она всякой разъ, слыша о побѣдахъ Французской арміи! Ей было слишкомъ извѣстно, какъ дорого шлояшъ шакія побѣды побѣдителямъ, и она замѣчала Урсулѣ, что за каждымъ извѣстіемъ о подвигахъ, возвеличенныхъ и прославленныхъ въ публичныхъ листахъ, слѣдуетъ обыкновенно большой списокъ убитыхъ и раненыхъ. Продолженіе войны приводило ея въ отчаяніе; ей казалось, что она никогда не кончится.

Опъ какого бремени облегчилась душа ея , когда достигла къ ней вѣсть объ Амiенскомъ мирѣ!

Сыну ея минуло девять лѣтъ; ему и не мечталась знать о своемъ полѣ. И какъ проникъ бы онъ шайну, скрываемую отъ него машерью? онъ видѣлъ только ее и няньку свою Урсалу. Г-жа Монклеръ старалась всего болѣе вперить въ своего сына крошность, скромность, даже робость, какая прилична молодой дѣвушкѣ. Она почти достигла своей цѣли: добрый, любезный нравъ дѣтяти благопріятствовалъ ея видамъ. За всѣмъ тѣмъ иногда пугалась она порывами его живости, запальчивости, и какъ много труда ей стоило умѣрять ихъ! При всѣхъ усиліяхъ, не могла она также пріучить сына быть внимательнымъ къ нарядамъ. Уже покушалась она, въ минуты благошворнаго, но слишкомъ крашкого Амiенскаго мира, открыть ему обманъ свой, но какъ это сдѣлать? Сильное смущеніе овладало ею, и съ шрепешомъ замирало на устахъ признаніе. Припомъ Евгенийъ былъ такъ еще молодъ! Могъ ли онъ понять ее? могъ ли познать причины, ея побудившія? не произведешь ли въ немъ это большой досады прошивъ машери? не потеряешь ли она его довѣренности? и какъ приступить къ тому,

чтобы открыть такую спрланную шайну? Иногда приходило ей на мысль поручить это Урсулѣ, къ которой маленькая Евгенія была очень привязана. Но время проходило; между тѣмъ опять возгорѣлась война; горестъ г-жи Монклеръ возобновилась еще съ болѣею силою, и она благословляла свою скрыпность.

Евгеній, и все еще подъ именемъ Евгении, достигъ шеснацатилѣтняго возраста. Онъ былъ средняго роста для мальчика, но высокаго для дѣвицы. Поселане въ окрестностяхъ говорили, что дочь г-жи Монклеръ и добра и прекрасна. Въ это время случилась большая неприятность для Софii. Урсала получила извѣстіе, что мать ея опасно больна. Какъ отказашъ усиленнымъ просьбамъ вѣрной служительницы, которая хотѣла ушѣшить умирающую мать свою? Хотя она и обѣщала возвратиться скоро, но все могла ли г-жа Монклеръ быть одна въ ея отсутствіе? и какъ не открыть шайны той, которая засупитъ ея мѣсто?

Года за два передъ тѣмъ, по близости, мили за полшоры отъ жилища г-жи Монклеръ, выспроена была скромная, убогая хижинка. Тамъ, у подошвы горы, покрытой лѣсомъ, поселился Жакъ Морень, лѣсной спорожъ, съ женою и дочерью

принадцати лѣтъ. Это собѣдство сначала очень не нравилось г-жѣ Монклеръ; но чпо жь было дѣлать? Мало по малу она привыкала къ тому. Жакъ Моренъ, старый служивый, безпрестанно ходилъ на охоту, или на рыбную ловлю; онъ былъ всегда очень вѣдливъ, очень почтительнень, когда встрѣчалъ г-жу Монклеръ и дочь ея на ихъ прогулкахъ. Жена Мореня, Агаша, бойкая, услужливая женщина, приходила нерѣдко помогать Урсулѣ въ ея работахъ, и очень полюбила молодую Евгенію. Г-жа Монклеръ принимала благосклонно Агашу, которая въ свою очередь была за то признательна. Два или три раза приводила она съ собою дочь свою Фаншешу, и приносила тѣмъ большое удовольствіе Евгеніи.

Урсула, прося позволенія вхашъ къ своей матери, убѣждала г-жу Монклеръ принять для услугъ Агашу, и открытъ ей секретъ. „Это надежная женщина — говорила она — можно положиться на ея преданность, на ея скромность; она не откроетъ тайны даже своему мужу.“ Долго не рывалась г-жа Монклеръ; наконецъ согласилась.

Каково было удивленіе Агаши. „Какъ!“ воскликнула она: „это мужчина, такой прекрасный мужчина! Я виъ себя! Ахъ, сударыня! я предсказываю себѣ, каковъ бы онъ былъ

въ мужскомъ платьѣ. . . .“ Уже г-жа Монклеръ раскаивалась, что сдалась на убѣжденія, но бѣды не ворошить. Она заставила Агашу запечалить пайну сильнѣйшими клятвами.

Урсула уѣхала. Нѣжность спорожевской жены къ Евгеніи, казалось, еще усугубилась. Страхъ г-жи Монклеръ мало по малу исчезъ, и она возымѣла къ ней довѣренность. Евгенія любила часто и долго прогуливаться; худое здоровье г-жи Монклеръ не позволяло всегда ей сопутствовать, и она часто отпускала ее съ Агашою.

Однажды Евгенія приспустила къ Агашѣ съ просьбами, чпобъ она сводила ее къ себѣ, говоря, чпо давно не видала маленькой Фаншешы, которую любить отъ всей души. Въ ту минуту, какъ они пришли, возвратился съ охоты и Жакъ Моренъ. Снявъ и повѣсивъ ружье свое, онъ почтительно поклонился дѣвицѣ Монклеръ, а она, поцѣловавъ Фаншешу, которая покраснѣла сама не зная отъ чего, спала съ большимъ вниманіемъ разсматривать неизвѣстное ей оружіе, и спросила, какъ его употребляютъ. „О! о! — отвѣчала смѣючись Моренъ — это игрушки не для молодыхъ дѣвушекъ; онъ съ ними не сладятъ.“ — „Почему жь бы не такъ?“ — сказала Евгенія, и схвативъ ружье, спала повер-

шывашъ имъ и кидашъ его на рукахъ съ большою ловкостью. „Ай да славно!“ — воскликнула Морень — „и въ самомъ дѣлѣ вы, я думаю, скоро спали бы стрѣляшъ искуснѣ меня.“ Туть Евгенийъ захотѣлось, чтобы выучили ее держанъ ружье. Морень, увѣренный, что оно незаряжено, далъ его нацѣлшъ на дочь свою, которая сидѣла за работою въ углу, но увидѣвъ это, вскочила и бросилась въ испугъ въ другой уголь. Шутка сдѣлалась забавна для всѣхъ: Фаншета прусила и смѣялась, находя, что держашъ ружье очень пристало дѣвицѣ Монклеръ. Агата удивлялась проворству и мужественному виду въ прекрасномъ юношѣ; а Морень восхищался нерешимостію Евгениі, и говорилъ, что она выродокъ изъ всѣхъ дѣвицъ и женщинъ.

Послѣ этого дня Евгениі спала весьма часто посѣщать Мореня; случалось, что ходила съ нимъ и на охоту, не взирая на всѣ увѣщанія Агаты. У Мореня была небольшая лошадка, на которой онъ ѣзжалъ въ ближайшій городъ. Евгениі любила на нее садиться и скакать по пригоркамъ, на что Фаншета не могла смотрѣть безъ ужаса. Но одни ли эти удовольствія привлекали Евгению въ спорожевскую хижину? Между тѣмъ, какъ молодая дочь Мореня чувствовала въ себѣ съ каждымъ днемъ болѣе

привязанности къ Евгениі, не понимая сама отъ чего, молодой человекъ равнымъ образомъ пламенѣлъ къ ней какимъ-то непонятнымъ для него чувствомъ, безпрерывно усиливавшимся.

Г-жа Монклеръ и не мечтала о забавахъ, въ какія вдавался сынъ ея; она не знала ни объ охотѣ, ни о верховой ѣздѣ, а еще менѣе о приверженности его къ Фаншетѣ; не слыша отъ Евгениі ни слова о частыхъ ея прогулкахъ къ Мореню, она ввѣрала ее совершенно Агатѣ, по все съ неперыніемъ ожидала своей Урсулы.

И всѣмъ объ Урсулѣ наконецъ ее порадовала; отъ нея пришло письмо, въ которомъ увѣдомляла она, что мащери ея гораздо легче, и что она скоро возвратишся. Г-жа Монклеръ еще съ большимъ неперыніемъ спала ждашъ ее, но была покойна и счастлива. Однажды занималась она съ сыномъ своимъ музыкою. Онъ былъ очень развѣченъ и даже скучалъ, снѣвша мысленно увидѣшь свою Фаншету — какъ вдругъ слышался вдали барабанный бой. При эшихъ звукахъ, совершенно новыхъ для молодого человека, мащъ его запрепала; онъ вскочилъ и бросился къ окну. Это была гренадерская рота, которая выходила изъ лѣсу и направляла ходъ свой къ хижинѣ спорожа.

Никогда прежде никакой опрядь не проходила чрезъ эту спрану; но въ то время, когда Французы вооружили противу себя всю Европу, какой уголокъ Франціи могъ навсегда оспаваться свободнымъ ошь постою воинь? Вся окрестныя селенія были наполнены ими; гренадерамъ досталось на часпъ эша хижина и ея окрестности.

При видѣ блестящаго оружія, мундировъ, правильнаго, стройнаго хода людей по звукамъ инструмента, огонь вспыхнулъ въ жилахъ молодаго человека; онъ побѣжалъ къ ворошамъ, чпшобъ смонрѣшь ближе. „Я погибла!“ воскликнула бѣдная мать, и упала почти безъ дыханія. Но чувство опасности возбудило ошпшь ея силы. Она бѣжпшь къ сыну; хочешь увлечь ошь опаснаго зрѣлица; долго все усилія остающаго щценны. Между тѣмъ, какъ мать спарается увлечь съ собою молодаго человека, онъ все еще обращаетъ глаза назадъ и восхищается видомъ воинь. „О! о!“ — сказалъ одинъ сержантъ, проходи мимо его: „какая же высокая и прекрасная дѣвушка?“ — „У ней мужской видъ“ — примолвилъ товарищъ его.

Въ жилищѣ г-жи Монклеръ отвели поспой двумъ солдатамъ; къ счастью, нашлось для нихъ мѣсто у ея садовника, который,

по приказанію госпожи, успѣлъ скрышь ихъ ошь взоровъ Евгени.

Въ пошь же день Евгени просьбами и силою увлекла Агашу въ ея домикъ. Къ Мореню поставленъ былъ пошь самый сержантъ, который поущру сдѣлалъ замѣчаніе объ Евгени. Эшошь сержантъ былъ давно знакомъ со спорожемъ, служивъ въ одномъ корпусѣ, такъ, чшо послѣдній принялъ его какъ спариннаго пріятеля. Они сидѣли за столомъ, когда вошли Евгени и Агата; Фаншеша подносила вино другу ошца своего. Спарому сержанту очень понравилась эша дѣвушка, и онъ говорилъ ей привѣщствія на свой образецъ, такъ, чшо Морень помиралъ со смѣху. Евгени, восхищенная солдатами, съ радостію увидѣла одного изъ нихъ у спарыхъ своихъ знакомыхъ, и почтительно ему поклонилась. „А!“ воскликнулъ сержантъ, немного уже охмѣленный: „вошь и ша прекрасная дѣвица, которую видѣлъ я сегодня поущру!“ И шущъ хотѣлъ онъ поцѣловать руку Евгени, но скромность заставила ее ошшолкнуть руку, и эшо сдѣлала она довольно сурово. „Видишь, какая гордая!“ продолжалъ сержантъ; да здравствуетъ же маленькая Фаншеша; она крошка, какъ агленькъ!“ Онъ хотѣлъ поцѣловать руку Фаншешы, какъ вдругъ Евгени схватывалась его

руку, и удерживаешь ее въ приличноиъ отдаленіи: „бросая на него грозные взгляды. . . „Чортъ возьми!“ восклицаетъ сержантъ въ досаду: „если эта дѣвушка не настоящій парень.“ — „Тсъ! шсъ! не надобно этого сказывать!“ — вдругъ проговорила съ Агаша.

Возможно ли изобразить изумленіе всѣхъ, находившихся въ маленькой горницѣ споража? „Неужели въ самомъ дѣлѣ это прекрасное личико не дѣвчье?“ сказала Морень. — Сержантъ сдѣлалъ восклицаніе, и заключилъ его громкимъ смѣхомъ. Фаншена вдругъ поняла, что было у ней на сердцѣ, и жалѣла уже, что молодой человѣкъ, кошораго принимала она за дѣвушку — сынъ знатной дамы. Агаша разрывалась съ досады на свою нескромность. Но Евгенія, или, лучше Евгеній, какія различныя чувства волновали его душу!

Безъ сомнѣній, Агаша сказала истину; онъ не могъ въ шомъ сомнѣваться. Но что побудило скрывать полъ его? Онъ прислуниль къ Агашѣ съ вопросами, и въ то же время бросалъ на Фаншену умильные взгляды. Агашѣ ничего уже не оставалось дѣлать, какъ уснунишь настоящимъ Евгеніа и своего мужа, и отккрышь вполнѣ тайну. Она умолила ихъ не сказывать г-жѣ Монклеръ о ея дошущкѣ, и они обѣщались. „Какъ!“ ска-

заль сержантъ, приложъ съ почтительностию руку къ своему киверу: „шакъ эта дѣвица сынъ славцаго Генерала Монклера! Я имѣлъ честь служить подъ командою вашего батюшки; я видѣлъ, какъ онъ палъ, и пораженный, все еще кричалъ намъ: *впередо!*“ Молодой человѣкъ, при сихъ словахъ, объяснившихъ славу и смерть отца его, почувствовалъ въ душѣ своей мужество, умиленіе и стыдъ; онъ понялъ причину, заставляющую скрывать полъ его; онъ воспылаалъ желаніемъ сразиться, побѣдивъ или умереть столь же славно, какъ умеръ храбрый отецъ его; онъ съ презрѣніемъ глядѣлъ на женскую свою одежку. Еще не успѣли опомниться отъ изумленія, въ какое привело всѣхъ нескромное признаніе Агашы, какъ вошла въ дверь г-жа Монклеръ.

Чувствуя себя лучше, она пошла по слѣдамъ своей милой Евгеніи; желала скорѣе обрадовать ее вѣстью, что къ умру возвратится къ нимъ ихъ вѣрная Урсула. Могла ли она предполагать, что тайна ея уже обнаружена? Молодой человѣкъ не сказалъ ни слова, но болѣе обыкновеннаго расшнчалъ ласки свои матери. Между тѣмъ онъ казался очень задумчивымъ, и это привело въ безпокойство мать его, въ особеншности, когда на вопросъ ея, ошозвался онъ,

чно не совсемъ здоровъ. Они вмѣстѣ оправились домой; ложная Евгенія сказала маме-ри, что ей нуженъ покой, и прощаясь съ нею, была необыкновенно распрогана, такъ, что слезы выступали невольно изъ глазъ ея.

На другой день, какой ударъ для нѣжной матери! Въ то самое время, какъ она радовалась прїезду Урсулы, поразило ее величайшее несчастіе, какого только могла она ожидать: сынъ ея скрылся. Онъ спустился изъ окна въ садъ, перелезъ опшуда черезъ высокій заборъ, и побѣжалъ, оставивъ записку, въ которой увѣдомлялъ, что ему все извѣстно. Нѣсколько строкъ написаны были съ большимъ чувствомъ, съ большою нѣжностію; но замѣнишь ли заочная нѣжность потерю сына? Въ арміи, находившейся тогда на походѣ противъ Россіи, одинъ изъ родственниковъ его занималъ почетное мѣсто. Къ нему, какъ сказано было въ запискѣ, отправилась Евгеній, горя нетерпѣлиемъ сбросить женское платье, и доказать на опытъ, что онъ достоинъ отца своего, достоинъ родныхъ своей матери.

Отчаянная мать думаетъ только о томъ, чтобы найти своего сына, и бросаясь къ его ногамъ, умоляетъ, чтобы онъ поберегъ для нея жизнь свою. Она отправляется съ Урсулой въ городъ, гдѣ узнаешь, что Евге-

ній, съ помощію драгоценнейшей, которой она дарилъ ему, переѣхалъ платье свое на мужское, и съ большою поспѣшностію уѣхалъ въ Германію.

Не буду рассказывать подробностей труднаго путешествія г-жи Монклеръ. Она не могла догнать сына, который слишкомъ опередилъ ее. Въ Варшавѣ узнала она, что онъ нашелъ родственника отца своего, на котораго полагалъ свои надежды, и что дѣйствительно опредѣлился къ нему. Несчастливая мать продолжаетъ путь свой; проѣзжаетъ Вильну. Какимъ ужасомъ наполняется душа ея при видѣ тѣхъ, вопіющихъ на человѣчество предмешовъ, которыми окружена многочисленная армія въ походѣ!

Она проѣзжаетъ въ Смоленскъ, въ ночь самый день, когда происходило сраженіе. Не взиралъ на оглушающій громъ артиллеріи, она бѣжитъ на поле битвы. Плачевный видъ разрушенія выводитъ ее изъ безпамятства. Среди раненыхъ, умоляющихъ о помощи или о смерти, среди шруповъ Русскихъ и Французовъ, между послѣдними видитъ она молодого человѣка, который съ трудомъ приподнимаетъ голову, взглядываетъ на нее, узнаешь: „мамушка,“ говоритъ онъ: „просни мнѣ. . .“ Съ сими словами онъ умираетъ.

Она, бездыханная, падаетъ на грудь своего сына.

Вѣрная Урсула всюду за нею слѣдовала. Какого труда стоило возвратить ее къ жизни. Но увы! не лучше ли было ей пасть подъ бременемъ своей скорби! . . . Чувства ее возвратились, но она потеряла рассудокъ.

Урсула привезла госпожу свою назадъ во Францію. Пока осматривались онѣ среди шепота войны, несчастная г-жа Монклеръ испытывала жесочайшіе припадки сумасшествия. По мѣрѣ удаленія отъ труда она становилась покойнѣе, но тогда мрачное и безмолвное опечаленіе овладѣло ею.

Уже нѣсколько лѣтъ находилась она въ госпиталѣ, гдѣ вѣрная Урсула не переставаетъ прилагать о ней нѣжнѣйшихъ попеченій. Въ обыкновенномъ положеніи она очень тиха, крошка и съ большою признавательностію принимаетъ участіе, которое къ ней оказываютъ. Но какъ скоро слышишь бой барабана, или мундиръ поражаетъ ея взоры, вдругъ сильный притомъ объемлетъ ее, уста дрожатъ и синѣютъ, взглядъ темнѣетъ и становится дикимъ; она раздраетъ свою одежду, бѣжитъ въспревоженная по саду и наполняетъ воздухъ воплями: „Сынъ мой! . . . Евгений! . . . Ощецъ мой! брань! . . . И щецъ

ощецъ моего сына! . . .“ Наконецъ, изнуренная, падаетъ, и припадокъ оканчивается не прежде, какъ по долгомъ безпамятствѣ.

Съ Франц. Ж.

II.

К Р И Т И К А

I.

РАЗБОРЪ РАЗСУЖДЕНІЯ Г. МЕРЗЛЯКОВА: *О началъ и духъ древней Трагедіи* и пр., напечатаннаго при изданіи его *Подражаній и переводовъ изъ Греческихъ и Латинскихъ Стихотворцевъ.*

Amicus Plato, magis amica veritas.

Прискорбно для любителя ошечесвѣнной Словесности возставать на мнѣніи вѣрнаго ея жреца, въ то самое время, когда онъ приноситъ ей въ даръ новый плодъ своихъ трудовъ, и въ живыхъ переводахъ, передавая намъ духъ и красоты древней Пoesiи, воздвигаетъ памятникъ изящному вкусу и чистому Русскому языку; но чѣмъ отличнѣе заслуги Г. Мерзлякова на поприщѣ Словесности, тѣмъ опаснѣе его ошибки, по обширности ихъ вліянія, и любовь къ истинѣ при-

нуждаешь нарушить молчаніе, невольно предписываемое уваженіемъ къ достойному Литератору.

Разсужденіе Г. Мерзлякова : О началѣ и духѣ древней Трагедіи, оправдываетъ истину давно извѣстную, что поэтъ, кпо чувствуешь, не всегда можешь опдаться себѣ и другимъ вѣрный опчешь въ своихъ чувстввахъ. Красоты Поэзіи близки сердцу человѣческому, и слѣдственно легко ему понятны ; но чпобъ произнестъ общее сужденіе о Поэзіи, чпобы опредѣлить достоинство Поэта, надобно основать свой приговоръ на мысли опредѣленной; эта мысль не господствуетъ въ теоріи Г. Мерзлякова, въ которой главная ошибка есть, можетъ быть, недостатокъ теоріи : ибо нельзя назвать симъ именемъ искры чувствъ, разбросанныя понятія о Поэзіи, часто облеченныя прелестію живописнаго слога, но не связанные между собой, неозаренныя общими взглядомъ и перебинныя явными противорѣчіями. — Кпо изъ сего не замѣнишь, что Рецензенту предпощъ двойной прудъ : говори о такомъ Разсужденіи, въ которомъ нѣтъ систематическаго порядка, онъ находишь въ необходимости — не только опровергать ошибочныя мнѣнія, но часто упоминашь и о томъ, что должно бы заключаться въ со-

чиненія объ опрасли Изыцныхъ Искусствъ? Къ несчастію, мы встрѣпимъ довольно доказательствъ къ подтвержденію всего выше-сказаннаго. — Присупимъ къ дѣлу.

Г. Мерзляковъ останавливаетъ насъ на первомъ шагу — вопъ слова его :

„Трагедія и Комедія, такъ какъ и всѣ Изыцныя Искусства, обязаны своимъ началомъ болѣе случаю и обстоятельствамъ, нежели изобрѣтенію человеческого.“ Нужно ли доказывать неосновательность сего софизма, когда самъ Авторъ опровергаетъ его на слѣдующей страницѣ? *„Вѣроятно, говоритъ онъ, что Трагедія не принадлежитъ однимъ Грекамъ, одному какому-либо народу, но всѣмъ народамъ и всѣмъ вѣкамъ.“* Оно болѣе нежели вѣроятно ; оно неоспоримо, если мы здѣсь, подъ словомъ Трагедіи, понимаемъ Драматическую Поэзію; но вѣроятно ли, чпобъ эти два періода были писаны однимъ перомъ, въ разстояніи одной страницѣ? То, что принадлежитъ всѣмъ народамъ, всѣмъ вѣкамъ, не принадлежитъ ли однимъ словомъ человеку, его природѣ, и можешь ли быть обязано своимъ началомъ случаю? *Обстоятельства* ли породили въ человекѣ мысль и чувство? И что значишь здѣсь *человѣческое изобрѣтеніе*? Кпо изобрѣлъ языкъ? кто первый опкрылъ

движенія шѣла, выражающія состояніе сердца и духа? Г. Мерзляковъ, не подтверждая перваго своего предложенія, потчасъ бросаетъ эту мысль, ни съ чѣмъ не связанную, какъ неудачно избранный эпиграфъ, и продолжаетъ: „*Мудрая учительница наша, природа, явила себѣ намъ во всемъ своемъ великолѣпнѣи, красотѣ и благахъ неисчетныхъ, возбудила подражательность, и передала милое чадо свое на воспитаніе нашему размышленію, наблюденію и опытамъ*“ и пр. Положимъ, что такъ; но читатель едва ли постигаетъ скрытое отношеніе сей мысли къ Трагедіи и Комедіи. Поэтъ безъ сомнѣнія заимствуетъ изъ природы форму искусства; ибо нѣтъ формъ внѣ природы; но и *подражательность* не могла породить искусствъ, происпекающихъ отъ избытка чувствъ и мыслей въ человѣкѣ и отъ нравственной его дѣятельности. Тайна сей загадки не разрывается, и немедленно послѣ сего слѣдуетъ исторія козла, убитаго Икаромъ, и Греческихъ праздниствъ въ честь Бахуса. Въ семь разказъ не заключается ничего особеннаго; онъ находится во всѣхъ теоріяхъ, которыя, не объясняя постепенно существеннаго развитія Искусствъ, облекають въ забавныя сказочки Исторію ихъ происхожденія. И такъ мы не будемъ слѣдо-

вать за Г. Мерзляковымъ, когда онъ самъ не слѣдуешь своей собственной нити въ разсказаніяхъ, и воспоминаешь давно извѣстное и пересказанное. — Замѣтимъ только, что, при нынѣшнихъ успѣхахъ Эстетики, мы ожидали въ Исторіи Трагедіи болѣе занимательности. Для чего не показати намъ ея развитія изъ соединенія Лирической Поэзіи и Эпопеи? Для чего не намѣкнути на общую колыбель сихъ родовъ Поэзіи? Изъ подобныхъ замѣчаній внимательный читатель заключилъ бы, что они неощемлемо принадлежатъ человѣку, какъ необходимыя формы, въ которыя выливаются его чувства. Мы бы объяснили себѣ, отъ чего находимъ слѣды ихъ у всѣхъ народовъ; увидѣли бы, что не стремленіе къ подражанію правитъ умомъ человѣческимъ, что онъ не есть въ природѣ существо единственно спрдательное. Но здѣсь нестаетъ — распространяться о понятіяхъ такого рода, и воздвигаешь новую систему на мѣсто мною разбираемой теоріи, шѣль болѣе, что Г. Мерзляковъ, кажется, отвергаетъ всѣ новѣйшія открытія, и вѣроящю, не уважитъ доказательствъ, на нихъ основанныхъ. Онъ говоритъ рѣшительно, что: „*соблазнимые, къ несчастію, затѣйливыймъ воображеніемъ нашихъ Романтиковъ, мы теперь увлекаемъ быст-*

рыль потокомъ весьма сомнительныхъ временныхъ мнѣній“ и видишь путь „судьбу Изящныхъ Искусствъ, склоняющихся уже къ униженію.“ Я осмѣюсь всунуться за честь нашего вѣка. Новѣйшія произведенія безъ сомнѣнія не могутъ сравниться съ древними, въ разсужденіи полноты и подробнаго совершенства. Въ нихъ еще не опредѣлены отношенія частей къ цѣлому — я съэнимъ согласенъ. Но законы частей не опредѣляются ли сами собою, когда цѣлое направлено къ извѣстной цѣли? Нашу Поэзію можно сравнить съ сильнымъ голосомъ, который съ высока зываетъ къ небу, пробуждаетъ во всѣхъ спорныхъ опголоски и усиливается въ своемъ порывѣ (*). Поэзія Древнихъ плавнее

(*) Мы здѣсь говоримъ о тѣхъ только произведеніяхъ, которые опредѣляютъ общее направленіе мыслей въ нашемъ вѣкѣ — *Extrema coeunt*. Весь міръ соспавленъ изъ противоположностей, и нашъ литературный міръ ими богатъ. Но для чего судить по карриашурамъ? — Бездушныя Поэмы, въ которыхъ нѣтъ ни начала, ни конца, безхарактерныя Романы и Повѣсти, бранчивыя Кришики, писанныя единственно на зло врожденнымъ законамъ Логикѣ и условнымъ правиламъ приличія, еще менѣе принадлежатъ къ числу романтическихъ сочиненій, нежели Поэмы Шопелена къ Поэзіи классической.

насъ, какъ гармоническое соединеніе многихъ голосовъ. Она превосходитъ повѣшную въ совершенствѣ соразмѣрностей, но уступаетъ ей въ силѣ стремленія и въ обширности объема. Поэзія Гёте, Байрона есть плодъ глубокой мысли, раздробившейся на всевозможныя чувства. Поэзія Гомера есть вѣрная карпина разнообразныхъ чувствъ, сливающихся какъ бы неволью въ мысль полную. Первая, какъ пошокъ, рвется къ безконечному; вторая, какъ ясное озеро, отражаетъ небо, эмблему безконечнаго. Всякій вѣкъ имѣетъ свой опличительный характеръ, выражающійся во всѣхъ умственныхъ произведеніяхъ; на все равно распространяется наблюденіе истиннаго Филолога, и замѣшимъ, что Науки и Искусства еще не близки къ своему паденію, когда умы находятся въ сильномъ броженіи, стремятся къ цѣли опредѣленной и дѣйствуютъ по врожденному побужденію къ дѣйствию. Гдѣ видны усилія, тамъ жизнь и надежда. Но тогда имъ угрожаетъ неминуемая опасность, когда все порывы прекращаются; настоящее плянется робавно по слѣдамъ минувшаго, когда холодное безстрастіе возсѣдаетъ на памяшникахъ сильныхъ чувствъ и самостоятельности, и цѣлый вѣкъ представляетъ зрѣлище безнадежнаго однообразія. Вотъ, что

намъ доказываетъ Исторія Философiи, Исторія Литературы — но возвратимся къ Г-ну Мерзлякову.

Онъ переноситъ насъ въ первыя времена Греціи, и живописуетъ намъ начальныя успѣхи гражданственной ея образованности, — въ вшой части Разсужденія, какъ и во многихъ другихъ, видно клеймо истиннаго таланта — ясное воображеніе Автора нѣрѣдко увлекаетъ читателя; жаль, что мысли его не выходятъ изъ сферы, очерченной, кажешся, предубѣжденіями. Въ Литературѣ право давности не должно бы существовать, а Г. Мерзляковъ часто жертвуетъ ему собственнымъ сужденіемъ; потому и порывы чувствъ его бываютъ подобны блуждающимъ огнямъ, которые приманиваютъ пушника, но сбиваютъ его съ вѣрной дороги. — Кто ожидалъ бы, чтобы въ нашемъ вѣкѣ на Поэзію взирали, какъ на *орудіе Политики*, чтобы мы были обязаны Трагедіею *мудрымъ правителямъ первобытныхъ обществъ*? — Безполезно опровергать эту мысль: пошль, кто питаетъ въ сердцѣ спрасть къ искусству, спрасть къ просвѣщенію, самъ ее отброситъ. Въ первобытномъ состояніи Греціи, безъ сомнѣнія, Поддника умѣла извлекать пользу изъ произведеній великихъ Поэтовъ. Мы видимъ, что Соловь, Пизи-

спрасть и Пизиспрастиды распространяли распсодіи Гомера, и дѣйствовали шѣмъ на духъ цѣлаго народа; но сіе не доказываетъ ли, что Поддника, имѣвшая въ виду одну шолько цѣль, любовь къ опечесству, къ независимости и славъ, не уклонялась опъ духа вѣка, который былъ, шакъ сказашъ, вечернею зарею героической эпохи, восшѣтой Гомеромъ? Можно ли изъ эго заключить что Поэзія была *орудіемъ* правителей? Нѣтъ! Она была приноровлена къ современнымъ правамъ и узаконеніямъ — безъ сомнѣній, но потому шолько, что и сама Философія, во время рожденія Трагедіи въ Греціи, была больше иррауочительною, нежели умозрительною, — понятія о двухъ началахъ, перешедшія въ Грецію, вѣроятно изъ Египта, гдѣ они были господствующими, начинали уже искореняться; аллегоріи Гомера, въ которыхъ заключалась вся Философія эго времени, шерили уже высокія свои значенія, когда явился Эсхиль, облекъ въ форму своихъ Трагедій народныя преданія, и воскресилъ на сценѣ забытыя мысли древней Философіи. Многие укоряли эго въ томъ, что онъ обнаруживалъ въ своихъ швореніяхъ сокровенныя истины Элевзинскихъ таинъ, въ которыхъ хранился ключъ къ загадкамъ древней Миѣологии. Эшопъ укоръ не доказываетъ ли, что

сей Писатель стремился соединить Поэзію съ любомудріемъ? Ав. Шлегель съ большою основательностію предполагаетъ, что аллегорическое его произведеніе, Прометей, принадлежитъ къ Трилогу, коего двѣ части для насъ пошланы. Эта форма, заключающая въ себя развитіе полной философической мысли, кажется принадлежностію Трагедій Эхима, который въ Агамемнонь, Коэфорахъ и Умолляющихъ, оспавилъ намъ примѣръ полнаго Трилога. Теперь мы легко объяснимъ себя, отъ чего Гомеръ былъ обильнымъ источникомъ для Греческихъ Поэтовъ. И подлинно, гдѣ имъ было черпать, какъ не въ швореніяхъ такого генія, который былъ зеркаломъ мнувшаго, являлся имъ въ атмосферѣ высокихъ, ясныхъ понятій, дышалъ свободнымъ чувствомъ красоты, и въ пѣсняхъ своихъ открывалъ предъ ними великолѣпный міръ, со всѣми его отношеніями къ мысли чловѣка? Послѣ сихъ замчаній естественно представляется вопросъ: былъ ли Гомеръ Философомъ? Стремился ли онъ сосредоточить и развить разсѣянные понятія Религіи? Вопросъ шьмъ болѣе любопытный, что не разрѣшивъ его, нельзя опредѣлить достоинства Поэтовъ, послѣдователей Гомера, нельзя даже судить объ успѣхахъ самого Искусства.

Этого вопроса не сдѣлалъ себя Г. Мерзляковъ: отъ того, можетъ быть, и ошибается онъ въ своемъ мнѣніи о началѣ Трагедіи, и вообще о достоинствѣ Поэзіи. — Вся Философія Гомера заключается, кажется, въ ясной простотѣ его расказовъ, и въ совершенной искренности его чувствъ. Въ немъ, какъ въ безоблачномъ возрастѣ младенчества, нѣтъ усилій ума, нѣтъ опредѣленнаго стремленія, но въздъ видно вѣрное созерцаніе окружающаго міра, въздъ слабый, но предвѣщательныя предчувствія высокихъ истинъ. Вотъ характеръ Гомеровыхъ Поэмъ: онъ духомъ близки къ счастливому времени, въ которомъ мысли и чувства чловѣка соединились въ одной очаровательной области, заключающей въ себя вселенную; къ тому времени, въ которомъ Философія и все Искусства, тѣсно связанныя между собой, изъ общаго источника разливали дары свои на смертныхъ, и волшебная сила гармоніи, воздвигая сѣсны и образуя общества, въ мѣрныхъ гномахъ преподавала чловѣчеству просные, безсмертныя законы.

Слабость доводовъ Г. Мерзлякова обнаруживается еще болѣе, когда онъ приоравливаетъ свою теорію къ характеру шрехъ Греческихъ Трагиковъ. Тутъ щещно играешь его воображеніе: онъ шерается въ

лабиринтъ мелочныхъ мыслей, и часто провиноръчливъ даже доказательствують Истиину и неоспоримой очевидности. Предложимъ хоша одинъ примѣръ. — Г. Мерзляковъ, говоря объ Эврипидѣ, объясняется слѣдующимъ образомъ: „Иногда на сценѣ его являлись Государи, униженные судьбою до послѣдней крайности, покрытые рубищами и просляще подающа на стогнахъ града. Сии картины, чуждыя Эсхилу и Софоклу, сначала вскружили умы.“ Но это положеніе совершенно принадлежитъ Эдипу Колонейскому, и слѣдственно не могло быть чуждымъ Софоклу, и составляло ошачительную черту въ характерѣ Эврипида. Г. Мерзляковъ говоритъ далѣе, что онъ имѣлъ много почитателей, какъ Философъ — мнѣ кажется, что нуть смѣшана Схоластника съ Философіею. Онѣ имѣли совсѣмъ различный ходъ и разное ваіаніе. Конечно Схоластника всегда влачила по стопамъ Философіи; но никогда не достигала возвышенныхъ ея понятий, и шерялась обыкновенно въ случайныхъ примѣненіяхъ, распложаясь въ сентенціяхъ и прищачахъ. — Удивительно ли, что многія частныя секты были защитниками Эврипидовыхъ Трагедій, когда онѣ все носили печаль школы? Но въ глазахъ Литературо-Философа это не досмотиство. Творенія

Эврипида не отражающъ души его; въ нихъ нтъ этого совершеннаго согласія между идеаломъ и формою, которое шакъ павляетъ воображеніе въ Эдипъ Колонейскомъ, и вообще въ Трагедіяхъ Софокла. Въ самыхъ пламенныхъ изліаніяхъ его чувствъ, невольно подозрѣваешь его искренность.

Не буду далѣе распространяться, чтообы не упомяну чипашелей излишними подробностями. Ошдавая имъ на судъ мои замчанія на главныя предложенія Г. Мерзлякова, предославляю имъ рѣшить, справедливы ли онѣ, или нтъ. Во всякомъ случаѣ любознательные могутъ примѣнить тѣ мнѣнія, которыя имъ покажутся болѣе определенными къ характеру каждаго изъ Трагиковъ, и шакимъ образомъ оцѣнить спашью Г. Мерзлякова во всѣхъ ея частяхъ. Многіе замѣнятъ, можешь быть, что я часпо не высказывалъ своихъ мыслей, и въ самыхъ любопытныхъ вопросахъ налагалъ на нихъ оковы. Я это дѣлалъ пошому, что понятія, мною кое-гдѣ изложенныя, требующъ подробнаго развитія и пошолной ниши въ разсужденіи, чего не позволяеть форма критической спашьи, въ кошорой Рецензентъ дѣлается во многихъ отношеніяхъ работою разбираемаго имъ сочиненія. Въ дополненіе Рецензіи моей на разсужденіе Г. Мерзлякова скажу, что если бѣ

оно появилось за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, но безспорно бы имѣло успѣшное вліяніе, — но теперь уже можно претерпѣть отъ Липпершора болѣе самостоятельности. Слѣды Французскихъ сужденій исчезаютъ въ нашихъ теоріяхъ, и Россія можетъ назваться нѣскольکو сочиненій въ семь родъ, по всему праву ей принадлежащихъ. Между ними заслуживаетъ особенное вниманіе Амалия Г. Кроненберга, Харьковскаго Профессора. Въ сей книгѣ не должно искаать теоретической полноты и порядка, но въ ней заключаются ясныя понятія о Поэзій, и она доказываетъ, что Авторъ искренно посвятилъ себя Изящнымъ Наукамъ, и слѣдуетъ за ихъ успѣхами.

Скажемъ нѣсколько словъ о переводахъ Г. Мерзлякова. Они представляютъ обильную жатву для того; кто бы захопѣлъ разсмотрѣть подробно ихъ красоты. Мы съ особеннымъ удовольствіемъ прочли послѣднюю рѣчь Алцесты, разговоръ Ифигеніи съ Орестомъ, предсказаніе Кассандры и превосходный отрывокъ изъ Одиссеи. Вездѣ виденъ духъ пламенный и языкъ выразительный. Хоры Г. Мерзлякова исполнены лирическаго огня. Но вообще въ слоги его можно бы желать болѣе гибкости и легкости, въ стихахъ болѣе ошдѣлки; напримѣръ: Тезей говоришь къ Антигонѣ и Исменѣ:

Упѣшьсесь, нѣжны дочери:
Спрадальцу наконецъ въ покой опверсты двери.

Здѣсь слово *покой* представляетъ явное двусмысліе.

Еще можно замѣтить, что Г. Мерзляковъ, вопреки *тирану-употребленію*, часто въ стихахъ своихъ вызываетъ изъ пыльной спарины выраженія, обреченныя, кажется, забвенію; конечно чрезъ такое приращеніе языкъ его не будитъ, не теряетъ своей силы; но онъ не имѣетъ совершенной плавности, необходимой въ нашемъ вѣкѣ, какъ счастливѣйшая приманка для читателей. Этого нельзя сказать о его прозѣ, которая всегда останется увлекательною.

Я кончаю такъ, какъ началъ, увѣряя читателей, что одна любовь къ Наукѣ заставила меня возстать противъ мнѣній Г. Мерзлякова. Я увѣренъ, что если кришика моя дойдетъ до него, онъ самъ оправдаетъ въ ней по крайней мѣрѣ намѣреніе, съ копорымъ я вооружился противъ собственнаго удовольствія, невольню ощущаемаго при чтеніи такого Разсужденія, гдѣ кисть искусная умѣла соединить силу выраженія со всею прелестію разнообразія.

Sed amicus Plato, magis amica veritas.

Москва.

Замѣчанія на отзывъ Г. С. объ отрывкѣ изъ Тассова Освобожденнаго Иерусалима, переведеннаго Г. Раичемъ.

К ъ И з д а т е л я м ъ .

Въ 40 и 41 нумерахъ Сѣверной Пчелы, напечатана спашья о Полярной Звѣздѣ на сей 1825 годъ. Сочинитель *безусловно* похвалилъ почти весь пѣснь, въ ней помѣщенные, и заключилъ свой панегирикъ (вопреки всѣмъ образчикамъ на панегирики) осужденіемъ опривка изъ XVI пѣсни Тассова Освобожденнаго Иерусалима, переведеннаго Г. Раичемъ. Писая вмѣстѣ со всѣми любителями опечественной Словесности искреннее уваженіе къ достохвальнымъ трудамъ и опличному таланту Г. Раича, еще недавно подарившаго насъ изящнымъ переводомъ Георгикъ Виргиліевыхъ, и представившаго на безпристрастный судъ людей просвѣщенныхъ *многіе уже отрывки* изъ Тасса, и почелъ себя обязаннымъ разобрать укоризны, дѣлаемыя ему предъ лицомъ публики, и представляю вамъ, госнода Издатели, для помѣщенія въ *Сынъ Отечества*, опѣвъшъ мой неизвѣстному Рецензенту.

Вы, Г. Рецензентъ, говорите: „*выбранный Переводчикомъ размѣръ слишкомъ тѣсенъ и сжатъ.*“ Избравъ размѣръ для стихотворенія ешь дѣло Сочинителя и Переводчика; читатель долженъ смотрѣть только на внутреннее достоинство сочиненія или перевода, и на соотвѣтственность вообще формы предмету, что обнаруживается при исполненіи; долженъ смотрѣвъ, заставилъ ли Писатель забыть о размѣрѣ и погрузиться въ созерцаніе предмета. Пусть снимушь намъ копію съ Рафаэлевой Мадонны въ малой рамѣ, и если эша копія дастъ намъ вѣрное и, по возможности, близкое(*) понятіе о геніальномъ подлинникѣ, то мы не въ правѣ будемъ спрашивать у Живописца, почему предсавилъ намъ оное такъ, а не иначе: онъ ввроянно имѣлъ на то *свои* причины. *Ангилари* перевелъ Овидія окшавами, но, читая переводъ его, думаешь, что читаетъ подлинникъ. *Мерзляковъ* переводилъ Греческія Трагедіи Александрійскими стихами, *Шиллеръ* Эврипидову Ифигенію пятистопными ямбами, безъ риемъ — и кто на нихъ за эшо пожалуется? Замѣчу еще,

(*) Не говорю *равное* пошому только, что, по словамъ Жуковского, такое чудо дважды въ душѣ человеческой не совершается. *Сог.*

что семнадцатисложные гекзаметры у нас вообще переводились двенадцатисложными стихами.

И такъ, милосливый государь, не размеръ, о которомъ вы хлопчете, но умѣнье пользоваться размеромъ, главное въ такомъ дѣлѣ; и съ этой только точки можно и позволимельно показывать недоспашки перевода, а не иначе. Да и что такое форма вообще въ Изыяномъ Искусствѣ (*)? — Неправда ли, что это только обликъ (*частное* Искусства), въ которомъ Художникъ представляеть свою идею, сотворившуюся по способу возрѣнія его на предметъ? Скажу болѣе: она зараждается въ душѣ его вмѣстѣ съ самою идеею, и есть его собственное достоянiе, въ которомъ онъ не обязанъ никому опчешомъ. Это же положенiе необходимо должно быть также и условiемъ въ отношенiи къ Переводчику, ибо согласившись, что Переводчикъ, желающiй передать намъ творенiе Поэта, какъ оно есть, долженъ быть самъ Поэтомъ.

Починаю нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ объ окпавѣ Тассовой, въ сра-

(*) Извините, Г. Рецензентъ, этошь вопросъ здѣсь у мѣша, судя по вашему разбору. *Сог.*

вненiи съ размеромъ нашего Переводчика. Окпавъ состоитъ, какъ извѣстно, изъ осьми стиховъ, изъ которыхъ *первый* имѣеть одну риему съ прешьимъ и пятымъ, *второй* съ четвершымъ и шешымъ, а *седьмой* съ осемымъ. Каждый стихъ имѣеть одинадцать слоговъ, долгихъ и короткихъ, безъ спрогаго различiя въ послѣдованiи, особенно при началѣ (число же ихъ опредѣленно), кромѣ послѣдняго, который всегда биваеть короткiй. Въ осьми стихахъ всего 88 слоговъ. Нашъ Переводчикъ чешыре одинадцатисложныхъ стиха Тассовыхъ, помѣстилъ въ своихъ шести стихахъ семи и осемисложныхъ. У Тасса въ чешырехъ стихахъ 44 слога, у нашего Переводчика въ шешти стихахъ 45 слоговъ; у того въ окпавѣ всѣхъ слоговъ 88, въ Русской спрэфѣ ихъ 90, (сверхъ того одинадцатисложный стихъ (сверхъ того раздѣлялся цезурою), и потому въ нькоторомъ отношенiи осемисложный стихъ Г. Раича проспориѣ стиха Тассова одинадцатисложнаго. Гдѣ же ньснота размера, Г. Рецензентъ? — *Главная* разница только въ томъ, что у Тасса въ окпавѣ три риемы, а въ спрэфѣ Переводчика шешъ: а объ ней-то вы и не догадались!

Желательнo, чтобы Г. Раичъ самъ сообщилъ намъ причины, по которымъ онъ

избралъ свой размѣръ; ибо, судя по свободѣ, съ какою владѣешь онъ языкомъ Русскимъ, можно утвердительно сказать, что его переводъ Тасса былъ бы столь же удаченъ, если бы онъ спалъ переводить октавами, почто такъ, какъ Шпрекфусъ перевелъ на языкъ Нѣмецкій. Наша октава, подобно Нѣмецкой, отличается только тѣмъ отъ Италіанской, что имѣешь ритмы мужскія попеременно съ женскими (*). Другая же разница, состоящая въ томъ, что въ Италіанскомъ стихѣ долгіе и короткіе слоги слѣдуютъ одинъ за другимъ безъ порядка, очень много уменьшился, когда мы обратимъ вниманіе на то, что нашъ ямбическій стихъ не совсѣмъ правиленъ: ибо ударенія, которыми опредѣляются стопы, бывають иногда только мнимыя, напр.

о — о о о — о
„Пришельцы молодые

о — о о о — о —
Высокими вранами въ садъ.“

Въ первомъ стихѣ два ударенія, а мы считаемъ ихъ за три, принимая слогъ *мо*

(*) Приглашаю Рецензента взглянуть на монолога *Иоаннѣ* въ Трагедіи Шиллера: *Два Орлеанская*, перев. Г. Жуковск., и на прекрасное стихотвореніе П. И. Козлова: *Италія* (послѣд. см. Повости Литер. Апрѣль, 1825).

за долгіи; во второмъ при считающемся нами за четыре и п. д. Но не смотря на это, Г. Рецензентъ, вы конечно не согласились бы разстаться съ правомъ Италіанскаго Поэта (и даже на языкъ Русскомъ!) написать свой стихъ длиннымъ и крапкимъ слогомъ безъ различія: наружная форма, за которую вы такъ горячо вступаетесь, вѣрно вашъ конекъ въ Литературѣ!

Далѣе говорите вы: *Балладическій Нѣмецкій тонъ не можетъ замѣнить естественныхъ красотъ Тассовой Поэзіи.* — Какъ это хорошо сказано! Только едва ли вамъ кто повѣритъ, Г. Рецензентъ, на слово: не худо, если бы вы представили намъ свои мысли о томъ, что такое вы называете *балладическимъ Нѣмецкимъ тономъ*, и показали бы, много ли есть именно такого *балладическаго* въ переводѣ Г. Рачча (*). О слогѣ же, Г. Рецензентъ, не думаю я, чтобы вы, безъ угрызенія совѣсти, могли сказать что нибудь дурное, ибо въ цѣломъ отрывкѣ, довольно пространномъ, кромѣ двухъ или трехъ оборотовъ, и то

(*) Октавы Тасса сдѣлались, скажу мимоходомъ, дѣйствительно балладами для Италіанцевъ, и распѣваються съ одного конца Италіи до другаго. *Сог.*

еще сомнительных в *нѣкоторыхъ отноше-
нии*, слогу выдержанъ надлежащимъ обра-
зомъ; ссылаюсь въ этомъ на судъ всѣхъ Ли-
тераторовъ и на собственннй вашъ, разу-
мвется *безпристрастный*.

Да и почему этошь, такъ называемый
вами балладическй понь, который слышиш-
ся вамъ въ переводъ Г. Раича, называете вы
именно *Нѣмецкимъ*? — Правда, большая
часть Балладъ Гёте и Шиллера писаны та-
кимъ размеромъ, какимъ переводится Тас-
совъ освобожденный Иерусалимъ, но изъ по-
го конечно не слѣдуетъ, чшобы (ex officio)
всѣ Баллады Нѣмецкя были также излагае-
мы. Нѣмцы имѣли (и имѣють) Писателей,
которые облекли свои Баллады совсѣмъ въ
другя формы. И такъ, Г. Рецензентъ, при-
знайшесь sine ira, не однѣ ли переведенныя
съ Нѣмецкаго *Русскя* Баллады виноваты,
что вы свихнулись на прилагательное *Нѣ-
мецкй*? — Но это говорю мимоходомъ :
пойдемъ-ше дадье.

„Мы видимъ (*), продолжаете вы, что
*Переводчикъ, подражая (?) не Тассу, а од-
ному известному Русскому Поэту (Жу-*

(*) А мы же видимъ, потому что этого ни-
кто не можетъ видѣть. *Сог.*

ковскому?), *безотчетно измѣнилъ красоты
подлинника.*“

О безотчетномъ измѣненіи красоть по-
говоримъ послѣ, а теперь скажемъ нѣсколько
словъ о подражаніи. Въ чемъ находить Ре-
цензентъ подражаніе Г. Жуковскому? Въ
томъ ли, что Г. Раичъ употребилъ такой
размѣръ, какимъ Г. Жуковскй перевелъ и
написалъ нѣкоторыя свои Баллады? — Но
этошь размѣръ у насъ не новостъ : онъ из-
вѣсненъ былъ намъ задолго до Г. Жуков-
скаго. Вотъ стихи Ломоносова, симъ раз-
мѣромъ писанные :

Господь Спаситель мой и свѣтъ,
Кого я убоюсь? —
Господь Самъ жизнь мою блюдешь,
Кого я уснирашуся? и проч... —

И неужели въ Лирикѣ, напримѣръ, пи-
нущемъ ямбами, можно опысывать, и да-
же находить подражаніе Баснописцу, писав-
шему такимъ же размѣромъ? Подумайте, Г.
Рецензентъ, какой послѣ этого принимаетъ
оборотъ ваше мнѣніе, и что вы сказали! —
Если же вы видѣли подражаніе въ чемъ ни-
будь другомъ, то для чего выразили мысли
свои *à la sphynx*?

Въ примѣръ безотчетнаго (?) измѣненія
красотъ подлинника, Рецензентъ приводитъ

спрофу изъ перевода Г. Раича, и октаву изъ Тасса. Вотъ онъ :

Въ волшебный садъ вели спо врать ;

Пришельцы молодые

Высокими врапами въ садъ ;

Изъ серебра лишше,

Они вращались на пятахъ

Изъ золота лишаго ;

И лица видны на врапахъ —

Полмира тамъ земнаго ;

Всѣ живы — лишь не говорятъ ,

А, кажешся, все слышають ,

Взаимный понимають взглядъ

И чувствомъ спраспти дышають .

Per l'entrata maggior (perochе cento)

L'ampio albergo n'avea) passar costoro.

Le porte qui d'effigiato argento

Sui cardini stridean di lucid'oro.

Fermar nelle figure il guardo intento,

Chè vinta la materia è dal lavoro.

Manca il parlar di vivo altro non chiedi,

Nè manca questo ancor, s'agli occhi credi.

и продолжаетъ: „не говоря о прочемъ (что это за таинственное прочее?), замѣняетъ ли литое серебро и литое золото Переводчика правильные и живописные эпитеты Тасса: *effigiato argento, lucido oro*?“

Во первыхъ скажу, что эпитеты *литое* также правленъ, какъ эпитеты *effigiato* и *lucido*; во вторыхъ — *effigiato argento* (чеканное серебро) лучше *немногими* лиша-

го серебра, и это немногое спорницею вознаграждено въ стихъ Переводчика: *И лица видны на вратахъ*. Согласитесь же, Г. Рецензентъ, что эпитеты, за который вы вспушаетесь, переведены превосходно, хотя и не прилагательнымъ, а цѣлымъ предложениемъ.

Эпитеты „*lucido oro*“ (блестящее золото) самъ по себѣ уже слишкомъ обыкновененъ, и вовсе не принадлежащъ къ тѣмъ эпитетамъ, которыми обязанъ дорожить Переводчикъ. (Не указавъ ли вамъ еще, Г. Рецензентъ, на школьное замѣчаніе Блера, который именно порицаетъ эпитеты лишніе, подобныя слѣдующимъ: *liquidæ aquæ, lucido oro*? — Да и самъ знаменитый Галлей, въ крипическомъ разборѣ Тассова Иерусалима, помнится мнѣ, сказалъ нѣчто въ оужденіе такого рода эпитетовъ.) Я не почитаю нужнымъ упоминать и себя и чинашелей дальнѣйшими доказательствомъ разительной несправедливости вашего замѣчанія, особенно въ этомъ мѣстѣ: ибо ошибка (не смѣю подумать умысленная) явно на споронѣ вашей, но почитаю нужнымъ замѣнить, въ наученіе ваше, что находишь (насилъственно) такія, въ существѣ своемъ ничтожныя и мнимыя погрѣшности въ переводѣ гениальнаго творенія, есть дѣло мелочное, недостойное

криптики благонамѣренной. Просвѣщенный ревнивецъ успѣховъ Словесности подобныя успѣлія Аристарховъ награждаетъ обыкновенно улыбкою. . .

Даже продолжаете вы:

„И лица видны на вратахъ
Полміра шамъ земляго.“

Послѣдлаго стиха вовсе нѣтъ у Тасса; за то описаніе его взгляда статуй (?) гораздо богаче:

*Fermar nelle figure il guardo intento,
Che vinta la materia è dal lavoro.*

Этотъ прелестный стихъ, означающій, что искусство работы превзошло даже самое драгоценное вещество, пропущенъ Г. Переводчикомъ.“

Стихъ: „полміра шамъ земляго“ я починою лишнимъ, и заключающимъ въ себя неправильную гиперболу, между нѣмъ, какъ оный Г. Рецензенту нравился, какъ кажется; ибо онъ говоритъ: за то и проч. . . Стихъ: *Che vinta* и ш. д. не пропущенъ у Г. Раича, но выраженъ въ стихахъ послѣдующихъ, хотя я и желалъ бы прочесть его особенно, повидишь, *рельефные*, если смѣю такъ выразиться. Впрочемъ я понимаю эпическіе стихи не такъ, какъ вы, Г. Рецензентъ! — Тассъ не говоритъ, что искусство превзошло даже самое драгоценное вещество,

у него сказано; что вещество побждено работою, а это маленькая разница, ш. е. вещество скрылось за работою, копорая одна, независимо отъ вещества, привлекла вниманіе: видѣлись фигуры живыя и проч. . . Стихъ въ такомъ значеніи поэтической, превосходный.

Приведя спрочу Г. Раича, вы, Г. Рецензентъ, спрашиваете себя: такъ ли это у Тасса? и отвѣчаете: нѣтъ — у Тасса это мѣсто во-первыхъ ясное, во-вторыхъ богаче и живописнѣе.

Что касается до меня, то мнѣ кажется, что переводъ въ эпическіе вопль вполне двойной подлинника, и также совершенно доказываетъ превосходство поэтическихъ дарованій почтеннаго Переводника, какъ и опредѣляетъ эту эстетическую возвышенность, съ копорой онъ просвѣщеннымъ взоромъ глядитъ на великое швореніе своего Автора. Не смѣя брать на себя одного рѣшительнаго судейскаго тона, я предлагаю прозаическій переводъ оклавы Тассовой: пусть сравняютъ читатели. „Сто вратъ вели къ огромному зданію — они (выпязи) входятъ главными. (Врата сія) изъ чеканнаго серебра, вращались на пятахъ изъ блестящаго золота. (Выпязи) устремляютъ внимательный свой взоръ на изобра-

женія, потому что вещество поблждено работою, — языка только недостаетъ имъ, впрочемъ отъ живыхъ ничьмъ не отличаются, не недостаетъ и сего, если вприть глазамъ.“ Для приведенія дѣла въ большую ясность, предлагаю также сію же самую октаву изъ Шпрекфусова перевода, который въ Германіи почитается за образцовый. (Замышле, Г. Рецензентъ, въ Германіи, гдѣ судей Литературы справедливыхъ гораздо больше, нежели у насъ; гдѣ слишкомъ богаты переводами всѣхъ родовъ, и гдѣ Литераторы имѣютъ требованія болѣе взыскапельныя, нежели мы).

„Durch's größte Thor — denn deren hundert führen
Zum räuh'gen Schlosse — schreiten jene zwey;
In goldenen Angeln drehn sich Silberthüren,
Geschmückt mit mannigfacher Bildnerei.
Und sie beschaun die Bilder jetzt und spüren,
Daß theurer als der Stoff die Arbeit sey;
Nur Sprache fehlt, sonst zeigt sich Geist und Seele,
Auch glaubt das Auge kaum, daß jene fehle.“

Не видите ли, Г. Рецензентъ, что любимые эпитеты ваши, *effigato* и *lucido*, и здѣсь, какъ на бѣду, пропущены: врапа изъ чеканнаго серебра переведены просто: *серебряныя*, украшенныя изваяніями различными.

„Мнѣ хотѣлось только сказать, заключающе вы, что передлывать по своему великихъ Поэтовъ, значитъ погрязать

и передъ ними, и передъ своими единоземцами, сообщая смѣхъ послѣднимъ невпріялѣ понятія о твореніяхъ образцовыхъ; и что Тассо заоблачный и одѣтый въ туманы, не есть Тассо Италіанскій, чистый, ясный, свободный и высокій въ простотѣ своей.“

Эпошь періодъ явно обнаруживаетъ всю односпорность вашихъ замѣчаній; достоинство его такого рода, что къ чести нашей Литературы и къ собственной вашей чести, Г. Рецензентъ, я никогда не хотѣлъ бы видѣть его напечатаннымъ. Отъ того, что вамъ хотѣлось только сказать давно извѣстную уже всѣмъ общую мысль, что творенія классическія должны быть переведены классически, вы взводите неблизцы на одного изъ доспойнѣйшихъ Литераторовъ нашихъ, и пугаетесь въ своихъ замѣчаніяхъ. Вамъ доказали, и ясно доказали, что ваши обвиненія неосновательны, извините: *sunt cuique*. — Что же касается до неумѣстной выходки вашей о пуманахъ и облакѣхъ, по объ эпошь говорите я почитаю излишнимъ; ибо увѣренъ, что читатели безприсрастные, разобравъ наше съ вами дѣло, ясно увидятъ, что Тассо въ переводѣ Г. Раича не пуманенъ и не заоблаченъ, но что напротивъ того, въ Г. Рецензентъ, сморщили на переводъ сквозь

шуманъ и облако, и шѣмъ придали своимъ замѣчаніямъ характеръ фанпазлагорической. Предлагаю вамъ здѣсь еще одинъ вопросъ: можно ли по произволенію выбрать одну строчку изъ довольно большаго опривка, и, найдя въ ней шолько одинъ стихъ пропущенный, и два эпитета переменные, произносить рѣшишельный судъ о цѣломъ переводѣ, и произносить его такимъ образомъ? — А въ заключеніе служу Г. Рецензенту аксіомою, ему неизвѣсною, какъ кажешся; вошь она: *О такихъ трудахъ, какъ стихотворный переводъ Освобожденнаго Иерусалима, Илиады, Энеиды, Георгійкы и т. п., должно отзываться съ уваженіемъ, разглашать приговора съ осторожностію, произносить его справедливо, а указывать на ошибки скромно.*

Мнѣ слишкомъ непріятно было чинать неосновательный опзывъ о Г. Раичѣ, объ одномъ изъ досройнѣйшихъ Липераторовъ нашихъ, и попому, можешъ бышь, я выразился въ моихъ замѣчаніяхъ нѣсколько сильно для Г. Рецензента. Пусть онъ извинишь меня, шѣмъ болве, что самъ даль шонъ; пусть разберешъ онъ весь опривокъ, помѣщенный въ Полярной Звѣздѣ, представишь свои мысли, руководствуясь правилами Критики благородной, и въ такомъ случаѣ по-

лучишь благодарность и публики, и Переводчика, и покорнаго его слуги.

Vivete felici!

β.

Москва.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИКА.

I.

ФРАНЦІЯ ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ КАРЛА X.

Съ $\frac{4}{16}$ Сентября прошлаго года, придцашъ миллионвь обипашелей знаменитой Франціи, повинующся скипешру Карла Десятаго. Сіе семилѣтнее царшвованіе послѣдовало, за десятильннмъ владычествомъ Лудовика XVIII, съ такою пищиною, что едва примѣтна была переменна: симъ доказана несправедливосшь почти всеобщаго сужденія, что смершь Лудовика будешъ поводомъ къ новымъ внутренимъ смяшеніямъ во Франціи, и возмнѣшетъ великое вліаніе на ныльшнія, мирныя опношенія Европы. Особы, видѣвшія Францію, и особенно колоссальную столицу оной, въ послѣдніе годы жизни Лу-

довика, не могли учасствовашь въ семь суждений, и должны были убѣдиться въ томъ, что Правленіе сего Государства пріобрѣло непоколебимую швердоссть, и что общественное положеніе Франціи не перемѣнился съ перемѣною имени Власшителя оной. Древнее правило Франковъ: „le Roi ne meurt pas (*)“ нынѣ возстановилось во Франціи, въ первоначальной силѣ своей. Въ то время, когда Лудовикъ XVIII оспавилъ позорище, на коемъ дѣйшвовалъ онъ въ разныхъ видахъ, двѣ причины служили Франціи залогомъ въ непрерывномъ продолженіи ея спокойшвія. Первая заключаешся въ характеръ самой націи. Французы народъ стропшвивый, но управлшшь ими легко. Должны бышъ сильныя и необыкновенныя причины, чшобъ принудить ихъ къ нисроверженію законнаго порядка. Сіе мнѣніе ясно доказано послѣднею войною Бурбоновъ съ Испанією. Сія война явно была не по мысли народа. Девять десятиныхъ долей націи не одобряли оной; сіе расположеніе умовъ доходило до того, что никшо не хотѣлъ вѣршшь релліямъ о побѣдахъ вступившей въ Испанію арміи, кошорой вообще же-

(*) Король не умираетъ, ш. е., немедленно по смерти Короля, ближайшій наслѣдникъ вступашь на престоль.

лали болѣе вреда, нежели успѣховъ. Не взирая на то, шишина не прерывалась, и славолюбіе Французовъ успѣшилось наконецъ побѣдою при Трокадерѣ, и все восторжешствовало съ Бурбонами при паденіи Кадикса. Сія война принесла Бурбонамъ великую пользу. Правительштво конечно можеть назашься сильнымъ, когда созершаешъ предиріашія, прошивныя мнѣнію народному. Сверхъ сего, Бурбоны обрѣли войско преданное имъ, и составляющее вѣрную ограду ихъ престола. Вторая причина шихаго и непримѣннаго перехода власши изъ рукъ Лудовика въ руки брата его находилась въ сходствѣ ихъ управленія. Франція уподоблялась шихо волнуемому морю, на коемъ ничто не предзнаменовало перемѣны. Если бы не увидѣли при погребеніи Лудовика XVIII шоржештва плачевнаго, въ коемъ народъ Парижскій учасшвовалъ съ обычнымъ своимъ любопытшствомъ; если бы вензель, сплешенный изъ лишеры L, не былъ замѣщенъ именемъ Карла X, шо и въ наружности даже мало бы была замѣтна перемѣна Правленія. Перемѣна сія въ умшвенномъ отношеніи зависить ошъ образа мыслей новаго Государя. Но и въ шшомъ случаѣ нельзя было замѣшшь никакой новизны. Причины тому очевидны. Лудовикъ, угнешенный шѣлеснымъ шраданіемъ, лищеннй въ печеніе

трьехъ лѣтъ употребленія ногъ, былъ уже не шопъ Лудовикъ, который въ 1814 даровалъ Франціи Хартію. Въ особенності же странная и мучительная болѣзнь, въ концѣ дней его, до такой степени разслабила сего образованнаго и умнаго Государя, что онъ представлялъ только лице Короля Французскаго и Наваррскаго, а дѣйствовали другіе. Въ сихъ обстоятельствахъ, братья его Карль Филиппъ, называвшійся тогда Monsieur, сынъ сего послѣдняго Герцога Ангулемскій, и въ особенності его супруга, единственная дочь несчастнаго Лудовика XVI, должны были имѣть рѣшительное вліяніе на слабого, почти семидесятилѣтняго Монарха. Прежде сего, образъ мыслей его часто отличался отъ мнѣній ближайшихъ его родственниковъ. Но любовь его къ нимъ, его недуги, и основанное на опытѣ увѣреніе, что Французы не пребудутъ слишкомъ свободнаго Правленія, которое даже несомнѣнно съ ихъ характеромъ, убѣдили Лудовика измѣнить въ разныхъ частяхъ и даже сократить собственное свое твореніе Хартію, обдуманную и начертанную имъ еще въ Англіи. Образъ Государственнаго Правленія Лудовикова также пошерилъ существенную переѣму, изданіемъ закона о невозобновленіи ежегодно Членовъ Палаты Депутатовъ. Сими зако-

номъ дано внутреннему спокойствію и общему священному благососпоанію болѣе твердости. Сія и другія ошѣны не были бы сдѣланы первыми Министрами, избранными Лудовикомъ, но покойный Монархъ часто перемѣнял своихъ Совѣтниковъ, и каждая переѣма Министровъ была причиною вѣщнаго вкорененія въ Кабинетъ правилъ монархическихъ. Французскій Кабинетъ въ началѣ слѣдовалъ правиламъ свободнаго Правленія, а въ послѣдствіи придерживался мнѣній Министрства Наполеонова. Лудовикъ XVIII медлилъ приглашеніемъ въ Государственный Совѣтъ партіи ультра-роялистовъ: эимиъ доказывающагося его дальновидность и умѣренность. Но мало по малу, когда нація временемъ приговорила къ непримѣнной переѣмѣ основнаго закона, и когда не оставалось уже въ виду противодѣйствія, отдавъ онъ бразды Правленія въ руки сей партіи. Поддерживаемая Королевскими Принцами, особенно же нынѣшними Дофиномъ и Дофиною, она непрестанно усиливалась, и нынѣ Карль X, получавшій болѣе и болѣе вліянія надъ брапомъ своимъ, обладаетъ безпрекословно народомъ въ тридцать милліоновъ челоувѣкъ, который легко можетъ получить снова сильный перевѣсъ въ дѣлахъ политическихъ. Нынѣшній Король самъ

предложилъ покойному брату своему Министровъ Графа Виллеля, Графа Корбіера и Барона Дамаса, и посему весьма вѣроятно, что оныя, опасаясь при своихъ мѣстахъ, привесть въ исполненіе мѣры, начертаніемъ коихъ они ознаменовали конецъ жизни Людовика XVIII. Въ послѣдніе годы царствованія покойнаго Короля, они слѣдовали болѣе желаніямъ Графа д'Аршуа и его дѣшей, нежели мнѣніямъ разслабленнаго недугомъ Короля, котораго, въ полной силѣ своей, едва ли одобрилъ бы законъ объ уменьшеніи процентовъ съ Государственнаго долга; еще менѣе рѣшился бы онъ, вѣроятно, на утвержденіе стараго проэкта объ удовольствованіи эмигрантовъ, чтобы не возобновили въ воспоминаніи послѣдняго слѣда Французской революціи, которая не можетъ быть исчерпана изъ Исторіи, и не оплатились Франціи новымъ долгомъ въ тысячу милліоновъ франковъ. Опважность, съ коюю Министерство приводило въ исполненіе сію любимую мысль стариннаго, возвратившагося во Францію Дворянства и Двора, доказываетъ силу нынѣшняго Правленія, и измѣнившееся расположеніе умовъ. За десять лѣтъ предъ симъ, вскорѣ по возстановленіи Бурбоновъ, подобное предпріятіе могло бы причинить превращеніе въ составъ Государственномъ, и

попрятши престолъ Королевскій. Сіе измѣненіе общественнаго мнѣнія сдѣлалось очевиднымъ, при побѣжденіи сверхъ всего чужія конституціонной Испаніи и при возстановленіи престола Фердинанда. Если Бурбоны и Министры ихъ спануть такимъ образомъ продолжать дѣйствія свои, по древняя Франція, въ скоромъ времени, и съ малыми опмѣнами, будетъ существовать въ томъ видѣ, въ коемъ была она въ 1788 году. Нація уже привыкла видѣть возвращеніе стараго порядка вещей. Она вообще довольна, наслаждается плодами мира, и радуется безопасности сего блага, коему не угрожаетъ уже безначаліе, или новое похищеніе престола. Сіе сличеніе нынѣшняго благополучнаго состоянія съ прежнимъ зыбкимъ и безпокойнымъ положеніемъ, какъ всего цѣлаго, такъ и каждаго порознь, придаетъ Бурбонамъ великую твердость въ мнѣніи народномъ. Покольная, взрослога во время революціи, уже не видно. Немногіе изъ буйныхъ республиканцевъ остаются въ живыхъ; старые Маршалы и Генералы, которые пользовались особенною довѣренностію Бонапарта, и составляли кругъ приближенныхъ его, предшествовали властителю своему, или послѣдовали за нимъ въ другой міръ; новое же поколѣніе, въ частной

жизни и въ общественныхъ воспитательныхъ заведеніяхъ, получаешь правила нынѣшняго Правленія, опъ кошораго оно можешь ожидать всего. Единственное желаніе, пипаемое вообще во Франціи, есть то, чпобы спараніе о введеніи прежняго порядка, не слишкомъ дѣйствовало на Словесность, и не пресѣкло успѣховъ въ Наукахъ. Но можно надѣяться, чшо нынѣшнее благоразумное Министерство, увѣряя въ непоколебимости и швердости Королевскаго Правленія, не будетъ считать нужнымъ принимать на сей счетъ какія либо мѣры, кромѣ тѣхъ, кои пребудушя необходимостію.

2.

О приращеніи богатства и силъ Великобританніи.

Нѣкоторые Писатели полагаютъ, чшо Брипанское Государство достигло вершины своего величія, окончаніемъ долготѣшняго боренія съ Франціею, и низверженіемъ челоука, кошорѣй починалъ цѣлю славолюбивыхъ спараній своихъ покореніе Албіона; но съ того времени прошло десять лѣтъ, и Великобританніа вознеслась на высшюю еще

степень силы и благососпоанія, непрерывающихся въ приращеніи своемъ. Въ новыхъ Журналахъ находимъ многія доказательства сего удивительнаго приращенія. Но, чшобы имѣть точное объ ономъ понятіе, должно видѣть огромный Лондонъ: тамъ является сіе приращеніе силъ и внутренняго богатства во всей своей силѣ. Народонаселеніе сего города умножилось нынѣ до полутора милліона душъ, и равняется съ народонаселеніемъ многихъ Государствъ, какъ то: Даніи, Виртембергій и пр. Ежегодно выпраивается въ Лондонъ множество новыхъ улицъ и площадей; сошпи, даже тысячи новыхъ домовъ удивляютъ возвращающихся послѣ кратковременной ошлучки. Деревни, какъ напр. Гакней (Hackney), лежащія въ значительномъ проспранствѣ опъ великаго сего города, нынѣ почти смежны съ нимъ; оный во всѣ спороны равно распространяетъ исполнскія свои предмеція. Лондонъ не имѣетъ ворошь, и не окружается спѣною, какъ Парижъ; посему невозможно показашъ, до какой степени еще распространится обширность сего огромнаго столичнаго и торговаго города. Припомъ принимаюшя многія мѣры къ его украшенію. Великольпная улица Регента, (Regent-Street), ведущая опъ Королевскаго дворца, Карлтонъ-Гауза, перс-

съкающая известную Оксфордскую улицу и оканчивающаяся у новаго парка Регентова, заложенаго съ величайшимъ вкусомъ, не имѣетъ подобной въ мірѣ. Въ Черрингъ-Кроссъ, гдѣ поставлена статуя несчастнаго Карла I, нынѣ ломаютъ рядъ старыхъ домовъ, въ намѣреніи воздвигнуть, на честь націи, дошпойный ея Музей, для помѣщенія сокровищъ Изящныхъ Искусствъ и рѣдкостей природы, для коихъ въ старомъ Бришанскомъ Музѣе не осмаетса мѣста. Вестминстеръ есть прекраснѣйшая часть города; по Государственнымъ Министерства были помѣщены тамъ въ спроеіяхъ, несоотвѣтствовавшихъ сей цѣли. Именно Департаментъ Иностранныхъ дѣлъ находился въ узкой, известной иностранцамъ улицѣ Доунингъ-Спиритъ, въ домѣ очень невѣдомомъ. Нынѣ домъ сей ломаютъ, а Департаментъ, коимъ начальствуешь знаменитый Спашсъ-Секретарь Каннингъ, и въ коемъ онъ принимаетъ чужестранныхъ Министровъ, коимъ въ великолѣпный дворецъ, построенный въ изящнѣйшемъ стилѣ.

Прежде сего въ Англіи часто слышно было сужденіе, что Лондонъ увеличивается слишкомъ на счетъ прочихъ городовъ и областей, что Лондонъ есть исполнѣе, поглощающій всѣ прочіе города. Но это былъ

предразсудокъ. Прочіе города Бришанскаго Государства въ соразмѣрности процвѣтають подобнымъ же образомъ, и успѣхи ихъ въ приращеніи богатства и пространства, заслуживають не менѣе удивленія. Очевидный примѣръ сему подаеть городъ Ливерпуль, почти равняющійся съ столицею въ отношеніи шорговымъ. Безъ всякаго пристрастія къ Англійскому народу, нельзя не ошдаться оному должной справедливости. — Пустопорожнія земли, по крайней мѣрѣ лежація вблизи Лондона, исчезаютъ. Знаменитый Черный боръ (Blackheath), бывший поприщемъ разбойниковъ (Highwaymen), нынѣ превратился въ обширное поле, окруженное прекрасными домами. Разбой Гейвейменовъ сдѣлались весьма рѣдкими, и ихъ уже не опасаются, ибо позорище ихъ дѣйствій уничтожилось ошъ успѣховъ земледѣлія. И пшеходцы нынѣ проходятъ въ совершенной безопасности ночью изъ Гакнея и другихъ ошдаленныхъ мѣствъ до средоточія сего огромнаго города, въ сравненіи съ коимъ, самый даже Парижъ кажется небольшимъ городкомъ.

Иностранецъ, пріѣзжающій въ Лондонъ на одномъ изъ великолѣпныхъ паровыхъ судовъ, ошходящихъ изъ Кале чепырежды въ недѣлю, удивляется, что не находить въ гавани Лондонской столько кораблей, сколько

бы надлежало видѣть въ средоточіи всемирной торговли. Но флоты купеческихъ кораблей располагаются въ обширныхъ бассейнахъ Лондонскаго, Остъ-Индскаго и Вестъ-Индскаго доковъ; надобно видѣть сіи доки, чтобы получить понятіе о ихъ простираниіи, удобствѣ и господствующей тамъ дѣятельности. Сіи заведенія, какъ и всѣ подобныя въ Англіи, устроены издвигеніемъ чашныхъ людей, которые, за усердіе свое къ общей пользѣ, награждаются богатыми процентами съ употребленныхъ ими капиталовъ. Доходы съ приходящихъ судовъ безпрерывно увеличиваются. Въ 1823 году вошло въ Темзу 13,112 судовъ разнаго рода. Въ прошломъ 1824 году, число судовъ, носившихъ сію славную рѣку, простиралось до 15,085. Нынѣ судоходство сіе еще умножилось, ибо новыми Англійскими законами ослаблено ограниченіе вышней торговли, и облегченъ привозъ товаровъ значительнымъ униженіемъ пошлинъ. Прокль преобразования существовавшей нынѣ коммерческой системы, предложенный Парламенту Г. Гускиссономъ, Членомъ Совѣта Министровъ и Президентомъ Департамента торговли, принесетъ обильные плоды. Еще невозможно исчислить, сколько Англія выиграетъ отъ мѣръ, принимаемыхъ нынѣшними

ея Министрами, но можно ожидать самыхъ благихъ послѣдствій къ выгодамъ сего, во многихъ отношеніяхъ единственнаго народа. Пламеннѣйшіе приверженцы оппозиціонной партіи нынѣ прославляютъ Министровъ; въ Англіи не слышно нынѣ ни ропота, ни негодованія. Уже не слыхать ничего о смѣненіяхъ, не видашь народныхъ возмущеній; коренные преобразователи (Radical-Reformers) забыты, и Гуинъ, производившій прежде сего столь сильное впечатлѣніе на умы, едва былъ замѣченъ, когда онъ, въ прошломъ году, явился въ Воксалъ въ бѣлой шляпѣ. Правительство, имѣющее въ виду благо народа, и способствующее оному по мѣрѣ возможности, не имѣетъ надобности опасаться заговоровъ и мятежей народныхъ. Для прекращенія мятежей и въ Ирландіи, и для утвержденія во всемъ Бришанскомъ Государствѣ ненарушимаго благосостоянія, надлежало бы даровать шести милліонамъ Католическихъ обитателей Ирландіи равенство въ правахъ гражданскихъ съ Протестантами. Англійское Министертво занялось симъ великимъ дѣломъ, но едвали оно въ помѣ успѣетъ (*).

(*). Извѣстно, что Нижняя Палата Парламента приняла сей прокъ закона, а Верхняя оный опринула.

Важнѣйшій изъ всѣхъ каналовъ въ мѣръ.

(Изъ Стокгольмскаго Журнала: *Argus*.)

Много писано было въ Журналахъ о предпріятіи перерѣзать каналомъ узкій переешекъ между Сѣвѣрною и Южною Америкою; нѣкоторые Писатели утверждали, что оный приведенъ будетъ въ дѣйство; другіе говорили, что сіе невозможно. Нынѣ пишушь въ Газетѣ Washington National-advertiser, что уже начали рыть сей каналъ, и что средства для довершенія сего дѣла находятся въ Вашингтонѣ. Полагаемъ, что описанныя подробно въ сей Газетѣ обстоятельства относително къ сему предмету тѣмъ любознательнѣе будутъ для нашихъ (Шведскихъ) читателей, что именно наша торговля можетъ ожидать чрезвычайной выгоды отъ сего проѣзда, который, для нашихъ мореходцевъ, убавляетъ 2250 Шведскихъ морскихъ миль (15,750 верствъ) изъ пути въ Китай, состояющаго, въ счастливѣйшихъ случаяхъ, 3,750 Шведскихъ морскихъ миль (26,250 верствъ), или сокращаетъ весь сей путь на $\frac{2}{3}$ доли. Сверхъ того не только все сіе плаваніе будетъ производиться въ экваторѣ, который нынѣ на пути вездѣ

и впередъ, должно проходить четыре раза; но еще будетъ имѣть слѣдствіемъ, что почти въ равномъ направленіи можно будетъ ходишь въ Востъ-Индію и въ Остъ-Индію; что по сему же направленію весьма недалеко до Перу и Мексики, и что на дальнѣйшемъ путешествіи въ открытомъ морѣ, Сандвичевы и Ладронскіе острова представляють мореходцамъ гораздо удобнѣйшія, пріятнѣйшія и изобильнѣйшія мѣсна для снабженія нужными припасами, противу острова С. Елены и Мыса Доброй Надежды.

О семъ великомъ предпріятіи содержится въ помянутой Американской Газетѣ слѣдующее извѣстіе.

Г. В. Д. Робинзонъ, употребившій большую часть своей жизни на изслѣдованіе возможности проложенія сего канала, объявилъ, что совершеніе онаго уже придумано *девятью разными способами*, и что во всѣхъ отношеніяхъ наши удобнѣйшимъ провѣсти путь по озеру Никарагуа, и сей-то планъ *приводится нынѣ въ исполненіе*. Сама природа въ семъ мѣстѣ распоргла исполненія Андскія горы, простирающіяся черезъ всю Америку отъ береговъ Ледовитаго моря до Южнаго Океана, отъ рѣки Мекензи до мыса Горна. Сія горы понижаются въ нижнихъ мѣснахъ, но ни въ одномъ не представля-

топъ сполько удобствъ къ устройенію сообщенія, какъ именно здѣсь. Озеро Никарагуа, имѣющее въ длину до осьмидесяти верстъ, соединяется съ Атлантическимъ Океаномъ посредствомъ рѣки, имѣющей въ длину верстъ шестьдесятъ, удобной для судоходства безъ шлюзовъ, и впадающей въ море подъ $10^{\circ} 45'$ къ сѣверу отъ экватора. Хотя передъ устьемъ сей рѣки находится мелъ въ 12 фузахъ отъ поверхности воды, но сію мелъ прорываешь фарваперъ, имѣющій глубины 25 фузовъ. Рѣка во всѣхъ мѣстахъ имѣетъ глубины отъ 30 до 36 фузовъ, а озеро 48 фузовъ; крачайшій промежутокъ между симъ озеромъ и Тихимъ моремъ, возлѣ залива Попугаевъ, имѣетъ въ длину не болѣе сорока верстъ, и здѣсь нужно устроить каналъ со шлюзами; все сіе пространство состоитъ изъ низменной и ровной земли. Испанскому Правительству было весьма извѣстно, что долина Хоко въ Колумбій, между Карпагеною и Папалюмъ, представляетъ всѣ удобствъ къ устройенію канала, и что во время дождей, когда она сырана понимается водою, перевозжали тамъ на лодкѣхъ изъ одного моря въ другое; но, руководствуясь прежнею полишикою своею, оно запретило, подъ опасеніемъ смертной казни, открытіе сего пути, который удобенъ только для ло-

докъ, для большихъ же судовъ выгоднѣе провѣздъ между рѣкою Санъ-Жуаномъ и озеромъ Никарагуа.

Сѣверо - Американцы ожидаютъ, отъ проложенія помянушаго канала, благопріятнѣйшихъ послѣдствій. Ни одно Государство — нищуть въ Вашингтонской Газетѣ — не будетъ получать сполько выгоды отъ сего провѣзда, какъ Соединенные Штаты. Напримеръ, путь отъ Сѣверной Америки до Кантона вокругъ мыса Горна простирается на 16,000 Англійскихъ морскихъ миль (около 28,000 верстъ); посредствомъ же Никарагуайскаго канала можно будетъ проѣхать изъ Америки въ Кантонъ въ 60 дней. Британское Правительство съ похвальнымъ раченіемъ употребляло всѣ старанія къ открытію сѣверо-западнаго провѣзда между Баффиновымъ заливомъ и Беринговымъ проливомъ, Камчаткою, Японіею и пр. Но если бы старанія сіи и наградились желаннымъ успѣхомъ, то польза, происходящая отъ онаго, была бы весьма маловажна, въ соразмѣрности съ выгодами, представляемыми прямымъ и безопаснымъ путемъ черезъ перешеекъ Американскій. Нѣтъ сомнѣнія, что если сей каналъ будетъ устроенъ — что весьма вѣроятно, ибо Сѣверо - Американцы счисляють пошребные на шо труды и издержки

Бездѣлицею въ сравненіи съ устроениемъ каналовъ Нью-Йоркскаго и Гёнскаго, по Средня Америка содѣляется важнѣйшимъ пунктомъ шара земнаго, и тогда величайшій и богачѣйшій изъ всѣхъ торговыхъ городовъ возникнетъ по берегу озера Никарагуа. Если можно какой либо пунктъ въ свѣтъ съ достачнымъ поводомъ назвать средоточіемъ земнаго шара, то сей пунктъ есть безъ сомнѣнія вто мѣсто, лежащее ровно къ серединѣ новой часши Свѣта, аимъ, гдѣ соединяются оба Океана, и касающееся краевъ старыхъ часшей міра, и. е. западныхъ береговъ Европы и Африки, и восточныхъ береговъ Азии и Австраліи. Сей пунктъ, удобнѣйшимъ образомъ соединитъ Бразилію съ Перу и Калифорніею, Перу и Хили съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами; сіи послѣдніе, Европу, Сѣверную и Западную Африку съ Камчаткою, Японіею, Китаемъ, Новою Голландіею и Ост-Индіею, словомъ, оно мѣсто будетъ почкою соединенія для всѣхъ изобилнѣйшихъ дарами природы и богачѣйшихъ промышленностей Государствъ и народовъ шара земнаго.

Извѣстно, что нынѣ предпринимаются вѣдугъ шри подобныя канала для соединенія Атлантическаго океана съ Тихимъ моремъ: въ области Колумбійской, въ Средней Аме-

рикѣ или Гвашималѣ и въ Мексикѣ. Сверхъ сего составилось въ Лондонѣ Общество, имѣющее цѣлю, посредствомъ значительнаго капитала, проложити сообщеніе между Средиземнымъ и Чернымъ моремъ. Если еще удастся открытъ сѣверо-западный провѣдъ, то можно будетъ ожидать величайшихъ перемѣнъ въ торговыхъ путиахъ и сообщеніахъ всего Свѣта, и неисчислимаго вліянія на просвѣщеніе и политическія отношенія всѣхъ торговыхъ странъ. Изобрѣненіе паровыхъ судовъ, удобныхъ въ особенности для плаванія по Тихому морю, и новое средство усовершенія дорогъ посредствомъ чугуныхъ колеи, тогда содѣлаются еще гораздо важнѣе.

IV.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

О С Е Н Ъ.

(Элегія.)

Угрюмой осени безжалостной рукой
Цѣпши полей похищены съ долины:
Борей разноситъ хладъ и будитъ лѣсъ нагой,
Склоняющій поруганны вершины.

Пьевец задумчивый не оглашаешь боръ;
 Ни рвзкій звук пашушеской свирьли;
 Ни рвзвых Нимфъ села неушомимый хоръ; —
 Поля, луга безъ нихъ осиротѣли.
 Спрадалница любви въ рѣдьющихъ куспахъ
 Одна съ шоской, какъ привидѣнье, бродитъ:
 Неоживленная улыбка на устахъ
 Унынія съ лица ея не сводитъ.
 Въ глуши на мшистомъ пнѣ, подъ иглистой сосной,
 Возсѣвъ, главу склонила онягченну,
 И пусклай взоръ ея, подернутый слезой,
 Привѣшшвуешь дубраву обнаженну;
 Тревожишь только въшрѣ безмолвія престолю
 Иль водопадъ однообразнымъ шумомъ.
 Иль дикихъ врановъ крикъ, несущійся на долъ,
 Иль спонъ глухой въ убѣжищѣ угрюмомъ.
 Все мрачно, жизни все на время лишено,
 Окресный видъ — какъ шльности пусты-
 носшь,
 Гдѣ все ошъ смершнаго какъ бы отчуждено. . . .
 И спрахъ объялъ скорблящу невинность!
 Но Вѣра крошкая, зѣрную шроной,
 Нисходишь къ ней, какъ Ангелъ свѣшозарной,
 И шихо гаснешъ лучъ надежды роковой,
 И пламеникъ любви неблагодарной:
 Одинъ глубокій вздохъ — краснорѣчивый гласъ
 Ушраченныхъ, младенческихъ желаній, —
 Какъ свѣжимъ счастиемъ ласкалася въ первый разъ,
 Безъ шрепеша губительныхъ шраданій;
 Когда душа ея, спокойствиемъ полна,
 Пльнялася невѣдомой надеждой;
 Какъ жизнь еще цвѣла, какъ юная весна,
 И праздничной гордилася одеждой. . .

Но мигъ — и жребій палъ: очаровашель — сонъ
 Сокрылся вдругъ—и съ нимъ увяла младость:
 Коварный сердца гостъ! Какъ мшшители былъ онъ,
 Безжалостно его похитилъ радость.
 О другъ услужливый обманушой любви!
 Гонимыхъ щитъ, товарищъ угнешенныхъ,
 Воспоминаніе! несчастной оживи
 Всю сладость дней, шобою сохраненныхъ.
 Пускай съ шобой она бесѣдовашъ идешь,
 Въ дни шомные осеняго ненастья,
 И сънь забвенія минушнаго пайдешъ
 Въ развалинахъ разрушеннаго счастья.

Дмитрій Гильбовъ.

VII.

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ БИБЛИОГРАФІЯ.

Н О В Ы Я К Н И Г И :

I 8 2 5.

38. *Разборъ трехъ статей, помѣщенныхъ въ Запискахъ Наполеона, соч. Дениса Давыдова.* М. 1825, въ пип. С. Селивановскаго, въ 8, 65 стр.
 (См. No. 10 Московскаго Телеграфа и No 66, 67 и 69 Свѣд. Пчелы.)
 39. *Полное историческое, медико-топографическое, физико-химическое и вра-*

чебное описание Кавказских Минеральных водъ, сочиненное Александромъ Нелюбинымъ, Докторомъ Медицины, Ordinaryнымъ Профессоромъ при Императорской Медико - Хирургической Академии, Коллежскимъ Советникомъ и Кавалеромъ. Двѣ части, С. П. Б. 1825, въ шии. Медиц. Деп. М. В. Д., въ 8, 671 и VIII стр. съ многими таблицами и планомъ.

(См. No 70 Съв. Пчелы.)

40. О продолженіи человеческой жизни, или Домашній Лечебникъ, заключающій въ себѣ средства, какъ достигать здоровой, веселой и глубокой старости, предохранять здравіе надежнѣйшими средствами и пользоваться болѣзни всякаго рода, съ показаніемъ причинъ и лекарствъ, почти повсюду предъ глазами нашими находящихся. Составленный изъ лучшихъ отечественныхъ и иностранныхъ Писателей Княземъ Пароениемъ Енгальчевымъ. Изданіе 4е, С. П. Б. 1825, въ шипопр. А. Смирдина въ 8.

(См. No 68 Съв. Пчелы. Подробное разсмотрѣніе сей книги будетъ помѣщено въ Сынѣ Ошечества.)

Конецъ сто первой части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Т О П Е Р В О Й Ч А С Т И.

Стран.

I. Изящная Словесность.	
1. Голландскій купецъ	3
2. Персидскій Жилблазъ	115
3. Мщеніе	225
4. Жилблазъ Французской революціи	237
5. Благодареніе	317
6. Жершва войны	358
II. Отечественная Словесность.	
1. Описаніе на Крипику замѣчаній о родахъ грамматическихъ въ языкѣ Русскомъ	51
	(Прод.) 157
	(Оконч.) 267
2. Четвертое письмо на Кавказъ	67
	(Оконч.) 195
3. Мои мысли о замѣчаніяхъ Г. Дмитриева на Комедію: Горе ошь ума	177
III. Критика.	
1. Опрывки изъ Г-жи Спаль о Финляндіи	148
2. Разборъ Разсужденія Г. Мерзлякова О началѣ и духѣ древней Трагедіи	359
3. Замѣчанія на описывъ Г. С. объ опрывкѣ изъ Тассова Освобожденнаго Іерусалима	374

IV.	Антикритика.	
1.	Еще къ чипашелямъ Записокъ Подковника Вушье	80
2.	Еще на одну спашью Дамскаго Журнала	294
V.	Древняя Литература.	
	О шрехъ Греческихъ Трагикахъ	134
	(Оконч.)	282
VI.	Военное Искусство.	
	О военномъ глазомѣрѣ	276
VII.	Технология.	
	Чугунныя дороги и паровыя пушки	309
VIII.	Современная История и Политика.	
1.	Взглядъ на происшествія чешырехъ первыхъ мѣсяцевъ 1825 г.	89
	(Оконч.)	217
2.	Франція въ царствованіе Карла X	389
3.	О приращеніи богашства и силъ Великобританніи	396
4.	Важѣйшій каналъ въ мірѣ	402
IX.	Стихотворенія.	
1.	Описаніе зноя	97
2.	Осень	407
X.	Современная Русская Библиографія	112
		224
		314
		409
XI.	Смѣсь.	
	На одну спашью Дамскаго Журнала	105